

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный университет»

На правах рукописи

Рец Ирина Владимировна

**Лингвокультурологические и эколлингвистические аспекты
неономинации**

10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

профессор Шамне Николай Леонидович

Волгоград – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Национальная культура в призме языковой репрезентации	
1.1 Язык как уникальное средство трансляции культуры.....	12
1.2. Понятие национально-культурного компонента и способы его проявления в языке.....	21
Выводы.....	34
Глава 2. Национально-культурная специфика новой лексики	
2.1. Подходы к определению неологизмов в отечественной и зарубежной лингвистике.....	37
2.2. Общая типология неологизмов	50
2.3. Выявление взаимодействия языка и культуры на примере концептуального анализа неологизмов	61
2.4. Лексикография нового слова. Лингвокультурный аспект.....	92
Выводы.....	104
Глава 3. Лингвокультурологические и эколлингвистические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации	
3.1. Экстралингвистические факторы появления новых слов в нидерландском и английском языках.....	106
3.2. Интралингвистические факторы появления новых слов в нидерландском и английском языках.....	124
3.3. Экология нидерландского языка в условиях глобализации.....	134
Выводы.....	159
Заключение	161
Библиография	171
Приложения	197

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию новой лексики современного английского и нидерландского языков последних трех десятилетий рубежа XX-XXI веков и выполнена в рамках антропоцентрической научной парадигмы, изучающей язык в тесной связи с субъектом познания, человеком.

Выбор временного среза обусловлен тем, что именно в указанный промежуток времени под влиянием экстралингвистических факторов, и, в частности, глобализационных процессов и научно-технического прогресса, во многих национальных языках наблюдается «неологический взрыв», или массовое увеличение количества неологизмов. В подобные переходные периоды социальной и культурной эволюции очевидна необходимость проводить комплексные междисциплинарные исследования проблемы языковых изменений, которые позволят установить основные тенденции в развитии языковой системы, динамику общественных преобразований, отраженную в языке, количество и характер новых иноязычных заимствований, состояние экологии языка и другие аспекты.

В рамках неологии, раздела языкознания, изучающего разновидности, способы образования и употребления неологизмов, лингвисты описали модели новых слов с позиций структурной семантики [Абросимова 1998, Антюфеева 2004, Несветайло 2010, Полухина 2012], лингвопрагматики [Алаторцева 1998, Сенько 2007, Тропина 2007], когнитивной лингвистики [Заботкина 1989, 1999, Попова 2005, Розен 2000], теории перевода [Артемова 2012, Хахам 1967], психолингвистики [Тогоева 2000 а, 2000 б], социолингвистики [Гуральник 2006, Катлинская 2009].

В зарубежной науке активно разрабатывается лексикографическое направление в неологии [J. Aalto 2006, R. K. Barhnhart 1995, C.P. Cook 2010, E. Sanders 2010], суть которого заключается в описании лексического и

грамматического значения неологической единицы с целью ее регистрации в словарях литературного языка. Однако, несмотря на высокий научный интерес к вопросу изучения новой лексики, в языкознании до сих пор нет единого мнения относительно понимания неологизма в собственно лингвистическом смысле.

В предпринятом диссертационном исследовании мы опираемся на лингвокультурологический подход в неологии, представленный в работах Г.Ф. Алиаскаровой [Алиаскарова, 2006], Т.А. Гуральник [Гуральник, 2006], Г.В. Комарова [Комаров, 2007], Е.С. Огородниковой [Огородникова, 2005], в рамках которого неологизмы рассматриваются как своеобразное «зеркало» языкового развития, а культура и язык – как формы сознания, отображающие деятельность человека.

Учитывая тот факт, что основными стимулами к лексико-номинативной деятельности являются культурно-исторические, социально-политические и экономические условия жизни, **актуальность** исследования обусловлена следующими факторами: 1) интересом лингвистов к изучению новой лексики в условиях «неологического взрыва» последних трех десятилетий; 2) необходимостью анализа процессов пополнения словарного состава языка и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии; 3) отсутствием комплексных исследований неологизмов с позиций лингвокультурологии и эколлингвистики.

Объектом исследования являются неологизмы литературного английского и нидерландского языков последних трех десятилетий рубежа XX-XXI веков; **предметом** – социокультурная специфика неономинации в английском и нидерландском языках.

В то время как большинство работ, выполненных в данном русле, основано на разносистемных языках, в нашем исследовании в сопоставительном аспекте анализируются языки, принадлежащие к одной языковой группе, носители которых являются германскими народами и

имеют много общих культурных и исторических связей, что является причиной контактов между этими языками.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении способов отражения в неологизмах английского и нидерландского языков взаимодействия языка и культуры, языка и социума, а также анализе изменений, которым подвергся нидерландский язык под влиянием глобального английского.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) уточнить понятие неологизма и способы выявления национально-культурного компонента в значении новых лексических единиц;

2) систематизировать теоретико-методологические основы изучения неологизмов в отечественной и зарубежной лингвистике и уточнить критерии лингвокультурологического подхода в неологии;

3) выявить понятийные сферы английского и нидерландского языков, в которых происходит активное образование неологизмов, охарактеризовать особенности взаимодействия языка и культуры в семантике неологизмов;

4) установить экстра- и интралингвистические факторы, способствующие образованию неологизмов;

5) раскрыть характер и степень воздействия языковой глобализации на нидерландский язык;

6) определить принципы и методы эколлингвистического подхода в неологии.

Для решения поставленной цели и задач в работе применялись следующие **методы исследования**:

- прием сплошной выборки единиц исследования из лексикографических источников, а также коллекций неологизмов и «слов года» на Интернет-порталах;

- общенаучный описательный метод с использованием приемов обобщения, интерпретации и классификации исследуемого материала;
- методы дефиниционного и контрастивного анализа для выявления социокультурных маркеров в словарных определениях неологизмов;
- метод концептуального анализа для описания понятийных сфер концентрации неологизмов;
- прием количественного подсчета для выявления плотности понятийных сфер в исследуемых языках и для установления количества неологизмов, являющихся заимствованиями из английского в нидерландский язык;
- метод диахронического анализа для определения условий происхождения неологизмов;
- опрос респондентов в форме анкетирования для установления эффективности лексикографических источников при изучении неологизмов иностранного языка.

Степень разработанности проблемы. Общие вопросы неологии неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (С.И. Алаторцева, Ю.Н. Антюфеева, Е.А. Жданова, В.И. Заботкина, Л.П. Катлинская, Н.З. Котелова, Т.В. Попова, Е.В. Сенько, С.И. Тогоева, Н.М. Шанский, J. Ayto, K.R. Barnhart, C.P. Cook, M. de Coster, J. Green, A. Metcalf, E. Sanders и др.). Отечественные и зарубежные лингвисты обращались к изучению лингвокультурной специфики значения языковых единиц (Л.В. Базарова, Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, В.Г. Костомаров, Н.А. Красавский, М.В. Милованова, С.Г. Тер-Минасова, Н.Л. Шамне, M. Bucholtz, M. Rijkens, C. White, P. Zima и др.), а также влияния глобализации на экологию языка (С.В. Ионова, М.В. Милованова, А.П. Сквородников, Н.Л. Шамне, В.И. Шаховский, A. Berteloot, G. Booij, A. Fill, M. Gerritsen, P. Muhlhausler, J. Posthumus, N. van Sijss и др.), в то время как исследования неологизмов с позиций лингвокультурологии и

эколингвистики немногочисленны (Г.Ф. Алиаскарова, Т.А. Гуральник, Г.В. Комаров, Е.С. Огородникова).

Научная новизна исследования состоит в том, что

- определяется лингвокультурная специфика понятийных сфер, которые образуют неологизмы современного английского и нидерландского языков. Полученные выводы позволяют установить и сравнить комплекс основных понятий, отражающих культурные ценности носителей английского и нидерландского языков, а также изменения в жизнедеятельности соответствующих социумов;

- обосновывается концепция двуязычного лингвокультурологического словаря неологизмов, содержащего комментарии относительно национально-культурных особенностей единиц новой лексики иностранного языка;

- раскрывается характер и степень воздействия глобального английского на экологию нидерландского языка, что не становилось ранее объектом рассмотрения в отечественной лингвистике.

Теоретическая значимость диссертационной работы связана с уточнением критериев и методов лингвокультурологического и эколингвистического подходов в неологии; изучением природы взаимодействия экстра- и интралингвистических факторов на временном срезе последних трех десятилетий рубежа XX-XXI веков, что впоследствии позволит проводить лингвистические исследования данного периода в диахроническом аспекте на материале неблизкородственных лингвокультур.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться в образовательном процессе для формирования лингвокультурной компетенции у изучающих иностранный язык, в лекционных вузовских курсах по лингвострановедению, теории языка, лексикологии, спецкурсах по лингвокультурологии и неологии, в практикумах по английскому и нидерландскому языкам. Результаты изучения экстра- и интралингвистических факторов неоминации, в том

числе, глобализационных процессов, могут быть использованы в сфере государственного языкового регулирования.

Вследствие того, что большинство словарей новой лексики не предоставляют комментарии относительно национально-культурных особенностей неологизмов иностранного языка, результаты данного исследования также могут найти применение в лексикографической практике. Предлагаемая концепция двуязычного лингвокультурологического электронного словаря неологизмов направлена на обеспечение понимания социокультурной специфики новой лексики, а также восполнение недостатка фоновых знаний у представителей иной культуры.

Материалом исследования послужили неологизмы, зарегистрированные в словарях новых слов последних трех десятилетий английского (Oxford Dictionary of New Words [ODNW, 1999], Twentieth Century Words [TCW, 1999]) и нидерландского языков (Woordenboek van Neologismen [WVN, 1999], De Taal van het Jaar [DTVJ, 2001; 2003; 2004]); коллекции новых слов на интернет порталах (Word Spy, NEOTERM), ежегодные списки языковых новообразований, вошедших в состав онлайн версий литературных толковых словарей Oxford Dictionary и Van Dale Woordenboek; «слова года», которые определяются в рамках специального конкурса с 1990 г. для английского и с 2000 г. для нидерландского языка; результаты анкетирования 100 нидерландских респондентов. Общий объем выборки составил около 3000 единиц новой лексики в исследуемых языках. Лингвистический анализ осуществляется на основе дефиниций неологизмов в указанных источниках с опорой на лингвокультурологический подход в неологии.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области неологии (Л.П. Катлинская, Н.З. Котелова, Е.В. Сенько, С.И. Тогоева, J. Ayto, K. Barnhart, A.A. Metcalf и др.), лексикологии английского и нидерландского языков (В. С. Виноградов, О.А.

Габинская, В. Г. Гак, О.А. Леонтович, В.П. Москвин, М. Gerritsen, J. Posthumus, N. van der Sijs и др.), лексикографии (О.М. Карпова, О.Л. Петрушова, М. De Coster, E. Sanders и др.) лингвокультурологии (Е.М. Верещагин, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, В.Г. Костомаров, Н.А. Красавский, В.В. Красных, В.А. Маслова, М.В. Милованова, Г.Г. Слышкин, С.Г. Тер-Минасова, Н.Л. Шамне, М.Н. Rijkens, P. Zima и др.), когнитивной лингвистики (Н.Д.Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.С.Кубрякова, И.А. Стернин, F. Ungerer и др.) и эколлингвистики (С.В. Ионова, М.В. Милованова, А.П. Сквородников, М.И. Солнышкина, Н.Г. Солодовникова, Н.Л. Шамне, В.И. Шаховский, G. Booij, A. Fill, E. Haugen, P. Muhlhausler и др.).

В основу проведенного исследования была положена следующая **гипотеза**: в неономинии отражаются национально-специфические особенности категоризации и вербализации жизни социума в определенных понятийных сферах, репрезентирующих ценностные приоритеты данного социума; неологизмы кодифицируют новый культурный опыт и характеризуют динамику развития языковой системы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Неологизмы – лексические единицы, новые не только по форме или содержанию в некоторый фиксированный момент времени, но и имеющие новую социокультурную референцию и функционирующие в востребованных данным социумом понятийных сферах. Рациональной комплексной методикой выявления национально-культурного компонента денотативного и коннотативного значений неологизма является сочетание диахронического, контрастивного, дефиниционного и концептуального анализа.

2. Социокультурная специфика неономинии в конкретно-исторический период определяется следующими лингвокультурологическими характеристиками: а) хронология (период возникновения слова); б) наличие новой культурной референции в семантике

единицы (проявление культурного компонента в денотативном и коннотативном значениях неологизма); в) сфера употребления единицы (закрепленность единицы в определенном языковом регистре), уточняющими критерии лингвокультурологического подхода в неологии;

3. Особенности взаимодействия языка, культуры и социума обуславливают распределение неологизмов по различным понятийным сферам в анализируемых языках. Доминирование определенной сферы является показателем ее значимости для лексикона и аксиологической ценности для соответствующего социума. В английском языке к выявленным понятийным сферам относятся «общество и человек», «человек и культура», «техника и наука», «экономика и бизнес»; в нидерландском языке – «социальная политика», «компьютерные технологии и Интернет», «экономика», «экология и окружающая среда».

4. Условия порождения неологизмов, сферы их функционирования в языке, типы новых слов и количество среди них заимствований во многом определяет экология языка. В частности, в нидерландском языке происходит активное вытеснение французских заимствований английскими неологизмами, что сопровождается изменением фонетической формы, а также расширением лексико-семантических вариантов единиц.

5. К экстралингвистическим факторам порождения новых слов наряду с возникновением новых реалий и научно-техническим прогрессом относятся: глобализация, развитие Интернета, распространение антропоцентризма как способа мировосприятия, утверждение политической корректности и толерантности в языковой практике, компрессия времени; к интралингвистическим – тенденции к языковой экономии, большей выразительности, систематизации словарного состава, унификации знаковых средств выражения; конверсия и изменение стилистической закрепленности единицы. Экстралингвистические факторы и в частности глобализация в определяющей степени обуславливают изменение словарного состава языка.

6. В нидерландском языке отмечается увеличение количества прямых неассимилированных англицизмов, изменение характеристик отдельных фонем и морфем и другие преобразования под влиянием языковой глобализации, что создает угрозу для лингвоэкологической безопасности и сохранения культурного своеобразия языка.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования докладывались на международных конференциях «Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах» (Волгоград, 2012), «Язык и Глобализация» (Алматы, 2013), «Коммуникативные аспекты лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2013), «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2013), «Культура, Наука, Образование: Проблемы и Перспективы» (Нижевартовск, 2014), на ежегодных научных сессиях Волгоградского государственного университета в рамках секции «Пространство языка и речи: лингвистические проблемы изучения и описания» (Волгоград, 2012 – 2014), научно-практических семинарах кафедры немецкой филологии Волгоградского государственного университета. В рамках исследования опубликовано 12 работ общим объемом 3,6 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА I. НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ПРИЗМЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

1.1 Язык как уникальное средство трансляции культуры

Культуру можно представить как комплексное явление предполагающее наличие материальной, духовной и социальной составляющих.

Сам процесс общения между людьми осуществляется с помощью совокупности невербальных (звуковых, визуальных, одорических, густических, гаптических, мимических, жестовых, кинетических, проксемических и т.д.) и вербальных или речевых (устных и письменных) способов передачи культурно значимой информации. Как вербальный, так и невербальные способы кодирования культурных сведений составляют внешний аспект культуры, тогда как внутренний аспект связан с ее аксиологической системой. Язык является не только основным средством общения в социуме, т.е. выполняет коммуникативную функцию, но также позволяет передавать культурное наследие от одного поколения другому посредством аккумулятивной функции.

Изучение языка необходимо для понимания культуры, с которой он соотносится. Как справедливо отмечает Н.Л. Шамне, в процессе социализации человек усваивает определенные особенности видения мира, образцы и модели категоризации окружающего мира. В формировании и осознания этих особенностей видения язык играет значительную роль. Различные интерпретации действительности отражаются в языке и передаются с помощью языка. «Язык нации является сам по себе сжатым выражением всей культуры нации» [Шамне, 2000, 32].

В. Гумбольдт одним из первых в языкознании предпринял попытки решения проблемы взаимодействия языка и культуры. В научной среде на протяжении двух последних столетий вызывал спор вопрос, поставленный

этим ученым: можем ли мы говорить об универсальной картине мира или каждый народ воспринимает действительность и выражает результаты данного восприятия в языке по-разному? По словам В. Гумбольдта, «отправляясь от любого языка, можно делать заключение о национальном характере» [Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию, 2000, с. 234].

Е.Ф. Тарасов сводит основные положения концепции В. Гумбольдта относительно взаимосвязи языка и культуры к следующим тезисам: 1) язык является средством выражения материальной и духовной культуры; 2) любая культура национальна, что проявляется в специфической для каждого народа внутренней форме языка; 3) язык выступает посредником между человеком и окружающей его действительностью [Тарасов, 2004, 43].

В отечественном языкознании концепцию В. Гумбольдта о взаимодействии языка и культуры развивал А.А. Потебня. Исследователь признавал важную роль языка в формировании национального мировосприятия и мышления. Согласно А.А. Потебне, человек, владеющий двумя языками, при переходе от одного к другому «изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли» [Потебня, 1999, с. 78].

Некоторые лингвисты (В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова) проводят сравнение языка с зеркалом, отмечая его способность отражать окружающий мир. Язык, действительно, отражает реальность: быт народа, его историю, климатические условия жизни. Так, например, в нидерландском языке, в виду борьбы голландцев с морем и наводнениями, есть и *dijk* ‘дамба’, и *dam* ‘дамба’, и *beer* ‘плотина’, и *hoofd* ‘дамба’, и *wijffe* ‘дамба’. На одном из осушенном голландцами участке моря расположена целая провинция *Flevoland* ‘Флеволанд’, где проживают 180 тыс. человек. В английском языке данное лексическое разнообразие выражается только словами *dyke* и *dam* ‘дамба, плотина’, которых вполне достаточно для описания всех мер, направленных на защиту от воды.

Кроме того, в нидерландском языке можно найти большое количество терминов, относящихся к области судостроения, которые были заимствованы другими языками, например, английским и русским: *boei* (англ. *buoy* 'буй'), *kruis* (*cruise* 'круиз'), *docke* (*dock* 'док / причал'), *schipper* (*skipper* 'скипер'), *sloep* (*sloop* 'шлюпка'), *jacht* (*yacht* 'яхта'), *deck* (*deck* 'палуба'), *ledger* (*ledger* 'брусок') и т.д. [Sijs, 2009, 342] Это обусловлено тем, что уже в XVII веке отрасль судостроения в Нидерландах была одной из самых развитых в Европе, и многие термины были напрямую заимствованы другими языками.

Первостепенный интерес для лингвокультурологов представляют языковые единицы, фиксирующие фактор устойчивости, а также преемственности культурной традиции. Такими элементами в языке являются языковые стереотипы – слова в своих прямых (англ. *blue-collar* 'рабочий'; нидерл. *allochtone* 'иммигрант'; *huisvrouw* 'домохозяйка') и метафорических (о человеке: англ. *chatterbox* 'пустомеля'; нидерл. *domkop* 'олух') значениях; словосочетания (нидерл. *Zwarte Piet* 'Черный Пит' / помощник деда мороза'; англ. *nodding acquaintance* 'шапочное знакомство'); фразеологизмы (англ. *all fingers and thumbs* 'неуклюжий'; нидерл. *de hakken in het zand zetten* 'стоять на своем') [EWN, 2009; LDELС, 1993], передающие с помощью определенных звуковых комплексов смыслы, культурная ценность которых находит подтверждение и неоднократно воспроизводится в речевом опыте разных поколений людей, принадлежащих к определенному этносу.

Общая тема «язык и культура» включает в себя также проблему трансляции (распространения) духовных ценностей, которые должны быть доведены до адресата / человека, осваивающего культурные артефакты. Своеобразной формой существования культуры в сознании индивидуума является национально-культурное пространство, или общее для всех членов данной этноязыковой группы восприятие мира. В лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» эта категория определяется как

«информационно-эмоциональное поле», в котором существует и функционирует человек и которое проявляется при столкновении с элементами иной культуры [Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь, 2004, с. 10]. Вслед за авторами словаря мы считаем, что ядром национально-культурного пространства является национальная когнитивная база или определенным образом организованная совокупность знаний. В этих знаниях зафиксирован опыт освоения и осмысления реальности, правила, нормы и стереотипы мышления, выработанные предшествующими поколениями того или иного социума.

Вместе с тем, далеко не всякий порождаемый человеком текст является единицей культуры; в то же время далеко не всякое культурное произведение выражается с помощью языковых средств [Zima, 1978]. Так, например, текст художественной литературы или фольклора реализует культуру посредством системы языка. Напротив, расписание движения транспорта или же дорожные правила невозможно считать формой подобной реализации, хотя они и представляют собой языковые тексты. Точно также, с другой стороны, музыкальное сочинение, картина или же скульптура являются воплощением культуры, однако прямого отношения к языку они не имеют. Однако при определенных контекстных и стилистических условиях и дорожные правила могут служить выражением культуры, равно как балет или же музыкальное сочинение могут иметь в своей основе «мысленный», но не реализованный языковой текст.

Мы считаем, что процесс духовного освоения действительности имеет некоторое сходство в процессе своего осуществления с обычным коммуникативным актом. Так, в первом случае социум производит духовные ценности, затем они распространяются посредством различных социальных институтов, и, наконец, потребляются адресатом / другими членами данного социума; во втором случае генератор / коммуникатор порождает определенный текст, далее он распространяется по каналам

коммуникативной связи и на следующем этапе воспринимается адресатом / реципиентом. В обеих цепочках в качестве дополнительного звена может появляться своеобразный «ретранслятор». Это может быть переводчик или ученый, занимающийся расшифровкой древних текстов и т.п.

Предметная и деятельностная форма культуры являются «овнешнениями» ее ментальной формы, не доступной внешнему наблюдению. Языковые знаки – это также «овнешнения» (внутренних, ментальных) образов сознания. Данные образы отображают в сознании личностей культурные объекты, которые и замещаются в речевом общении языковыми знаками. Система языка позволяет пользователю замещать не только культурные объекты, но и отношения объектов друг к другу [Немищенко, 2004]. Таким образом, человек может породить неограниченный объем новых знаний благодаря языку, а также рекомбинации освоенных им образов сознания.

Мы можем рассматривать распространение (трансляцию) духовных ценностей с точки зрения пространства и времени. В первом случае происходит синхронная трансляция, в результате которой образуется горизонтальный внутриэтнический и межэтнический культурный континуум, объединяющий членов одного или различных этносов; во втором – диахронная межгенерационная трансляция, которая обеспечивает историко-культурную преемственность этносоциальной группы и приводит к созданию культурной вертикали.

Известный лингвист В.Г. Гак также обращается в своих исследованиях к проблеме трансляции духовных ценностей и выделяет следующие ее каналы:

а) распространение ценностей, осуществляемое неинституционно на уровне микросреды (трудового коллектива, семьи или любой другой социальной группы);

б) передача ценностей, реализуемая с помощью социальных институтов: образовательные учреждения, просветительские организации, музеи, библиотеки;

в) средства массовой информации, литература [Гак, 2000].

Приведенный выше перечень каналов трансляции культуры можно дополнить, уточнив характер адресата (интерперсональный – массовый), а также специфику используемого канала коммуникативной связи).

Анализируя проблему распространения духовных ценностей посредством языка, представляется необходимым определить характер взаимодействия категорий языка и культуры.

На наш взгляд, первым шагом в решении данной проблемы является выявление специфических особенностей языковой системы, позволяющей ей выполнять функции подобного транслятора.

Язык является универсальной знаковой системой открытого типа, способной к постоянному изменению, совершенствованию. Стимулы, активизирующие языковую эволюцию, обусловлены социальным заказом и возникают внутри этносоциальной группы, использующей язык в качестве средства коммуникации. Однако их итоговая реализация происходит в соответствии с внутренними законами языка, языковой нормой или, другими словами, языковым стандартом, обладающими конвенциональным характером. Таким образом, большинство языковых инноваций ограничиваются требованиями максимально полноценного понимания в рамках речевого акта и подчиняются законам коммуникации конкретного языка.

Характер эволюции и, в частности, постепенность развития языка делают его уникальным средством и хранения духовных ценностей. Как справедливо отметил А.С. Герд, «гибкая стабильность языковой системы» позволяет воспринимать результаты культурного освоения окружающего

мира разными поколениями данного социума, т.е. обеспечивается историко-культурная преемственность общества [Герд, 2005, с. 28].

Языковая знаковая система имеет разнообразные средства выражения, которые обладают внутренней компактностью и передают максимально емкое содержание. Так называемый асимметричный дуализм языкового знака позволяет достичь семантического синкретизма при минимуме средств языкового выражения.

Немаловажным фактором является и сама структура языка с его внутренним разделением на центр и периферию. В языковой системе можно вычленить единицы как активного, так и пассивного запаса, которые употребляются при необходимости или в определенных контекстах.

Наряду с особенностями языка, рассмотренными нами выше, универсальность данного феномена как средства распространения и сохранения культурных ценностей определяется совокупностью следующих факторов:

а) во-первых, язык предлагает разные формы фиксации текста (графическую, звуковую), что обуславливает как визуальное, так и аудитивное восприятие информации. Исторически и генетически первичной является, без сомнения устная форма, применяемая, например, в фольклоре или народном творчестве.

Графическая форма фиксации текста сделала возможным не только общение субъектов, находящихся в разном пространственном и временном континууме, но и привела к «отчуждению» творения от его создателя, расширила круг потребителей подобных культурных творений, способствовала более детальному их осмыслению и анализу [Антипов, 1989, с. 84].

В XX в. произошла «электронная революция», которая породила новые каналы информации, в связи с чем не только письменная, но и устная форма

языка становится средством общезтнического, межэтнического и даже международного обмена информации.

б) во-вторых, язык обладает обширным инвентарем выразительных средств, которые являются необходимыми в самых различных сферах жизни. В данном случае мы имеем в виду в первую очередь функциональные стили литературного языка.

Исследование взаимодействия феноменов языка и культуры позволяет выявить, что не только язык оказывает влияние на культуру, обеспечивая полноценное распространение духовных ценностей, но и язык, выступая в качестве подобного транслятора, формирует свои онтологические и функциональные свойства в соответствии с этой ролью. Так, например, выбор того или иного трансляционного канала определяет набор используемых языковых средств, а также обуславливает реализацию тех свойств языковой системы, которые не употреблялись в других трансляционных каналах.

При всех очевидных преимуществах применения языка в качестве средства трансляции культуры следует также рассмотреть проблему скрытой конфликтности.

Потенциальная возможность возникновения языкового барьера при культурном контакте этносов, применяющих различные языковые системы, является лишь одной стороной этой проблемы. Данная трудность может быть преодолена путем соотнесения языковых систем друг с другом – например, с помощью перевода с одного языка на другой. В этом случае на первый план выдвигается проблема максимальной смысловой адекватности исходного текста соответствующему иноязычному аналогу.

Разные формы и уровни языковой системы по-разному передают ментальность народа. Данный процесс имеет дуальный характер: статический и динамический. В первом случае можно установить эмпирическим путем, что слова, словосочетания и грамматические формы

способны в своих значениях отражать элементы определенной этнокультуры. Во втором случае данная способность проявляется в особенностях употребления языковых единиц в речи, выбор языковых элементов в речи, который осуществляет представитель той или иной культуры, иллюстрирует, какие элементы реальности, их отношения и свойства обладают первостепенным значением в языковом сознании говорящего. «Языки различаются между собой не только тем, что они «имеют», но и тем, как они используют то, что имеют» [Вежбицкая, 1997, с. 15]. В данном исследовании мы изучаем в первую очередь статический аспект процесса трансляции культурных ценностей в языке, т.к. язык рассматривается нами в качестве системы, существующей в памяти не отдельного его носителя, а языкового коллектива в целом в фиксированный момент времени. В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению обоих этих фактов, особенно в сопоставительном языкознании и лингвокультурологии.

Между понятиями язык и культура нельзя поставить знак равенства. Зачастую особенности нашей родной культуры проявляются, когда мы говорим на иностранном языке или участвуем в межкультурной коммуникации. Напротив, воспринимая иноязычные сообщения, мы не всегда можем определить все культурные специфические связи, которыми насыщены эти сообщения. Для формирования более адекватного понимания, человек, действующий иноязычно, должен знать все правила культурно-специфического употребления языковых единиц [Милованова, 2007]. Таким образом, можно всегда выявить те ситуации, когда необходимо обращаться к данным языка для того, чтобы усвоить культурные реалии, как и те, когда необходимо привлекать факты культуры, чтобы понять значение или принцип использования языковых единиц. В современной лингвистике большое внимание уделяется культурологической аргументации. Для обеспечения адекватности речевого употребления при анализе языкового контекста используются сведения культурологического характера.

Современная культурология основана на методах системного подхода, в рамках которого предполагается, что культура состоит из объективных (материальных) и субъективных (духовных) элементов. Г.Г. Слышкин отмечает сложность применения данного подхода в исследованиях по лингвокультурологии, т.к. лингвисты имеют дело лишь с объективными проявлениями культуры, в качестве которых выступают языковые единицы, и анализируя которые, они должны выявить специфику субъективных культурных форм и смыслов [Слышкин, 2004].

Вслед за Е.М. Верещагиным [Верещагин 2005], В.И. Карасиком [Карасик 2010, 2012], Н.А. Красавским [Красавский 2001], В.А. Масловой [Маслова 2004], Ю.С. Степановым [Степанов 2007], С.Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова 2000, 2008], Н.Л. Шамне [Шамне 2000, 2007] и др., мы считаем, что язык является одним из составляющих элементов культуры, произведенных социумом. Данный феномен представляет собой систему конвенциональных знаков, имеющих графическую и звуковую форму выражения и отражающих объекты культуры. Кроме того, язык относится к одним из этнообразующих факторов, т.к. он способен дифференцировать различные этнические общности. Задача языка заключается в обеспечении беспрепятственной коммуникации внутри этноса, и в этом плане все живые языки способны выполнять данную функцию.

1.2. Понятие национально-культурного компонента и способы его проявления в языке

Как известно, слово передает не только актуальную информацию в ходе повседневной речевой коммуникации, но вместе с тем транслирует данные социально-исторического, интеллектуального, экспрессивно-эмоционального, оценочного характера на общегуманистическом и конкретно национальном уровне. Подобные единицы информации и

составляют национально-культурный компонент в смысловой структуре слова.

Разумеется, отдельные этнокультуры обладают определенными универсалиями, вследствие наличия схожих черт в социально-исторических и биологических условиях развития человечества. Однако при этом существует и масса различий, связанных с недискретным характером участников этнокультуры, препятствующем полному ее пониманию с позиций другой культуры. В.М. Савицкий сравнивает описание иностранного языка и культуры с задачей о квадратуре круга: «на определенной стадии исследования возникает иррациональная величина, не поддающаяся делению без остатка» [Савицкий, 2006, с. 8].

Языковые единицы отражают не сами объекты реальности, а их видение, которое сформировано в сознании носителя языка на основании представления, понятия о данных объектах. А.Н. Леонтьев подобный характер смысла выразил в формуле «смысл есть значение для меня» [Леонтьев, 2012, с. 117]. Понятие образуется путем обобщения главных признаков, поэтому данный процесс можно рассматривать как абстрагирование, отвлечение от конкретных деталей этих объектов. Путь от действительности к понятию и затем к языковому выражению отличается у разных этносов, что вызвано различиями в их историческом развитии, климатических условиях жизни, особенностями быта и, следовательно, различиями в эволюции их общественного сознания.

Вследствие того, что наше сознание обусловлено как коллективной памятью, связанной с традициями, обычаями или жизненным укладом, так и индивидуальной, отражающей специфическое восприятие действительности, свойственное данному конкретному индивидууму, «язык воспроизводит действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» [Базарова, 2007, с. 73].

В.И. Карасик, рассматривая вопрос взаимодействия языка и культуры в своем труде «Языковая кристаллизация смысла», не случайно использует образ кристаллизации в качестве ключевого. Согласно ученому, «в мире физическом образование кристалла есть процесс постепенного накопления заданных характеристик определенного вещества. В мире знаковом это сравнение может пониматься как аккумуляция переживаемых культурно-значимых знаний о мире в содержании языковых единиц и сознании языковой личности» [Карасик, 2010, с. 5].

В фольклорной традиции известно понятие «магического кристалла» – волшебного прозрачного предмета, напоминающего драгоценный камень, который передает нечто скрытое, например, прошлое или будущее. Подобным образом в языке определенного сообщества отражаются культурно-значимые смыслы. Социум вырабатывает модели языковой компрессии и фиксации важной для него информации и модели нейтрализации данных, не являющихся более актуальными. При этом общество является одновременно однородным и многомерным образованием, а процессы, определяющие накопление и устранение культурных смыслов довольно противоречивы [там же, с. 6].

При лингвокультурологическом подходе в языкознании объектом исследования являются лингвокультуремы, рассматривающиеся в качестве «диалектического единства лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [Воробьев, 2008, с. 44-45]. В нашем исследовании мы используем понятие «национально-культурный компонент значения», под которым мы понимаем семантические компоненты языковой единицы, выражающие культурную и национальную специфику восприятия действительности членами того или иного этноса.

Культурный компонент слова в конкретном языке можно выявить в словарных дефинициях или непосредственно в текстах, в которых сопоставлены различные синхронные срезы истории развития данного

социума, бытующие стереотипы мышления по отношению к происходящим событиям, речевое поведение представителей разных социальных групп и т.д.

Согласно подходу Н.Ю. Шведовой, языковое окружение слова наряду с его внутренними свойствами выступают как одни из важнейших факторов его многоаспектного анализа: «...лексическая единица всегда существует одновременно в контексте класса, в контексте текстовой последовательности и в содержательном («обстановочном») контексте речевой ситуации» [Шведова, 2005, с. 34]. Данный подход относится к методам дискурс-анализа в лингвистике, в рамках которого исследуется контекст употребления, окружение языковых единиц в процессе языковой деятельности, в дискурсе. Дискурс-анализ позволяет выявить культурные смыслы, которые эксплицируются не в семантике отдельной языковой единицы, а которые формируются в результате действия множества факторов, участвующих в коммуникации [Леонтович, 2011, с. 148].

Однако для более полного и всестороннего исследования процесса взаимодействия языка с окружающим миром необходимо анализировать не только языковое окружение слова, но, в первую очередь, его содержание, значение. По мнению Е.Ф. Тарасова, в словарном значении соотносится некая звуковая (или графическая) форма с объектом или явлением действительности. Семантика, таким образом, связывает собственно мир языка с реальным миром. «Эта ниточка, связывающая два мира, опутана культурными представлениями о предметах и явлениях окружающего мира, свойственных данному речевому коллективу или отдельному носителю данного языка» [Тарасов, 2004, с. 47].

Так, обратившись к словарным дефинициям, можно установить, что, например, единица английского языка *cinderella* ‘золушка’ в англосаксонской лингвокультуре обозначает человека, несправедливо гонимого, которого не любят или обижают (*a person or thing that is*

undeservedly neglected or ignored [ODE, 2010]); в нидерландской лингвокультуре юные герои рассказов Анни Шмидт *Jip en Janneke* ‘Йип и Яннеке’ (в русском переводе известны как Саша и Маша) ассоциируются с простой, односложной манерой говорить, понятной каждому: *Jip en Janneke taal* ‘язык Йип и Яннеке’ [GWNT, 2005].

Несомненно, в любой паре языков можно найти слова, которые являются эквивалентными по содержанию их коннотативных значений. Иллюстрациями подобных семантических универсалий в исследуемых языках служат такие примеры, как единица *rose* в английском – *roos* в нидерландском языке (роза) в значении ‘достаток, довольство’: англ. *a bed of roses* ‘не жизнь, а рай’ – нидерл. *op rosen gaan* ‘жить в довольстве’; единица *warm* ‘теплый’ в значении ‘горячий, радушный’: англ. *warm greetings* – нидерл. *warme groeten* (горячий привет) [LDELС, 1993; GWNT, 2005].

В результате языковых контактов язык заимствует слова для выражения явлений и понятий, принадлежащих иной культурной среде или иному языковому мышлению. Если в англоязычном мире отсутствуют единицы *stroomwafel* (нидерл. ‘круглая вафля-сэндвич с карамельной прослойкой’) и *hoeker* (нидерл. ‘гукер, рыболовное судно с крючковой снастью’), то данные понятия эксплицируются с помощью заимствований из соответствующего языка. Таким образом, наглядной иллюстрацией идеи присутствия лингвокультурного компонента в значении слов является наличие безэквивалентной лексики. Однако в словарном составе языка данный разряд лексики невелик. Так, Л.В. Базарова отмечает, что в русском языке к безэквивалентной лексике относятся всего 6-7% слов [Базарова, 2007, с. 74].

Вслед за Н.Л. Шамне мы полагаем, что национально-культурный компонент значения можно выявить как в лексическом понятии, так и лексическом фоне слова. Под лексическим фоном понимается множество непонятных семантических долей, относящихся к слову, представляющих

собой совокупность всех тех сведений в сознании носителя языка, которые соотносятся с данной языковой единицей [Шамне, 2000, с. 35]. В различных исследованиях по лингвокультурологии используются близкородственные понятия «культурная коннотация» и «лексический фон». В целях избежать терминологической неоднозначности мы вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым определяем культурную коннотацию как семантическую долю значения, дополняющую сведения об объективно существующей реалии сведениями относительно ее национальной специфики [Верещагин, 2005, с. 43]. Лексический фон единицы представляет собой совокупность подобных семантических долей, или другими словами, совокупность культурных коннотаций, выражаемых в ее значении.

Ошибочно совмещая лексические фоны эквивалентных слов на родном и иностранном языке, говорящий, действующий иноязычно, может оказаться в ситуации конфликта или коммуникативного сбоя. В исследуемых языках примером фоновой лексики может служить голландское слово *gezellig* ‘уютный’ и его английский эквивалент *cosy*. Данные единицы имеют схожие семантические ядра, но различные лексические фоны. Оба слова обозначают уютность и безопасность, комфорт. Однако в нидерландском языке *gezellig* ассоциируется с ‘удовольствием быть рядом с друзьями’: *een huiselijk gevoel gevend, vriendelijk aandoend; knus* ‘ощущение домашнего уюта, интимности’ [GWNT, 2005].

В отечественной лингвистике о культурном компоненте языковых единиц впервые подробно заговорили основатели лингвострановедческого направления, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Авторы выделяют несколько классификаций культурно-маркированной лексики: тематическую, синтаксическую, временную, а также проводят различия между реалиями и фоновой лексикой [Верещагин, 2005].

К реалиям исследователи относят объекты и явления, типичные для одной культуры, но отсутствующие в другой. В нидерландском языке и

культуре примером реалии является единица *Sinterklaas, a traditional Winter holiday figure* ('традиционный герой зимних праздников', 'Николай Чудотворец') – прототип Санта Клауса [GWNT, 2005].

К фоновой лексике Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров относят единицы, которые совпадают по своему основному значению со словами других языков, но различаются некоторыми семантическими долями лексического фона [Верещагин, 2005, с. 43]. В английском языке примером единицы фоновой лексики служит слово *school* 'школа', которое по своему основному значению соотносится с единицей *school* в нидерландском языке. Однако словарные дефиниции показывают, что понятие, входящее в семантику английского слова *school*, значительно шире, чем в нидерландском, т.к. английское *school* может обозначать 'училище' или 'студия' (*art school* 'художественное училище', *drama school* 'театральная студия' etc), 'институт' (*medical school* 'медицинский институт'), 'факультет' (*the school of Chemistry* 'химический факультет'), 'курсы' (*language school* 'языковые курсы', *driving school* 'курсы вождения') [ODE, 2010]. В нидерландском языке *school* имеет значения 'образовательное учреждение, школа' (*een lagere school* 'начальная школа') и 'занятие' (*we hebben vandaag geen school* 'у нас сегодня нет занятий') [GWNT, 2005].

Тематическая классификация слов с национально-культурным компонентом обширна. В нее могут входить названия объектов физической географии, названия животных, растений, названия еды, напитков, праздников, музыкальных инструментов, единиц измерения и валюты и т.д. [Верещагин, 2005, с. 44]. Так, например, *Koninginnedag*, 'День королевы' является праздником в Нидерландах, днем национального единства и солидарности.

По синтаксическому признаку Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров условно разделяют национально-культурную лексику на две подгруппы: слова и устойчивые словосочетания [Верещагин, 2005, с. 45]. В

нидерландском языке примером культурно-маркированного слова является единица *stamtafel*, ‘стол завсегдаев в кафе или ресторане’, в английском – выражение *a heart of oak* (букв. ‘сердце дуба’, ‘удалец, смелый человек’), которое может привести к ложным ассоциациям, связанным с представлением о душевной глухоте, черствости или даже жестокости человека. В действительности же это устойчивое словосочетание имеет определенно положительную оценку и характеризует человека как храброго, мужественного, отважного.

По временному признаку исследователи разделяют культурно-маркированные единицы на исторические и современные [там же, с. 46]: нидерл. *Gouden Eeuw* / ‘Золотой Век’, период в истории Нидерландов, когда страна достигла своего расцвета в торговле, науке и искусстве; *Hyves* / ‘Хайвс’ популярная социальная сеть Нидерландах.

Проблема взаимодействия языка и культуры тесно связана с проблемой языковых и культурных барьеров, препятствующих пониманию в межкультурной коммуникации.

Как правило, языковой барьер связан со сложностями, которые испытывает говорящий в выражении своей позиции или слушатель – в понимании точки зрения говорящего. Согласно теории недоразумений (*misunderstandings*) Джона Дж. Гамперца, любое высказывание может быть понято по-разному и при понимании слушающий осуществляет сложный процесс принятия решения в отношении интерпретации высказывания [Gumperz, 1982].

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, язык и культура посредством языковых и культурных барьеров сохраняют национальную самобытность отдельного народа. Таким образом, они служат «своеобразными щитами, спасающими народы от утраты национальной идентичности» [Тер-Минасова, 2000, с. 121].

Одним из видимых языковых различий, создающих языковой барьер, является разница в грамматическом строе языка. Так, например, хорошо известно, что в английском языке, в отличие от нидерландского, отсутствует грамматическая категория рода. Однако очевидно, что каждый язык обладает своей системой языковых средств, и она самодостаточна. «В сказке Оскара Уайльда ‘Счастливый принц’ одушевленные, очеловеченные персонажи получают род в виде личных местоимений. В оригинале ласточка это *he* ‘он’, а тростник *she* ‘она’. Их любовный роман и мысли о замужестве соответствуют роду/полу. [Тер-Минасова, 2008, с. 126]. Нидерландский язык характеризуется развитой системой эмоционально-экспрессивных суффиксов, отсутствующей в английском языке: нидерл. *tafeltje* ‘столик’ – англ. *little table* ‘букв. маленький стол’, нидерл. *broodje* ‘хлебушек’ – англ. *small loaf of bread* ‘букв. небольшая по размеру буханка хлеба’, нидерл. *Dorientje* ‘милая Дорин’ (по аналогии в русском языке Ирина – Ириша) – англ. *dear Dorien* ‘букв. дорогая Дорин’ и др.

Разница в фонетике и орфографии, разрыв между произношением и написанием также представляет собой языковой барьер. Известная шутка «англичане пишут Манчестер, а говорят Ливерпуль» ярко иллюстрирует эту ситуацию. Другим примером из области орфографии английского языка является написание местоимения первого лица единственного числа с большой буквы: *I* ‘я’, в то время как в нидерландском языке местоимение *ik* ‘я’ пишется всегда с маленькой буквы, за исключением позиции в начале предложения.

Помимо различий на грамматическом уровне, языковые барьеры также могут возникать вследствие различий на лексическом уровне пары языков. В данном случае мы имеем в виду следующие языковые явления:

1. Лексический фон слова

Нидерландское слово *huis* ‘дом’ можно перевести на английский язык как *house* ‘дом’ и *home* ‘дом’, в зависимости от того, идет ли речь о доме как

здании или доме как жилище, в котором проживаете вы или ваша семья. Другим примером может служить единица нидерландского языка *wetenschapper* ‘ученый’ и ее эквиваленты *scholar*, *scientist*, *academic* в английском языке, которые различают понятия ‘ученый в области гуманитарных наук’, ‘ученый в области точных наук’ и ‘научный сотрудник’.

2. Лексико-фразеологическая сочетаемость

Лексико-фразеологическая сочетаемость национальна, специфична для каждого языка, поэтому она создает дополнительные трудности как для общения на иностранном языке, так и для его изучения и преподавания. Как отмечает М. Х. Райкенс, голландцы зачастую делают ошибки в английском языке, используя неправильные идиоматические конструкции [Rijkens, 2010, 8]. Так, например, нидерландское выражение *door de vingers te zien* ‘смотреть сквозь пальцы’ голландцы, изучающие английский язык, могут перевести как *see it through my fingers* вместо *turn a blind eye* (букв. ‘закрывать глаза на что-либо’).

Языковой барьер для носителей английского языка могут представлять, например, следующие лексико-фразеологические сочетания: нидерл. *kletsmajoor* – англ. *chatterbox* ‘болтун, пустомеля’ (букв. *kletsen* ‘болтать’, *majoor* ‘майор’); нидерл. *rokkenjager* – англ. *womanizer* ‘бабник, дамский угодник’ (букв. *rok* ‘юбка’, *jager* ‘охотник’), или же нидерл. *het nuff(je)* – англ. *prim young lady* ‘кисейная барышня, чрезмерно жеманная, высокомерная барышня’ (букв. *nuff/neus* ‘нос’)

3. «Ложные друзья»

В лингвистической практике используется понятие «ложные друзья переводчика», обозначающее слова, которые выглядят обманчиво знакомыми, фонетически и/или орфографически близкими или идентичными словам и выражениям родного языка, но отличающиеся от них либо значением (полностью или частично), либо коннотациями.

Так, например, слово нидерландского языка *slim* ‘умный’ полностью совпадает в написании с языковой единицей *slim* ‘стройный, худой’ английского языка, чего нельзя сказать об их семантической наполняемости.

«К «ложным друзьям» относят также устойчивые словосочетания и фразеологизмы, близкие по структуре, по лексическому составу, но имеющие разные значения. Иногда их называют псевдосинонимы: *to keep one's head* в английском языке (сохранить хладнокровие) – *to keep up one's head* (не падать духом); *to lose one's head* (потерять контроль над собой) – *to lose one's mind* (сойти с ума). Незнание подобных языковых тонкостей может привести к срыву коммуникации между представителями разных культур [Османова, 2009, с. 87].

4. Безэквивалентная лексика

Разные народы сталкиваются с разными объектами и явлениями окружающего их мира, что приводит к формированию в каждом языке некоторого слоя лексики, специфичного только для данного этноса, вследствие чего, единицы, принадлежащие к данному слою не имеют эквивалентов в других языках. Восприятие и понимание безэквивалентной лексики представляет определенные трудности. Так, например, к разряду безэквивалентной лексики относится единица *coffeeshop* ‘кофешоп’, которая в нидерландской лингвокультуре обозначает кафе, имеющее разрешение на публичную продажу конопли и продуктов из неё [GWNT, 2005].

Таким образом, те трудности общения на иностранном языке, которые связаны с культурным фоном языка, с оттенками значений, напрямую обусловленными культурой, можно назвать культурно-языковыми. В таких случаях и языковой и культурный барьеры ярко демонстрируют, насколько отличается восприятие мира представителей разных национальностей через призму национальных языков.

Национально-культурный компонент значения является неоднородным по своей природе. Он может быть вербализован как эксплицитно, так и

имплицитно, выражать фактуальное, описательное или образно-символическое содержание.

Говоря о различном содержании лингвокультурного компонента значения слов, мы подразумеваем следующие ряды лексических единиц, в семантике которых данный компонент эксплицируется по-разному:

1. Первый ряд состоит из языковых единиц, в том числе имен собственных, коннотация которых опосредована ассоциациями, основанными на традиционных, социально или исторически обусловленных осмыслениях определенных объектов и явлений окружающего мира, представлений. Данные реалии являются национально-самобытными, присущими только носителям определенного языка. К этому ряду также относятся ассоциации литературного происхождения, прецедентные имена. Например, *Romeo and Juliet* 'Ромео и Джульетта' ассоциируется с проявлением бескорыстной юношеской любви. Это отражается и в контекстах употребления данных языковых единиц: *They can't be in love like Romeo and Juliet* 'Их любовь не похожа на любовь Ромео и Джульетты' [ODE, 2010]. Герои пьесы Шекспира выступают как символ романтической любви с печальным концом. В нидерландской лингвокультуре легендарный герой Фландрии *Tijl-Uilenspiegel* 'Тиль Уленшпигель' имеет образ бродяги, плута и балагура и воплощает собой вольный и независимый дух личной инициативы и сатиры. В Нидерландах даже был учрежден приз сатиры и юмора имени Тиля Уленшпигеля.

2. Второй ряд состоит из языковых единиц, употребляемых в переносно-расширительном смысле. В таких контекстах они не имеют эквивалентов в своих основных значениях в других языках. Например, в нидерландском языке *kletsmajoor* 'болтун / пустомеля' (букв. *kletsen* 'болтать', *majoor* 'майор') или *rock* 'опора', единица, имеющая переносное значение «надежный человек» в английском языке. Этот же ряд языковых явлений составляют единицы, культурный компонент которых также

содержится в коннотации слова и имеет переносно-метафорический оттенок. К таким словам относятся, например, зооморфные метафоры, которые переносят на человека признаки животных и передают оценку его внешнего вида или характера. Так, если в английском языке существует высказывание *to be a scapegoat* ‘быть козлом отпущения’, то в нидерландском его эквивалентом является выражение *de gebeten hond zijn* (букв. ‘быть укушенной собакой’), где в качестве метафорического образа выступает собака, а не козел.

3. К третьему ряду мы относим языковые единицы, обозначающие новые (прежде неизвестные) предметы или выражения нового понятия / неологизмы. Данная группа языковых явлений обладает уникальной национальной и культурной спецификой, т.к. она отражает и фиксирует любые изменения в социальной, экономической, научно-технической или культурной жизни социума. В английском языке примером неологической единицы может служить единица *wikiality* ‘викиальность’, от *wikipedia* ‘википедия, свободная энциклопедия’ и *reality* ‘реальность’, явление, существование которого подтверждается большим количеством ссылок на него в интернете; в нидерландском – *fortuynist* ‘о приверженце взглядов политического деятеля Нидерландов Пима Фортейна, занимавшего жесткую антиисламскую позицию’.

Методами выявления национально-культурного компонента в семантике языковых единиц служат такие лингвистические методы, как

1. Контрастивный анализ

Принцип данного анализа заключается в формировании контрастивных пар, т.е. поиске единиц в сравниваемых языках, являющихся межъязыковыми лексическими соответствиями, и затем посемном сопоставлении структуры их значений. Если эти контрастивные пары обнаруживают несовпадающие, безэквивалентные (лакунарные) семы, то данные семы и рассматриваются

исследователями в качестве национально-культурных компонентов [Шаховский, Шейгал, 2010, с. 27].

2. Дефиниционный анализ

Данный анализ предполагает изучение словарных дефиниций исследуемых языковых единиц. Словарные определения репрезентируют особенности двух основных уровней сознания – научного и обыденного, последний из которых отмечен национально-культурной спецификой. Соответственно, дефиниционный анализ позволяет выявить не только фактуальную информацию, которую выражает языковая единица, но и представления о ней, культурные ассоциации в сознании обыденного носителя языка [Леонтович, 2011, с. 156].

Оба этих метода применимы при анализе неологизмов с целью выявления национально-культурного компонента значения.

Вслед за Н.Л. Шамне мы считаем, что «культура» накладывает отпечаток на различного рода «само собой разумеющееся» – общий репертуар действий, характерный для определенной группы актантов. Это разного рода системы поведения, которые являются культурно-специфичными [Шамне, 2007, с. 19].

Неологизмы иностранного языка могут представлять серьезные трудности для понимания. Однако детально в научных исследованиях неологические единицы в аспекте национально-культурного своеобразия не рассматривались. Именно данная группа лексических единиц представляет, на наш взгляд, большой научный интерес, так как позволяет выявить особенности восприятия новых жизненных реалий различными этносами в разных языках.

ВЫВОДЫ

Первая глава диссертационной работы посвящена вопросу взаимодействия языка и культуры. Мы определили основные признаки,

позволяющие языку выступать в качестве средства трансляции культуры, уточнили понятие национально-культурного компонента значения языковых единиц, а также выделили методы его выявления на материале нидерландского и английского языков.

Проблема взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры исследуется в языкознании уже более двух столетий. В. Гумбольдт первым выразил мысль о том, что специфика любой культуры проявляется в особой для каждого народа внутренней форме языка. В настоящее время в виду поликультурности мира и процессов глобализации данный вопрос вызывает не меньший научный интерес.

Язык обеспечивает историко-культурную преемственность в социуме и является средством трансляции духовных ценностей благодаря следующим факторам:

- язык постоянно изменяется, и хотя его эволюция в большинстве случаев вызвана социальным заказом, она имеет постепенный характер и подчиняется конвенциональным внутренним законам развития языка;

- язык обладает богатым инвентарем средств выражения, которые в сочетании с внутренней компактностью передают максимально емкое содержание;

- язык имеет центр и периферию, что позволяет при необходимости использовать как единицы активного, так и его пассивного запаса;

- язык предлагает разные формы фиксации текста (графическую, звуковую), что обуславливает визуальное и аудитивное восприятие информации.

Слово обозначает не только объекты и явления реального мира, но и их видение, сформированное в сознании носителя языка. Таким образом, языковые единицы могут одновременно соотноситься с определенным денотатом и выражать культурно-значимые смыслы.

Под «национально-культурным компонентом значения» мы понимаем в нашем исследовании семантические компоненты языковой единицы, выражающие культурную и национальную специфику восприятия действительности членами определенного этноса. Национально специфичный компонент семантики языковых единиц можно выявить, воспользовавшись методами контрастивного и дефиниционного анализа. Наиболее наглядно данный компонент значения проявляется в детализированных толкованиях слов в словарях или в контекстах употребления: текстовых последовательностях и речевых ситуациях.

В нашем исследовании мы проанализировали классификацию культурно-маркированной лексики, предложенную Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, применительно к исследуемым языкам. Авторы типологизируют данную лексику по тематическому, синтаксическому, временному признаку, а также проводят различия между реалиями и фоновой лексикой. В отдельную группу лексики с национально-культурным компонентом мы выделили неологические единицы. Наряду с реалиями, безэквивалентной лексикой, единицами, употребляемыми в переносно-расширительном смысле и др., неологизмы литературного языка также могут содержать национально-культурный компонент в своем значении, т.к. они порождаются деятельностью, а значит, культурой человека и фиксируют любые изменения, происходящие в этнокультурном сообществе.

Изучение неологизмов с позиции лингвокультурологии является перспективным направлением в лингвистике, так как новая лексика позволяет выявить особенности восприятия новых жизненных реалий различными этносами в разных языках.

ГЛАВА II. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НОВОЙ ЛЕКСИКИ

2.1. Подходы к определению понятия «неологизм» в отечественной и зарубежной лингвистике

Отечественная и зарубежная наука переживают настоящий «неологический взрыв», начиная с последних десятилетий XX века и по настоящее время. Активные процессы новообразований в языке обусловлены стремительно меняющимися общественно-политическими, научно-техническими реалиями в жизни мирового сообщества, расширением межкультурных контактов. Вследствие того, что язык фиксирует любые изменения в социуме, столь интенсивные динамичные процессы не могут не найти в нем своего отражения.

Изучение вопроса образования новых слов в языке имеет противоречивый характер. С одной стороны, данная проблема была и остается актуальной с момента возникновения языкознания. С другой стороны, нет единого мнения относительно того, что такое неологизм в собственно лингвистическом смысле.

В лингвистике спорным является вопрос определения единицы в качестве неологизма. По словам Л.П. Катлинской, «принятый в лексикологии способ вычленения из массы словоновшеств тех единиц, которые традиционно причисляются к неологизмам, предполагает экстралингвистическую оценку слова как вошедшего в язык или – другими словами – закрепленного языковой традицией» [Катлинская, 2009, с. 9]. По этому признаку неологизмы отличаются от потенциальных слов.

Определяя понятие неологизма, исследователи обыкновенно прибегают к свободным формулировкам, зачастую ненаучного характера. Они могут быть сухими, лаконичными: «слова, ‘возраст’, которых известен» [Хохлачева, 1977, с. 6], или даже образно-поэтическими: «слова, хрустящие

новизной, точно несмятый бумажный рубль» [Фельдман, 1957, с. 67]. Дефиниции неологизма в «Словаре лингвистических терминов», и в словаре ODE, опираются, например, на экстралингвистический признак слова, а именно – на его новизну, «осознаваемую» членами языкового коллектива [Розенталь, 2008; ODE, 2010]. М. Радченко в своем сопоставительном исследовании русского и хорватского языков определяет неологизмы как «новые для данного исторического периода лексические единицы (образованные как с помощью словообразовательных средств данного языка, так и экзогенных словообразовательных элементов) или новые значения старых слов, появляющиеся в языке в связи с возникновением новых реалий и понятий» [Радченко, 2009, с.140]. Словарь Новых Слов Нидерландского Языка (TJNW) рассматривает неологизм как окказионализм или новообразование в языке. Во введении к словарю автор пишет о том, что задача лингвиста заключается в выборке новых слов, появившихся в языке за последние десятилетия, и определении, какие из этих слов стали достоянием общелитературного языка, а какие так и не вошли в его состав [TJNW, 2009].

Рассмотрим определения других неологических понятий, наиболее широко распространенных в современных словарях и научных трудах по лингвистике. Область языковой неологии многогранна, поэтому исследователи, занимающиеся изучением различных аспектов новой лексики, вынуждены разрабатывать новые термины, определяющие подклассы неологизмов.

Термин **‘инновации’** используется для определения новых явлений на всех уровнях языковой системы [Валгина, 2003]. Понятие **‘новообразование’** охватывает как любые инновации, т.е. инновации разных уровней языка, так и исключительно словообразовательные неологизмы – новые номинативные единицы, образованные по существующим словообразовательным моделям [Попова, 2005, с. 4]. В.И. Куликова в своих исследованиях в отношении неологизмов использует термины

‘трансформации’ (единицы, передающие в новой форме уже известное в языке ранее значение), и **‘семантические инновации’** (единицы, являющиеся частью литературного языка, но приобретшие новые значения) [Куликова, 1976, с. 12]. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова выделяют в своих трудах **‘потенциальные’** и **‘окказиональные’** слова. Первый термин соотносится с языковыми единицами, которые уже образовались по образцу существующих в языке словообразовательных моделей, но еще не закреплены словоупотребительной нормой. Так, например, к потенциальным словам в русском языке можно отнести единицы *возражатель*, *повторятель* или *спрашиватель*. Окказиональные слова, по мнению исследователей, – это слова, созданные по непродуктивным моделям деривации, используемые в конкретных контекстных условиях [Розенталь, 2008, с. 314]. К таким единицам можно отнести, например, индивидуально-авторские новообразования. Так, слова *серпастый* и *молоткастый*, созданные В.В. Маяковским, в большинстве случаев можно обнаружить только в определенном контексте – при ссылке на советскую государственную символику, и всегда с указанием авторства.

В отечественной лингвистике существует несколько теорий, характеризующих разные аспекты неологизмов: **‘стилистическая’**, **‘психолингвистическая’**, **‘лексикографическая’**, **‘денотативная’**, **‘структурная’** и **‘историческая’** теории, раскрывающие языковую сущность данного явления.

В рамках **стилистической теории** неологизмы определяются как стилистически маркированные слова, которые сохраняют эффект новизны в речевом употреблении. Е.В. Сенько в своих работах при выявлении признака новизны руководствуется хронологическим критерием. По ее мнению, все инновации, в том числе неологизмы как их видовое понятие, разделяют «своеобразную маркированность временем, которая влечет за собой малоизвестность (или неизвестность) в широком употреблении» [Сенько,

2007, с. 22]. Однако критерий «новизны», о котором говорится в данной теории, не является достаточно объективным и носит, скорее, психологический, чем лингвистический характер: то, что один человек считает новым, другой носитель языка может отнести к совершенно привычным и, следовательно, субъективно известным, «старым» явлениям.

Ономасиологическая теория И.С. Торопцева также затрагивает идею об относительности нового знания, лежащего в основе неологизма. И.С. Торопцев выдвигает гипотезу о том, что смысл можно считать новым в языке только в том случае, если он не имел прежде какое-либо словесное выражение. В результате исследователь выделил 3 группы слов, дифференциальным признаком каждой из которых является степень и вид новизны языковой единицы относительно отдельного индивидуума и языковой общности в целом: а) слова, новые по значению, как для всей языковой общности, так и для отдельного носителя языка; б) слова, новые для литературного языка, но известные в определенном подъязыке: жаргоне, арго, сленге, просторечии и т.п.; данная группа слов включает в себя также индивидуально-авторские образования; в) единицы, значения которых известны языковой общности, но являются новыми для отдельного индивидуума [Торопцев, 1980].

Несмотря на то, что стилистическая теория неологизмов оперирует в первую очередь хронологическим критерием, данный признак не всегда может быть объективным в силу своей относительности по отношению к отдельному индивиду/языковой общности.

Психолингвистическая теория наиболее полно представлена в работах С.И. Тогоевой [Тогоева, 2000 а]. Данное направление в неологических исследованиях тесно переплетается со стилистическим и использует в качестве основополагающего критерий новизны, однако, опирается на индивидуальный речевой опыт носителя языка, а не на опыт языкового коллектива в целом. Так, согласно эксперименту, проведенному

С.И. Тогоевой на материале лексики художественной литературы середины XIX в., большинство реципиентов определили как «новое», «не встречавшееся ранее» существительные *погост, светец, исполать, вотще, жуировать, уда* [там же, с. 94].

Денотативная теория является одной из самых известных концепций в неологии. Ее характеристики можно найти в энциклопедии «Русский язык», «Словаре лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, пособии «Русская лексикография» [Козырев, 2004] и др. трудах. Согласно данной теории, языковая единица является неологизмом, если она обозначает новый денотат или реалию. Так, например, в русском языке во времена перестройки, действительно, появились слова, выражающие новые реалии и понятия: *ваучер, десоветизация, ближнее зарубежье, спикер, спонсор, рашингейт* и т.д.

Слабой стороной этой теории является факт отсутствия учета интралингвистических причин появления неологических единиц (стремление носителя языка к выразительности, эмоциональности, экономии речевых усилий, образование по аналогии и т.п.). Более того, хронологический критерий данной теории, ощущение новизны денотата является относительным для разных носителей языка.

Сторонники **структурной** теории характеризуют неологизмы с точки зрения абсолютной структурной, формальной новизны. Неологизмы, согласно данной теории, должны иметь уникальные звукосочетания, быть образованными по непродуктивным моделям и восприниматься как немотивированные единицы. В качестве языковой иллюстрации Н.З. Котелова использует такие слова, как *куздра, лилипут, неон, бокр, фелибр, рокоо* [Котелова, 1982]. Руководствуясь структурной теорией к группе неологизмов можно также отнести слова, являющиеся продуктом воображения писателей фантастов, как например, *дрион* – космический корабль, *гуолла* – болезнь неземной цивилизации и т. п. Иллюстрациями к

данной теории могут служить слова, созданные искусственно, аналогичные знаменитой *глокой куздре* Л.В. Щербы.

Недостатком структурной теории является ее узкая направленность. Так, к ней невозможно отнести обычные производные слова, поскольку они сконструированы на основе известных морфем и не обладают уникальностью звукосочетаний. Кроме того, подобные языковые явления редко встречаются в общелитературном языке, потребность в них возникает в основном у узких специалистов, интересующихся, например, искусственной номинацией.

Историческая теория Н.З. Котеловой уточняет определение неологизма с точки зрения времени и языкового пространства. По признаку времени неологизмами можно считать слова, «существующие в определенный период языка и не существовавшие в предшествующий период» [Котелова, 1982]. Поэтому возможно выделение и изучение неологических единиц любого временного промежутка: XVIII в., 40-х гг. XX в., 80–90-х гг. XX в. и т.д. Как отмечает Б.Н. Головин, новыми словами являются «слова, возникшие на памяти применяющего их поколения» [Головин, 2014, с. 91].

Согласно Н.З. Котеловой, с точки зрения языкового пространства, т. е. с точки зрения сфер и жанров употребления языка, следует учитывать следующие признаки неологичности слова: «а) новое для многих (всех, группы) языков; б) для данного национального языка; в) для литературного языка; г) для конкретного подъязыка (определенной терминосистемы, жаргона, диалекта и т.п.); д) для языка и/или речи» [Котелова, 1982, с. 20].

Исследователь также различает неологизмы по типу новизны: языковая единица может иметь новое значение (семантический неологизм), новую форму (неологизм – синоним к уже существующему слову) или одновременно и новое значение и форму (собственно неологизм).

В качестве иллюстрации своей теории исследователь приводит такие примеры, как единица *подмолодить* – неологизм для русского литературного

языка конца XX в., уже известный в молодежном жаргоне; *одиночество* – новое понятие в отечественной социологии в 70-е гг. XX в., узуальное для русского литературного языка; *экибана* – неологизм для русского языка того же периода, но не имеющее подобного статуса в японском языке, из которого оно было заимствовано [Котелова, 1982].

В зарубежной лингвистике господствует **лексикографическая теория** нового слова, представленная в исследованиях Дж. Айто [Ayto, 2006], К.Р. Барнхарта [Barnhart, 1995], С.Т. Гриса [Gries, 2010], А. Меткалфа [Metcalf, 2002] и Е. Сандерса [Sanders, 2010]. Сторонники данного направления относят к неологизмам слова, незарегистрированные в словарях. Именно данная концепция лежит в основе одного из известных словарей английских неологизмов К. Р. Барнхарта [TBDNE, 1990]. Похожую точку зрения разделяет канадский лингвист С.П. Кук, который предлагает следующие критерии выделения языковых инноваций с целью их регистрации в словарях новых слов: 1) отсутствие в словарных источниках; 2) наличие нового значения; 3) узуальность (необходимо, чтобы единица не относилась к какому-либо подязыку и находилась в употреблении не менее 3 лет) [Cook, 2010, p.7].

Лексикографическая теория ориентирована на языки с давней письменной традицией и устоявшейся лингвистической школой. Однако столь позитивистское определение неологизмов не является истинным для языков, существующих только в устной форме и не имеющих письменную традицию. Кроме того, регистрация слов в словарях зависит в целом от ряда факторов: лексикографической практики в стране, количества словарей и их типов, созданных для описания конкретного языка и т.д.

Все рассмотренные нами теории основываются на критерии новизны происхождения или употребления языковой единицы. Каждая из них имеет свои недостатки в силу относительности понятия «новизна» применительно к индивиду / языковой общности, отсутствие учета собственно

лингвистических факторов появления единицы или слишком узкой направленности.

В нашем исследовании мы опираемся на **лингвокультурологический подход** в неологии. На наш взгляд, неологизмы являются своеобразным зеркалом языкового развития. С помощью неологизмов язык реагирует на любые изменения в условиях жизни и деятельности той этнокультуры, которой он служит, а культура и язык в свою очередь выступают формами сознания, отображающими деятельность человека.

Вслед за Н.Л. Шамне мы считаем, что первостепенным в формировании национальной культуросферы является человеческий опыт, деятельность. В соответствии с таким подходом, каждая культура определенным образом сочетает универсальное и индивидуальное. Специфические особенности отдельной культуры понимаются в научной литературе как “язык культуры”, т.е. в качестве системы знаков и их отношений, которые координируют ценностно-смысловые формы, а также существующие или возникающие в сознании человека понятия, представления, образы и другие смысловые конструкции [Шамне 2000, с. 33]. Любое новое слово является также результатом деятельности человека и может иметь культурную нагрузку.

Лингвокультурологический подход в неологии представлен в работах Г.Ф. Алиаскаровой [Алиаскарова, 2006], Т.А. Гуральник [Гуральник, 2006], Г.В. Комарова [Комаров, 2007], Е.С. Огородниковой [Огородникова, 2005], однако исследования, выполненные в данном направлении немногочисленны.

Данный подход тесно переплетается с когнитивным подходом в неологии, т.к. «когнитивисты» в свою очередь стремятся исследовать структуры знаний, которые отражают неологизмы, и их воздействие на языковую и концептуальную картины мира члена языковой общности. Хотя оба подхода находятся на стадии становления и являются концептуально

неоформленными, они являются перспективными направлениями лингвистических исследований.

Учитывая тот факт, что в науке господствует антропоцентрическая парадигма, а большинство номинаций возникает в социально-политической, научно-технической и культурной сферах деятельности человека, на современном этапе развития лингвистики становится очевидна необходимость изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии, а также периферийных областей знания. Необходимость разработки лингвокультурологического подхода продиктована тем, что содержание неологизмов формируется под влиянием не только лингвистических, но и культурологических факторов.

В качестве лингвокультурологических характеристик, уточняющих лингвокультурологический подход в неологии, мы устанавливаем следующие:

- а) хронологический критерий (период возникновения слова);
- б) наличие новой культурной референции денотативного и коннотативного значения единицы (проявление культурного компонента в семантике неологизма);
- в) сфера употребления единицы (закрепленность единицы в определенном языковом регистре).

Как и в исторической теории, хронологический признак является, на наш взгляд, одним из основополагающих в лингвокультурологическом подходе в неологии. Языковая единица может относиться к разряду «новых» только в определенном диахроническом или синхроническом срезе. Так, мы можем говорить о неологизмах рубежа тысячелетий (нидерл. *globofob* ‘антиглобалист’; англ. *eurosphere* ‘евросфера, территория стран-членов/кандидатов в Евросоюз’) или, скажем, о неологизмах 40-х гг. XX в. (нидерл. *holocaust* ‘холокост’; англ. *genocide* ‘геноцид’) и т.д.

В нашем исследовании мы рассматриваем наличие новой культурной референции, которую передает языковая единица, в качестве отдельного отличительного признака неологизмов.

Культурно-значимая информация может содержаться в денотативном значении неологизма. Например, к этой группе можно отнести языковые единицы, обозначающие новые реалии материальной и духовной культуры языкового коллектива: нидерл. *Koningsdag* ‘День короля’, праздник, учрежденный в 2013 г. вместо Дня королевы после передачи престола от королевы Беатрикс ее сыну. Данный голландский праздник, связанный с днём рождения монарха, является днем национального единства и солидарности; англ. *affirmative action* ‘инициатива равноправия, направленная на ликвидацию расовой и иной дискриминации, в частности при приеме на работу или в учебные заведения’.

Коннотативное значение неологизма может также содержать в себе новую культурно-маркированную информацию. Так, новые языковые единицы с дополнительными коннотативными значениями, зачастую связаны в сознании носителя языка с определенными культурно-историческими ассоциациями: нидерл. *roepstoeteren* ‘громко и смело заявлять о своем мнении в обществе’ (данная единица появилась в нидерландском языке в 2013 г. в связи с дебатами вокруг традиционного героя рождественских праздников, Черного Пита, который, по мнению многих голландцев, является эхом колониального прошлого страны); англ. *pork barrel* ‘государственная кормушка, мероприятия, проводимые действующим правительством за счет государственной казны для завоевания популярности электората’ (позднее от данной единицы было образовано прилагательное *porky* ‘коррупцированный’, для обозначения коррупцированного правительства).

Сфера употребления неологизмов является в нашем исследовании еще одним параметром конкретизации данных языковых явлений. В рамках лингвокультурологического подхода в неологии мы ориентируемся на

национальный литературный язык. Инновации на уровне диалектов, термины, авторские неологизмы и новообразования в конкретных предметных областях остаются за рамками нашего подхода. Одно и то же слово может выступать в качестве неологизма в одной сфере употребления и быть уже известной единицей в другой. Так, например, слово *aids* (англ. / нидерл. *сид*) являлось единицей медицинского терминоведения в американском английском в 60-70-х гг. XX в. Однако после кампании, направленной на рост осведомленности населения об этом заболевании в 80-х гг., данная лексическая единица стала узувальной для литературного английского, а чуть позже и нидерландского и многих других языков.

Неологизмы на уровне национального литературного языка имеют важность для жизни всех членов соответствующего языкового коллектива и влияют тем или иным способом на культурную картину мира данного социума.

С опорой на лингвокультурологический подход в неологии мы предлагаем считать неологизмами *лексические единицы, новые не только по форме или содержанию в некоторый фиксированный момент времени, но и имеющие новую социокультурную референцию и функционирующие в востребованных данным социумом понятийных сферах.*

Данный подход базируется на гипотезе о том, что в номинации новых объектов или реалий отражается национально-специфическая манера картирования и вербализации жизни определенного языкового коллектива. Новые лексические единицы распределяются по различным концептуальным сферам в соответствии с ценностными приоритетами данного коллектива и являются результатом взаимодействия языковой и культурной картин мира. Неологизмы кодифицируют новый культурный опыт и свидетельствуют о характере и направлении процессов, определяющих культурную динамику определенного языкового сообщества.

Мы считаем, что в рамках лингвокультурологического подхода неологизмы должны исследоваться с применением следующих методов:

1. Диахронический метод

Данный метод основан на анализе неологической единицы во времени и применим в первую очередь к семантическим неологизмам, ранее известным словам, которые в свете последних изменений приобрели новые значения. Как, например, в английском языке *curtain-up* ‘поднятие занавеса в театре’ – ‘начало спектакля’ или в нидерландском языке единица *actie* ‘действие’, которая перешла в разряд семантических неологизмов и получила значение ‘кампания, политическое движение’.

2. Контрастивный метод

С помощью данного метода возможно выявление культурной специфичности неологизма через его системное сравнение с неологизмом, имеющим похожее значение, либо обозначающим похожую реалию в другом языке. Так, например, единица английского языка *meanwhile* совпадает со своим эквивалентом в нидерландском языке *intussen* только в первом значении ‘между тем’. В английском языке данная единица стала семантическим неологизмом и приобрела второе значение ‘второстепенная новость’.

3. Метод дефиниционного анализа

Анализ словарной дефиниции неологизма, а также иллюстративного материала, который предлагают словари новой лексики, позволит выявить культурно-значимую информацию, содержащуюся в семантике данной единицы. Так, проанализировав словарное толкование неологизма 2007 г. нидерландского языка *goeiemoggel* ‘доброе утро’ (от *goeiemorgen*), можно установить новую культурную референцию в коннотативном значении данного слова:

Is het waar dat Nederlanders zich alleen nog met elkaar verbonden voelen als Oranje wint? En nog een klein beetje door de Koningin? Nee, ook een

eenvoudige televisiereclame kan een groot gevoel van verbroedering oproepen. Als er één nieuwe word is dat 2007 het best karakteriseerde, dan is het goeiemoggel, want dit werd in korte tijd een grote hype. Zelfs prinses Laurentien presteerde het om een congres te begroeten met goeiemoggel (Правда ли, что голландцы испытывают чувство национального единства, только когда выигрывает сборная Нидерландов по футболу или к ним обращается их Королева? Нет, обычная телевизионная реклама также может вызвать это чувство. Так, неологизм из рекламы 2007 г., *goeiemoggel* ‘доброе утро’, за короткое время приобрел огромную популярность и даже был использован принцессой Лорентиной в ее приветственной речи в адрес конгресса) [TJNW, 2009, с.93].

4. Метод построения лексико-семантического поля как часть концептуального анализа

Распределив неологизмы по понятийным сферам, возможно построение неологического лексико-семантического поля той или иной понятийной категории. Так, например, категория «человеческие взаимоотношения» вербализуется в английском языке большим количеством неологизмов, в значении которых подразумевается активное использование технических средств коммуникации: *Skype sleep* ‘засыпать вместе при включенной программе Skype (Скайп)’, *wedsite* ‘сайт, где молодая пара размещает информацию о своей предстоящей свадьбе’.

Выводы, полученные в рамках лингвокультурологического подхода в неологии, позволяют наметить изменения и тенденции развития культурной картины мира языкового коллектива, а также могут быть использованы при формировании лингвокультурной компетенции у изучающих иностранный язык или в практике составления справочников новой лексики языка.

2.2. Типология неологизмов на материале нидерландского и английского языков

Вследствие массового увеличения неологизмов в ряде национальных языков, исследователи уделяют больше внимания проблеме типологизации речевых и языковых инноваций. Обращение к данному вопросу является закономерным этапом в развитии любой науки, в том числе неологии. Классификация определенного класса явлений позволяет выявить его наиболее важные признаки, сходства и различия его составных элементов, а также связи между ними. В нашем исследовании, типологизируя новую лексику, мы также имеем возможность определить подкласс неологизмов, который наиболее очевидным образом выражает связь языка и культуры и содержит наибольшее количество единиц с национально-культурным компонентом.

Изучив классификации неологизмов, разработанные в работах С.И. Алаторцевой, О.С. Ахмановой, Ю.К. Волошина, В.Г. Гака, В.И. Заботкиной, М.М. Каплиной, А.Г. Лыкова, Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой, М.И. Фоминой, Н.М. Шанского и др., мы предлагаем типологию неологизмов, учитывающую особенности исследуемых нами языков (см. Приложение 1).

Цель данной типологии – систематизировать и предоставить наиболее полный обзор существующих мнений об изучаемом вопросе, а также охарактеризовать языковые инновации с теоретической точки зрения. Определив основные типы неологизмов, мы оставляем за рамками исследования единицы, нехарактеризующиеся национально-культурной маркированностью в соответствии с критериями лингвокультурологического подхода в неологии. Каждый типологический критерий сопровождается в нашей классификации примерами из нидерландского и английского языков.

Основой типологии новых слов послужили следующие признаки: 1) способ вхождения в язык; 2) принадлежность речи – языку; 3)

продолжительность существования; 4) происхождение; 5) сфера употребления.

Классификация по способу вхождения неологизмов в язык позволяет выделить следующие категории неологизмов:

1. *Фонологические неологизмы* или инновации, созданные из отдельных звуков. Как справедливо заметила В.И. Заботкина, «неологизмы данной категории представляют собой уникальные конфигурации звуков» [Заботкина, 1989, с. 46]. Например, фонологическое новообразование английского языка *zizz* (британский сленг) обозначает ‘короткий сон’ (зачастую комиксы имитируют звуки, издаваемые спящим человеком при помощи трех букв *zzz*).

В нидерландском сетевом виртуальном дискурсе недавним новообразованием стал фонологический неологизм *haha* для выражения смеха в письменной форме.

2. *Морфологические неологизмы* или неологизмы, создающиеся из морфем по словообразовательным моделям, существующим в данной языковой системе.

В английском языке примерами морфологических неологизмов могут служить единицы *hands-on* ‘практический’ (модель существительное + предлог); *earthday* ‘земные сутки’ (словосложение, модель существительное + существительное). В нидерландском языке данную категорию можно проиллюстрировать примерами: *doe-het-zelfwinkel* ‘строительный магазин ‘делай сам’ (многокомпонентное словосложение); *sofinummer* ‘номер социального страхования’ (сокращение от *sociaal-fiscaal nummer*).

3. *Лексические неологизмы* составляют абсолютное большинство среди языковых новшеств. К данной группе неологических единиц относятся слова, созданные по продуктивным моделям деривации или заимствованные из других языков [Розенталь, 2002]. В качестве примера заимствованных

неологизмов в нидерландском и английском языках можно выделить следующие единицы:

нидерл. *retweeten* (от англ. *retweet* и глагольного суффикса *en*, что означает ‘копировать сообщение в микроблоге Twitter’);

англ. *Blitzkrieg* (мотивационно обусловлено нем. *Blitzkrieg*, ‘блицкриг’, ‘молниеносная война’ – единица, вошедшая в обиход после провала немецко-фашистских замыслов «молниеносной» войны).

Е.В. Сенько в своем исследовании относит к заимствованным лексическим неологизмам также ксенизмы – «новые слова, отражающие быт других стран, т.е. новые экзотизмы» [Сенько, 2007, с. 20]. В английском языке иллюстрацией данной категории может служить ксенизм, заимствованный английским языком из русского языка в 1974 г.: *gulag* ‘ГУЛаг’. В английском языке данная единица изменила свое значение от ‘лагеря принудительного труда’ до ‘репрессии’ и ‘жестокое заключения’. В нидерландском языке, например, ксенизмом можно считать слово *glasnost* ‘гласность’, заимствованное из русского в 80-х гг.

Как в нидерландском, так и в английском можно также найти примеры единиц, созданных ресурсами этих языков и обозначающих новые реалии:

нидерл. *achtertuint* букв. ‘задворки’ об отсталом, неинтересном предмете, регионе (мотивационно обусловлено словом *tuin*, ‘сад’ и образовано с помощью приставки *achter*);

англ. *bangdom* ‘организованный бандитизм’ (от слова *bang*, ‘удар’ и суффикса *-dom*)

4. Семантические неологизмы

К данной категории относятся слова, известные ранее в литературном языке, но получившие новые значения в свете последних изменений. Появление семантических неологизмов обусловлено способностью языковых единиц приобретать новые лексико-семантические варианты (ЛСВ) и употребляться в разных контекстных условиях.

Так, например, первое значение единицы английского языка *lobby* ‘прихожая’. Затем в XIX в. слово *lobby* начало употребляться в политическом дискурсе для обозначения парламентских кулуаров. В США этот термин использовали по отношению к лицу, влияющему на членов конгресса в пользу принятия нужного ему законопроекта. В настоящее время единица *lobby* получила новый ЛСВ – кулуар, применительно к политическому дискурсу.

Другим примером является единица английского языка *umbrella*, которая помимо исконного ‘зонт’ приобрела значение ‘политическое прикрытие’.

В нидерландском языке *kamerbreed* в своем основном значении обозначало ‘шириной во всю комнату’. Однако в 80-х гг. семантическая структура данной единицы пополнилась значением ‘поддержанный большинством голосов нижней палаты парламента’. Именно данный правительственный орган Нидерландов имеет право законодательной инициативы и внесения поправок.

Другой иллюстрацией семантического неологизма в нидерландском языке является единица *marathon*, ‘марафон’, которое перешло из спортивного дискурса в литературный язык и обозначает любое мероприятие длинное по продолжительности: *marathondansen*, ‘танцевальный марафон’, *marathonschaatsen*, ‘ледовый марафон’ (букв., марафон по катанию на коньках), *filmmarathon*, ‘киномарафон’, *lesmarathon* ‘книжный марафон’ и т.д.

Большинство семантических неологизмов обладают национально-культурной семантикой, т.к. приобретая дополнительные ЛСВ, слово обрывает коннотациями и культурно-историческими ассоциациями. Это объясняет тот факт, что зачастую для понимания семантических неологизмов необходимо обладать экстралингвистическим знанием о той культуре, в рамках которой этот неологизм образован.

5. Фразеологические неологизмы

К фразеологическим новациям исследователи относят новые фразеологические единицы, становящиеся активными в употреблении носителей языка. Данные единицы могут, как обозначать новое явление, так и по-новому называть уже известное. Однако, их количество, по сравнению с неологизмами других типов, намного меньше. Как отметили Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, это объясняется тем, что во фразеологии новейшего времени произошел переход «от индивидуального словоупотребления к массовому» [Верещагин, 2005, с. 70]. Фразеологические неологизмы отличаются от неологизмов предыдущей категории своей синтаксической формой словосочетания

Так в английском языке к разряду фразеологических новаций можно отнести выражение *stop the arms race*, ‘остановить гонку вооружений’, которое стало термином газетного стиля, политического дискурса, а затем и частью литературного языка после окончания холодной войны. Другим примером фразеологического неологизма является словосочетание *friendly fire* ‘огонь по своим’, которое появилось еще в 70-е гг. для обозначения ошибочного ведения огня или удара по своим силам. Однако именно во время войны в Ираке в 1991 г., подчеркивает составитель словаря неологизмов Дж. Айто, этот термин получил популярность [Ayto, 2006]. Действительно, и в дальнейшем данное словосочетание чаще всего встречается в контексте войны в Персидском заливе. Словосочетание *football widow* ‘футбольная вдова’ также является фразеологическим неологизмом и обозначает женщину, которая лишается мужа, футбольного фаната на время футбольных матчей (по аналогии с фразеологизмом русского языка ‘соломенная вдова’).

Нидерл. *kooploze zondag* ‘воскресенье, когда все магазины города раз в году закрыты’. Данная мера была введена нидерландским правительством в

2000 г. и направлена против психологии потребления среди населения; *smart smijten* ‘автомобильный вандализм’.

Как видно из иллюстративных примеров английского и нидерландского языков, новые слова образуются в основном на лексическом уровне. На фонетическом и морфологическом уровнях языковой системы общественные изменения отражаются опосредованно, лексический уровень более мобильно реагирует на социальные изменения.

5. Визуальные неологизмы

В отдельную группу можно выделить единицы, новизна которых выражается в изменении написания при сохранении исходной фонетической формы и в некоторых случаях значения слова: *ШОКолад*, *VIPендриваться*, англ. *terror wrist* ‘зануда’ (*terror* ‘террор’, *wrist* ‘запястье’, по аналогии с англ. *terrorist* ‘террорист’), нидерл. *TOPattractie* ‘лучшая достопримечательность’. Подобная языковая игра с графическим обликом слова часто используется в рекламном или массмедийном дискурсах.

Классификация по принципу принадлежности языку-речи позволяет выделить две основные категории: *узуальные* и *неузуальные* неологизмы.

Узуальные неологизмы являются достоянием литературного языка. К категории неузуальных мы относим индивидуально-авторские окказиональные новообразования.

Авторские или индивидуально-стилистические неологизмы создаются, по мнению А.А. Брагиной, отдельными носителями языка, как правило, творческими людьми в целях придания экспрессивности художественному тексту [Брагина, 1973]. Неологизмы этого типа закреплены в определенном контексте, имеют авторство. Они нацелены на сохранение необычности, свежести текста.

Так, например, в английском языке всем известны языковые инновации писателя-фантаста Дж. Р. Толкина, которые не вошли в литературный язык. Одним из таких искусственных слов, изобретенных Толкином, является

словосочетание *eleventy-one* или 111 (лет) [Tolkien, 2013]. *Eleventy* ‘несуществующее числительное, образованное по аналогии с числами, имеющими суффикс *-ty*, кратными 10 (*twenty* ‘двадцать’, *thirty* ‘тридцать’ и т.д.). Возраст 111 лет – это 11, умноженное на 10, плюс 1.

Авторский неологизм *Generation X* ‘Поколение X’ писателя Дугласа Купленда являлся окказионализмом в английском языке совсем недолго в конце 80-х гг. XX в. Несмотря на свою новизну, название этой книги вскоре стало нарицательным по отношению к новому поколению США (в сокращенной форме *-Gen X*), представители которого родились в период спада рождаемости [Coupland, 2000].

В данную типологическую категорию попадают и окказионализмы, авторами которых являются политики или любые общественные деятели.

Нидерл. *groetzone* ‘приветственная зона’ – языковая единица, использованная в 2003 г. Д. фан дер Меером, членом партии Зеленые Левые в Нидерландах. Политик выдвинул предложение по созданию специальных зон на улицах города, где все прохожие должны были приветствовать друг друга. Данная идея была направлена на повышение уличного этикета. Однако предложение фан дер Меера было воспринято без энтузиазма и данная языковая единица осталась неузуальной [Sanders, 2010].

Классификация по продолжительности существования позволяет выделить следующие категории неологизмов:

а) краткого существования на уровне речь-текст (однократное употребление).

Как правило, свойством функциональной одноразовости обладают окказионализмы, которые являются характерным признаком газетно-публицистической речи и художественного текста.

Так, например, одна из статей британской газеты *Morning Star* имеет заголовок “*Yet more old style Toryism*” ‘старомодный торизм’, иллюстрирующий образование окказионализма средствами суффиксации

[June 2010; <http://morningstaronline.co.uk/>]. Единица *Toryism* ‘торизм/консерватизм’, сконструированная с помощью имени собственного *Tory* ‘Тори, название английской политической партии’, а также суффикса - *ism* демонстрирует ироническое и недоверчивое отношение автора к нововведениям партии.

Словарь сленга пользователей Твиттера, разработанный Л. Хильгерсом, содержит множество слов-однодневок, возникающих в речи пользователей данного микроблога.

Например, языковая единица *Twitzo!* создана по аналогии с *Tot zo!* ‘пока’, ‘до встречи’ и обозначает ‘до встречи в Твиттере’. Первые две буквы слова *Twitzo* совпадают с первыми буквами в названии микроблога *Twitter* ‘Твиттер’ [Hilgers, 2008].

б) неологизмы, закрепившиеся традицией словоупотребления;

В английском языке слово *sputnik* ‘спутник’ являлось неологизмом в 50-х гг. прошлого столетия после запуска первого космического аппарата Советским Союзом. Однако после многократного употребления слово стало частью общелитературного английского языка.

Нидерл. *bovenbaas*, ‘букв. тот, кто заказывает музыку’, босс, начальник – авторский неологизм Мартена Тондера, нидерландского писателя, карикатуриста. Данный неологизм стал распространенным после выхода в свет книги этого известного литератора [Toonder, 2013].

в) неологизмы, используемые какое-то время в языке, а затем уходящие из речевого употребления («историзмы современности»).

Ряд неологизмов не задерживаются в языке по ряду объективных причин, как например, англ. *velocipede* ‘велосипед’, который был заменен широко известной сейчас единицей *bicycle* или нидерл. *telefooncel* ‘телефонная будка’ – языковая единица, которая с появлением домашних и мобильных телефонов постепенно исчезает и переходит в разряд историзмов.

Классификация с точки зрения происхождения разделяет неологизмы на собственно национальные и заимствованные. Следует отметить, что в настоящее время появляется все больше именно заимствованных неологизмов.

Так, в нидерландском языке заимствования из английского в настоящее время проникают во все сферы общественной жизни. При этом слова в нидерландском языке заимствуются либо полностью, либо в виде морфем: *internet* ‘интернет’ (1974, техническая сфера), *babyboomer* ‘ребёнок, родившийся во время послевоенного демографического взрыва’ (1988, общественно-политическая сфера); *chicklit* ‘женская проза’ (2002, сфера литературы и творчества).

Заимствованные неологизмы можно также классифицировать по языкам-донорам. Так, нидерландский язык до середины XX столетия почерпнул большое количество неологизмов из французского языка для номинации объектов физического мира, моды и т.д.: *grot* ‘пещера’, *lagune* ‘лагуна’, *vallei* ‘долина’.

С точки зрения классификации по сфере употребления, выделяются общие и специальные неологизмы. Как показывает анализ фактического материала, общие неологизмы являются узуальными для общественно-политической и социальной сфер, а специальные – для узкопрофессиональных сфер, социолектов или субкультур.

Одна и та же лексическая единица может являться неологизмом в одной сфере и быть узуальной в другой. Так, например, *epidemic parotitis* ‘эпидемический паротит’ является узуальным термином в медицине, в то время как простонародное название этого заболевания – *tumps* ‘свинка’ – стало узуальным в общественной и бытовой сферах.

Иногда специальная лексика, сохраняя свой терминологический характер в соответствующей науке, меняет регистр использования и переходит в литературный язык. Причиной подобного перехода может быть

популяризация научных знаний, культурный рост носителей языка, активное «вторжение» в бытовую жизнь называемых терминами явлений.

Примером смены регистра употребления языковой единицы может послужить слово «космонавт», которое сначала являлось неологизмом в технической сфере, затем в течение короткого промежутка времени – в общественной сфере. Данная языковая единица стала узувальной для литературного языка и вошла во многие языки мира после первого полёта человека в космос [Шанский, 2007, с. 158].

Во вступлении к словарю ODNW приводится аналогичный пример термина, который вошел в общелитературный язык в качестве неологизма. *Greenhouse effect* ‘парниковый эффект’ был известен ученым уже в конце XIX в., однако, получил признание среди широкой публики лишь во второй половине XX в., когда появилась опасность экологической катастрофы [ODNW, 1999].

Разнообразие параметров типологии языковых новообразований свидетельствует о периферийном статусе неологизмов в системе языка.

Разработав обобщенную типологию неологизмов на материале нидерландского и английского языков, мы пришли к выводу, что неологизмы нельзя рассматривать только как языковое явление. Лексические новообразования не имеют общепринятого употребления с момента своего рождения. Они образуются в языке по продуктивным или непродуктивным деривационным моделям. Неологизмы могут также являться узувальными в диахроническом срезе, но затем переходить в разряд архаизмов или получить вторую жизнь в силу изменения бытовых, политических, культурных или социальных реалий. Языковые новообразования могут использоваться окказионально, закрепляться только за определенным контекстом или же стать со временем частью общелитературного языка. Но, так или иначе, именно культурная деятельность человека является источником инноваций.

Большая часть неологизмов, рассмотренных в нашей типологии, являются интернационализмами и заимствованы в основном из английского языка. Это объясняется и масштабной глобализацией, компьютеризацией нашей жизни и развитием новейших научных технологий, которое происходит в странах англоязычного мира. Однако наша классификация языковых новообразований также выявила неологизмы, обладающие национально-культурной маркированностью. В большинстве случаев к подобным неологизмам относятся лексические и семантические неологизмы, которые либо обозначают новые реалии, специфичные только для данной культуры, либо выражают культурно-исторические ассоциации в своем коннотативном значении. Такие неологизмы не только отражают вехи развития данной национальной языковой общности, но и содержат национально-семантические доли, которые невозможно сопоставить с похожими лексическими значениями слов в других языках. По большей части такие единицы являются безэквивалентными, для них невозможно найти межъязыковые лексико-семантические варианты, а при их переводе на другой язык используется описание. Так, например, представители иной языковой общности могут понять следующие неологизмы английского и нидерландского языков только в описательном переводе, или внимательно изучив контекстуальное окружение данных языковых единиц: англ. *mac nazi* ‘человек – фанат продуктов американской компании Apple’ (в данном неологизме единица *nazi* ‘нацист’ используется в переносном смысле и описывает человека, жестко преследующего свои цели); *christmas creep* ‘явление, при котором подготовка к Рождеству с каждым годом начинается раньше’; *brandalism* ‘завешивание улиц города уродливыми рекламными щитами’; нидерл. *fietssnelweg* ‘велосипедная магистраль без светофоров и автомобилей’; *kindlint* ‘детская безопасная дорожка, выложенная специальной ярко раскрашенной плиткой’; *scheefwonen* ‘жить в доме с низкой арендной платой’.

Выполняя кумулятивную функцию языка, национально-культурный компонент неологизмов выражает некие культурологические ассоциации, без понимания которых сложно адекватно воспринимать и правильно употреблять новые слова.

2.3. Выявление взаимодействия языка и культуры на примере концептуального анализа неологизмов

Разделяя точку зрения Т.А. Гуральник о критериях выделения лингвокультурного компонента неологизмов [Гуральник, 2006], мы считаем, что в содержании новых слов культурно-значимой можно считать информацию, отражающую как внешние, так и внутренние языковые пространственные параметры, в рамках которых функционирует слово. Национально-культурная маркированность языковых инноваций выявляется в ходе анализа системы значений новых слов и их объединений в лексико-семантические парадигмы.

Вследствие того, что язык находится в постоянном развитии, лексика представляет собой самый подвижный пласт языка, который формируется в первую очередь под влиянием экстралингвистических факторов. Каждое поколение дает жизнь новым словам, производным от современной действительности. После «электронной революции» в Западной Европе во второй половине XX в. ускорился процесс научно-технического прогресса, что не могло не отразиться в языке, каждый год лексикографы регистрируют сотни новых слов. По подсчетам онлайн-службы Global Language Monitor, в английском языке каждые 98 минут возникает новое слово [Payack, 2008, с. 34].

Помимо обыкновенной функции номинации, лексический пласт языка, в том числе и неологизмы, выявляет неповторимые ассоциации мышления тех носителей языка, которые говорят на данном языке. Подобные

ассоциации являются результатом особой семантической наполненности каждого слова – культурных смыслов. У. Крофт сравнивает лексику с «барометром» изменений, происходящих в обществе, и смены модных социальных тенденций. По мнению лингвиста, с одной стороны, лексика отражает общественное сознание, а с другой – воздействует на его формирование [Croft, 2007].

Одной из задач нашего исследования является установление тех ключевых понятийных сфер, в которых происходит сосредоточение неологизмов.

В анализируемых сферах, в которых обнаружено большое количество новых слов, можно выделить ключевые концепты, которые служат категориями культуры для определенной языковой общности на временном отрезке последних трех десятилетий. Содержание категорий культуры определяется данными понятийными сферами и отражает специфику господствующей системы ценностей, передает культурную картину мира, социальных норм, а также возможные направления развития конкретного социума. Согласно А.Я. Гуревичу, который ввел в научный обиход данный термин, «категории культуры служат своеобразной системой координат, при помощи которой формируется мировоззрение человека, "заполняющего" ее соответственно собственному социальному опыту и положению» [Грицанов, 2003]. Таким образом, категории культуры имеют не только конкретно-историческую, но и конкретно-социальную направленность.

Взаимодействие языка и культуры проявляется в нашем случае уже в том, как распределяются новые лексические единицы по различным понятийным сферам в двух исследуемых языках. Доминирование той или иной сферы, в которой выявлено большее количество неологизмов, иллюстрирует, на наш взгляд, тот факт, что номинация новых реалий и порождение новых смыслов происходит с учетом ценностных установок

языкового коллектива и является следствием взаимодействия языковой и культурной картин мира.

Ряд американских исследователей (Г. Форг [Forgue, 1979], Р. Гоцци [Gozzi, 1990], С. Рот [Rot, 1978]) предпринимали попытки классифицировать неологизмы с учетом сфер их функционирования в словарном составе американского варианта английского языка по принципу распределения неологических единиц по лексико-семантическим полям. Особенно существенным в методологическом плане представляется нам заключение этих лингвистов о том, что поток неологизмов, поступающих в систему языка и образующих лексико-семантическое поле, является показателем жизнестойкости и ценности данного поля для конкретного культурного социума.

Следует оговорить, что в нашем исследовании мы не выделяем отдельно неологизмы национальных вариантов английского языка (американский, австралийский, британский, канадский английский и т.д.). На наш взгляд, вариативность существенно не влияет на семантику новых слов английского языка в силу его ведущей роли в мире, а также процессов глобализации.

В английском языке понятийные сферы, в которых на основе анализируемого материала было выявлено наибольшее сосредоточение неологизмов, представлены в порядке убывания следующим образом (Приложение 2а):

1. Общество и человек

Как показал проанализированный фактический материал, данная понятийная сфера вербализуется неологизмами литературного языка, называющими человека, его жизненные стадии, образ и стиль жизни, взаимоотношения, здоровье, образование, процессы и результаты урбанизации.

Выявленные ЛСП в рамках данной понятийной сферы представлены в Таблице 1:

Таблица 1

ЛСП с наибольшим количеством неологизмов в понятийной сфере
«общество и человек»

Понятийная сфера	ЛСП
Общество и человек (41% неологизмов)	1) наименования человека (12.4%)
	2) жизненные стадии человека (11.8%)
	3) образ и стиль жизни (9.9%)
	4) взаимоотношения (4.6%)
	5) процессы и результаты урбанизации (1.5%)
	6) образование (0.8%)

В понятийной сфере «общество и человек» наибольшее количество неологизмов зарегистрировано в лексическо-семантическом поле (ЛСП) «**наименования человека**» (12.4% от общего числа неологизмов), что подтверждает ценность понятия «человек» у носителей английского языка. Частью данного ЛСП являются различные лексико-семантические группы (ЛСГ), выделяющие такие характеристики человека как его профессиональная сфера (*CEO* ‘генеральный директор’, *open collar* ‘человек, работающий из дома’), социальная и этническая принадлежность (*millionerd* ‘богатый человек, построивший состояние в компьютерной индустрии’; *soccer mom* ‘домохозяйка, увлекающаяся политикой’; *chicano* ‘американец мексиканского происхождения’), демографический признак (*perma-youth* ‘человек, стремящийся сохранить молодую внешность средствами пластической хирургии’; *adultescent* ‘человек средних лет, активно интересующийся молодежной культурой’), свойства характера (*phrasemonger* ‘человек, часто использующий в своей речи цитаты’; *power newbie* ‘любопытный человек’). Важной чертой неониминаций человека в

английском языке является появление большого количества неологизмов, описывающих категорию «неудачник», «никчемный человек» (*eye broccoli* ‘непривлекательный человек’, *thresholder* ‘молодой человек, не желающий взрослеть и брать на себя обязанности взрослого’, *weirdo* ‘человек со странностями’).

Неологизм, выбранный составителями Оксфордского словаря в качестве слова 2013 года, тоже относится к ЛСП «наименования человека». Неологическая единица *selfie* ‘фотография самого себя, как правило, сделанная при помощи телефона и размещенная в социальных сетях’ в августе 2013 г. была включена в онлайн-версию данного толкового лексикографического источника [<http://blog.oxforddictionaries.com/press-releases/oxford-dictionaries-word-of-the-year-2013/>]. В настоящее время составители словаря рассматривают вопрос его внесения в бумажную версию словаря.

Наиболее частотной языковой инновацией в ЛСП «**жизненные стадии человека**» (к данному ЛСП относятся 11.8% неологизмов) является семантический неологизм *grey* ‘серый, седой’, который приобрел новые ЛСВ: ‘стареющий/относящийся к пожилым людям, пенсионерам’. Так, новая единица *greying* обозначает ‘поседение населения’, связанное со снижением уровня рождаемости в англоязычных странах и возрастанием продолжительности жизни. Фразеологический неологизм *grey market* в 90-е годы приобрел значение ‘пожилые покупатели/избиратели страны’. В 2002 г. в английском языке появилась неологическая конструкция *greys on trays* ‘люди преклонных лет, катающиеся на сноуборде’.

В ЛСП «**образ и стиль жизни**» (9.9% неологизмов) интересно появление неологизмов, характеризующих субъективное восприятие времени англоязычным социумом. В сознании современного носителя английского языка время стало двигаться быстрее, произошло его «сжатие», компрессия параллельно категории пространства. Данная тенденция подтверждается

рядом неологизмов: *hurry sickness* ‘болезненное ощущение нехватки времени’; *rush minute* ‘час-пик’; *timesuck* ‘занятие, занимающее слишком много времени’; *sightjogging* ‘посещение достопримечательностей на бегу’.

Семантика ряда неологизмов, входящих в корпус исследования, отражает разрушение границ между отдыхом и работой, публичным и частным в жизни человека при использовании передовых технологий. Благодаря мобильному телефону, интернету, человек достижим на отдыхе и дома: *junk sleep* ‘сон, прерываемый звонком по сотовому телефону, работой компьютера или телевизора’; *lifestreaming* ‘трансляция своей жизни в интернете’; *laptop zombie* ‘человек, увлеченной работой за компьютером в общественном месте’; *second screening* ‘просмотр телевизора с одновременным использованием компьютера или смартфона’; *fake-ation* ‘отпуск, в течение которого приходится отвечать на служебные письма по электронной почте’.

Новым фрагментом англоязычной неосферы является ЛСП, обозначающее категорию **человеческих взаимоотношений** (4.6% неологизмов) с активным использованием технических средств общения. Современный человек становится участником глобальной коммуникации. Интернет дает ему возможности преодолеть физическое пространство и вступать во взаимоотношения с другими людьми на расстоянии, что не могло не найти отражения в языке: *face time* ‘время личного контакта, а не по электронной почте’; *skype sleep* ‘засыпать вместе при включенной программе Скайп (Скайп)’; *wedsite* ‘сайт, где молодая пара размещает информацию о своей предстоящей свадьбе’, *virtual visitation* ‘виртуальный визит, контакт разведенного родителя со своим ребенком используя электронную коммуникацию’ и т.д.

Проанализированный фактический материал также показал, что значительное место в корпусе английских неологизмов занимают языковые единицы, обозначающие **процессы и результаты урбанизации** (1.5%

неологизмов), что подчеркивает распространенность городского образа жизни: *traffic-calming device* ‘приспособление для успокоения дорожного движения’, *street spam* ‘уличный спам’, *transnational suburb* ‘окраины города, населенные иммигрантами’; *urban forest* ‘лесонасаждения в черте города’.

В 80-90-х гг. XX в. в странах Западной Европы остро стоял вопрос, связанный с обсуждением проблем мультикультурализма. К середине 90-х гг. количество публикаций в англоязычных СМИ о “мультикультурном обществе” исчислялось тысячами, что породило большое количество неологизмов в разных категориях социокультурного пространства и, в первую очередь, в рамках категории «**образование**» (0.8% неологизмов). Так, например, в английском языке в 80-х гг. появились неологизмы, обозначающие новый тип учебных заведений (*magnet school* ‘специализированная школа с углублённым изучением ряда предметов, учащимися которой также становились выходцы из этнических меньшинств’), учебные программы нового типа (*equity education* ‘школьная программа, ориентированная на воспитание толерантности’; *bilingual education* ‘билингвальное образование’), а также новые учебные дисциплины (*African American Studies* ‘афро-американские исследования’; *Multicultural Studies* ‘исследования в области мультикультурализма’; *Crisis Resolution* ‘конфликтология’).

2. Человек и культура

Как показала выборка фактического материала, второй по степени неологизации является категория культурной деятельности человека как формы освоения действительности. К понятию «культура» мы относим как материальные, так и духовные аспекты этого явления. Вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым материальной культурой мы называем «совокупность вещественных, зримых, наблюдаемых произведений труда человека». Неологизмы, как правило, характеризуют продукты труда, создаваемые в настоящее время, а не созданные предшествующими

поколениями. Под духовной культурой мы понимаем «производство, распределение и потребление духовных ценностей; процесс созидания духовного богатства общества» [Верещагин, 2005, с. 23].

Выявленные ЛСП в рамках понятийной сферы «человек и культура» представлены в Таблице 2:

Таблица 2

ЛСП с наибольшим количеством неологизмов в понятийной сфере
«человек и культура»

Понятийная сфера	ЛСП
Человек и культура (29% неологизмов)	1) массовая культура (13.7%)
	2) общественно-политические реалии (13%)
	3) спорт (2%)
	4) искусство (0.3%)

Массовая культура (13.7% неологизмов), популярная среди большинства членов англоязычного пространства, вышла на первое место по количеству новых слов в понятийной сфере «человек и культура». Данное ЛСП связано с другими ЛСП, как, например, общественно-политические реалии, спорт, мода, музыка, кино, массовая литература. Насыщенность неологизмами массовой культуры обусловлена ее способностью отражать основные направления развития, события, стремления и потребности конкретного социума. Таким образом, подтверждается тот факт, что в современном обществе массовая культура доминирует над элитарной.

Неологизмы массовой культуры получают большое распространение и популярность. Так, неологизм *metrosexual* ‘метросексуал, мужчина, уделяющий большое внимание своему внешнему виду’ в ЛСГ «мода» появился в английском языке в 1994 г. и к сегодняшнему времени имеет до 162 млн. цитирований в интернете.

Большой пласт неологизмов английского языка можно найти в ЛСП **общественно-политические реалии** (13% неологизмов). Вслед за А.В.

Оляничем под массовой коммуникацией мы понимаем процесс одновременного распространения информации и воздействия на аудиторию, который является опосредованным, т.к. он реализуется при помощи технических средств, а также имеет социальный характер, в силу того, что сообщаемые данные представляют интересы определенных социальных групп [Олянич, 2004, с. 68].

СМК создают благоприятные условия для обогащения лексического пласта языка: *rumorazzi* (*rumor* ‘сплетня’ + *paparazzi* ‘папарацци’) ‘желтая пресса’; *coffee-spitter* ‘шокирующая новость/ букв. ‘новость, которая заставит вас пролить свой кофе’; *snailpaper* (*snail* ‘улитка’ + *paper* ‘газета’) ‘печатная версия газеты, публикация которой занимает больше времени, чем ее онлайн версии’. Единица *civic journalism* ‘гражданская журналистика’ представляет собой не только неологизм, имеющий более 13 млн. цитирований в интернете и пока не зафиксированный в толковых словарях, но и новую реалию современного социума. Гражданская журналистика получила широкое распространение с развитием глобальной сети и новых цифровых технологий и подразумевает активное участие обычной аудитории в процессе сбора, анализа и распространения новостей, которые часто не отражены в традиционных СМИ.

ЛСП «общественно-политические реалии» включает в себя неологизмы, относящиеся к общественно-политической лексике.

Всесторонняя глобализация, происходящая в мире, оставила свой след в языке. Например, в последнее время значительную деривационную активность начал проявлять формант *global* ‘глобальный’: *global corporation* ‘глобальная корпорация’; *globalization* ‘глобализация’; *globality* ‘глобальная мобильность’; *globocrat* ‘глобалист’; *global village* ‘глобальная деревня’. Появился также неологизм *Globish* (от *global* ‘глобальный’ и *English* ‘английский’) ‘Глобиш’, отражающий современное положение английского как языка международного общения.

Часть медиа-политических новообразований отражает проблему ядерного разоружения: *Glenn amendment* ‘поправка к закону, предусматривающая прекращение помощи стране, которая нарушает соглашение о нераспространении ядерного оружия’; *proliferator* ‘страна, распространяющая ядерное оружие’; *threshold state* ‘государство, способное создать собственное ядерное оружие’. Лексическая единица *nuclear* ‘ядерный’, претерпевшая субстантивацию и употребляющаяся в значении ‘ядерная энергия’, является смысловым центром ряда неологизмов: *nuclear winter* ‘ядерная зима’; *nuclear-free* ‘безъядерный’; *nuclearphobia* ‘боязнь ядерного оружия’.

Значительное количество неологизмов сосредотачивается вокруг понятий, обозначающих деятельность политических партий или общественных движений, в особенности связанную с избирательными кампаниями: *broad church* ‘широкий спектр идей’; *doorstepping* ‘слежка с целью внезапного интервью’; *to press the flesh* ‘обмениваться рукопожатиями с рядовыми избирателями’; *gesture politics* ‘политический ход’; *soundbite* ‘фраза из речи политика’. Многие единицы данной группы являются фразеологическими неологизмами, общее значение которых не выводится из самостоятельных значений каждого составного лексического элемента.

Единица *spin* ‘политтехнологический глянец’, которая приобрела статус семантического неологизма и в языке политиков получила новый ЛСВ ‘имидж’, обусловила появление неологизмов *spin doctor* ‘специалист по связям с общественностью, создающий определенный имидж того или иного государственного деятеля’; *spin-crew* ‘команды пиар-консультантов государственных или политических деятелей’; *spin-control* ‘меры, направленные на «спасение» имиджа определенной личности после скандала’.

После Уотергейтского скандала в США в 70-е гг. элемент *-gate*, выделенный из названия гостиницы в Вашингтоне *Watergate*, проявил

большую деривационную способность при номинации политических скандалов в 80-90-е гг., в особенности связанных с коррупцией. Формант *-gate* был использован в сочетании с именами собственными, в частности, с именами и фамилиями политиков: *Billygate* ‘Биллигейт, скандал, связанный с именем брата президента США Дж. Картера’; *Muldergate, Reagangate*; с названиями стран, регионов: *Koreagate* ‘Кореягейт’, по аналогии *Irangate, Volgagate*; с названиями организаций или индустрий: *Oilgate* ‘нефтяной скандал’, *Motorgate* ‘скандал вокруг компании Дженерал моторз’.

Неологизмы ЛСП «*спорт*» (2%) подчеркивают стремление члена англоязычного социума выглядеть моложе, проявлять заботу о своем здоровье. Неологические единицы данной категории группируются вокруг понятия *wellness* ‘хорошее здоровье’, которое вербализуется с помощью новых наименований различных оздоровительных заведений (*oxygen bar* ‘кислородный бар’; *fitness center* ‘фитнес центр’; *sports house* ‘спортивный центр’; *health spa* ‘оздоровительный центр’; *soccerplex* ‘спортивный комплекс с несколькими футбольными полями’; *health club* ‘клуб здоровья’), названий новых типов физических упражнений (*stretching* ‘стретчинг, растяжка’; *power striding* ‘быстрая ходьба’; *aquacize* ‘аквааэробика’; *soulcycle* ‘велотренировка’; *jazzercise* ‘джазерсайз, танцевальный фитнес’), наименований здорового питания (*health food* ‘здоровая пища’; *window farm* ‘оконная ферма, система, позволяющая выращивать полезные растения у себя на окне круглый год’; *organic food* ‘биопродукты’; *pharma food* ‘продукты, содержащие биологически активные добавки’; *good-for-you bacteria* ‘полезные бактерии’) и вредной для здоровья пищи или неправильного питания (*junk food* ‘вредная пища’; *passive overeating* ‘пассивное переедание’; *one-handed food* ‘еда, которую можно удержать в одной руке при вождении’).

В сфере *изобразительного искусства* (0.3% неологизмов) ставятся новые эксперименты и появляются новые течения и школы: *ABC art*

‘искусство изображения геометрических форм без символизма или метафоричности’; *birth art* ‘изображение родов’; *op art* ‘искусство оптических эффектов’; *revivalism* ‘возвращение к традиционным формам в живописи’; *action painting* ‘живопись, основанная на методе разбрызгивания краски’; *tradigital art* ‘искусство, сочетающее традиционные приемы и методы цифровых технологий для создания образа’ и т.д.

3. Техника и сфера науки

Третье место по количеству неологизмов в литературном английском языке в нашем исследовании занимает категория «техника и сфера науки».

Выявленные ЛСП в рамках данной понятийной сферы представлены в Таблице 3:

Таблица 3

ЛСП с наибольшим количеством неологизмов в понятийной сфере
«техника и сфера науки»

Понятийная сфера	ЛСП
Техника и сфера науки (21% неологизмов)	1) информационные технологии (14%)
	2) экология (5%)
	3) психология (2%)

Анализ выборки неологизмов, относящихся к данной сфере, выявил два взаимно обратных процесса, протекающих в языке и объективно влияющих на человека: проекция человеческих качеств на машины и механизмы (антропоморфизм), и перенос механических свойств на человека.

Иллюстрацией первого процесса могут служить антропоморфные неонаминации в компьютерной терминологии: *intellectual network* ‘интеллектуальная сеть’; *memory* ‘память, среда хранения данных в компьютере’; *brain* ‘вычислительный прибор, ЭВМ, выполняющая функции, аналогичные функциям человеческого мозга’; *dialog program* ‘диалоговая программа’; *query response* ‘ответ на запрос’; *virus* ‘компьютерный вирус’.

Второй процесс проявляется в неологизмах, обозначающих психологическое состояние лица или процесс коммуникации: *network* ‘завязывать связи, устанавливать сотрудничество’ (в компьютерной терминологии ‘сеть’); *vibes* ‘аура, предчувствие’ (в технической терминологии ‘резонанс’).

Передовые **информационные технологии** (14% неологизмов), в первую очередь интернет, проникают в самые различные сферы жизни современного англоязычного социума от бытовой сферы (*password fatigue* ‘усталость, вызванная необходимостью помнить слишком много паролей’) до религиозной (*godcasting* ‘скачивание аудио записи с религиозным содержанием’). Информационные технологии влияют на формирование новых понятий, которые образуются посредством таких формантов как *cyber*, *e-*, *pod*, *virtual*, *digital*, *hyper* – (*e-commerce* ‘интернет-коммерция’; *cyberpolicy* ‘киберполитика’; *digital library* ‘цифровая библиотека’; *online activism* ‘гражданская активность в Интернете’; *virtual team* ‘виртуальная команда’).

По результатам выборки, **психология** (2% неологизмов) является одной из областей естественнонаучного знания, насыщенной неологизмами, что свидетельствует об общей гуманизации науки. Человек признается высшей ценностью, усиливается процесс обращения науки к проблемам человека, что нашло мгновенное отражение в языке: *busy brain* ‘психическое состояние, характеризующееся неспособностью сконцентрироваться’; *emotional correctness* ‘эмоциональная корректность или выражение эмоций в социально приемлемой форме’; *sudden wealth syndrome* ‘синдром внезапного обогащения’; *mindblindness* ‘невозможность понять психическое состояние другого человека’.

Экология (5% неологизмов) также занимает передовые позиции по количеству неологизмов, которые проникают в общелитературный язык. В силу того, что в конце XX века возник активный интерес к окружающей среде, и проблема ее загрязнения и сохранения стала особенно острой,

экологическая сфера состоит в основном из понятий, относительно недавно появившихся в языке.

Ряд неологизмов номинируют изменение окружающей среды под воздействием хозяйственной деятельности человека: *agroforestry* ‘выращивание леса для сельскохозяйственных целей’; *overfishing* ‘чрезмерный отлов рыбы’; *desertification* ‘опустынивание’; *intentional gardening* ‘садоводство, направленное на улучшение состояния окружающей среды’. Повышение внимания к утилизации отходов жизнедеятельности человека обусловило возникновение новых названий для профессии ‘мусорщик’ (*refuse collector, cantosser, sanitation engineer, garbage man, garbage collector, garbage compactor, garbitrageur*) и появление науки, изучающей захоронение и обезвреживание отходов жизнедеятельности человека (*garbology* ‘гарбология, мусорология’). Как следствие, человек, занимающийся мусорологией, получил название *garbologist* ‘мусорщик’.

Влияние человека на окружающую среду не всегда негативно. На рубеже XX–XXI веков приобретают популярность общественно-политические движения, выступающие в защиту окружающей среды, повышается уровень информированности общества о важности сохранения природы, что находит отражение в семантике неологизмов.

Так, лексическая единица *green* приобрела статус семантического неологизма с появлением двух новых ЛСВ: 1) экологически чистый; 2) защитник окружающей среды. Эти изменения в семантике единицы породили целый класс двухкомпонентных неологизмов, в основе которых лежит метонимический перенос значения со свойства на субъект: *green urbanism* ‘городское планирование, минимизирующее последствия урбанизации для окружающей среды’; *green consumers* ‘потребители экологически чистых продуктов’; *green party* ‘партия «зеленых»’; *green politics* ‘политика защиты окружающей среды’.

Другим примером семантического неологизма экологической сферы является слово *garbage*, которое помимо значения ‘мусор’, приобрело ЛСВ ‘что-либо бесполезное, нестоящее’.

Большим словообразовательным потенциалом обладают префиксы *eco*, и *bio-*, выступающие в качестве смыслообразующих центров новых лексических единиц: *eco-anxiety* ‘страх за будущее состояние окружающей среды’; *ecotourism* ‘экологический туризм’; *ecofriendly* ‘экологичный’; *biosafety* ‘биобезопасность’; *biodegradable* ‘биоразрушаемый, разлагаемый микроорганизмами’; *biotecture* ‘биотектура’.

В лингвистике образовалось новое научное направление – “экологическая лингвистика”, в рамках которого выявляются законы, принципы и правила, общие как для экологии, так и для развития языка. Родоначальником данного направления принято считать американского лингвиста Эйнара Хаугена, автора доклада «Экология языка», в 1970 г. применившего понятие экологии к языку [Haugen, 1972; 2001]. Экологическая лингвистика использует многие экологические термины для анализа языковых явлений (экология языка, окружение, экосистемы).

4. Экономика и бизнес

Выявленные ЛСП в рамках данной понятийной сферы представлены в Таблице 4:

Таблица 4

ЛСП с наибольшим количеством неологизмов в понятийной сфере

«экономика и бизнес»

Понятийная сфера	ЛСП
Экономика (9% неологизмов)	1) экономический кризис (4.4%)
	2) курс отдельного политика (3.7%)
	3) информационные технологии в экономике (0.9%)

Экономическая лексика английского языка характеризуется тенденцией к неоминимации объектов и процессов корпоративной деловой

культуры (*corporate culture*), которая отличается инновационными идеями и практикой внедрения в производство новейших достижений разных областей знания: *critical path* ‘ряд работ, выполняемый за минимально необходимое время для завершения проекта’; *outsourcing* ‘передача выполнения функций сторонней организации’; *strategic philanthropy* ‘коммерческое предприятие, работающее на социальный результат’.

Как показал фактический материал, в экономическую сферу также проникают заимствованные лексические единицы, активно социализирующиеся в английском языке: *kanban* ‘японская философия бизнеса, ориентированная на организацию эффективного непрерывного потока производства’; *tycoon* ‘финансовый магнат’ (от японского ‘сегун’).

Авторами экономических неологизмов зачастую выступают специалисты банков, которые употребляют новые слова в своих регулярных обзорах. Так, аналитики инвестиционного банка Goldman Sachs в 2000 г. придумали аббревиатуру *BRIC* ‘БРИК’ (Бразилия, Россия, Индия, Китай) [Goldman Sachs. Annual Report, 2000]. Аналитики Citigroup впервые употребили в своем обзоре в 2012 г. слово *Grexit* (от *Greece* ‘Греция’ и *exit* ‘выход’), и, хотя Греция так и не вышла из еврозоны, данная неологическая единица мгновенно стала популярна среди журналистов и блогеров [Citigroup. Annual report, 2012].

По схожему принципу были образованы и другие новые популярные слова. Так, из слов *Germany* (Германия) и *China* (Китай) получился неологизм *Chermany*, который объединяет эти две крупнейшие страны по торговому профициту: и Германия и Китай поставляют на экспорт больше продукции больше, чем импортируют.

Образование неологизмов путем соединения имени политика и слова «экономика» (3.7% неологизмов), известно еще с момента появления единицы *Reaganomics* ‘Рейганомики’, экономической политики Рональда Рейгана в 80-е гг. Едва ли не самым популярным неологизмом

экономической сферы 2013 г. стала языковая единица *Abenomics* ‘Абэномика’, применительно к экономическому курсу нового премьер-министра Японии Синдзо Абэ, который увеличил рост государственных расходов для поддержки национальной экономики в условиях кризиса.

Многие слова, появившиеся в английском языке в недавнее время, отражают мировой экономический кризис (4.4% неологизмов): *austerians* ‘экономисты, проповедующие строгую экономию, доходящую до аскетизма’; *staycation* (от *to stay* ‘оставаться’ и *vacation* ‘отпуск’) ‘отпуск, проведенный дома из-за отсутствия денег на путешествие’; *recessionista* (*recession* ‘рецессия’ и *fashionista* ‘модник’) ‘человек, чья одежда (дешевая или поношенная) соответствует тяжелой экономической ситуации’. Словом года 2012 в Великобритании был выбран неологизм *omnishambles* ‘полная разруха’ (от латинской морфемы *omni-* ‘все’ и английского слова *shambles* ‘неразбериха’), которое также характеризует кризисное состояние экономики.

Стремление к увеличению темпов роста производства постоянно стимулирует процессы компьютеризации и информатизации в экономике. Это привело к появлению новой номинативной парадигмы в английском языке, маркером которой являются форманты, обслуживающие сферу новых информационных технологий (0.9% неологизмов): *dotcom* ‘интернет-компания’; *e-commerce* ‘интернет-коммерция’; *get-rich-click* ‘разбогатеть одним щелчком мыши’.

Необходимо подчеркнуть, что неологизмы, связанные с использованием новых информационных технологий, были выявлены практически во всех указанных категориях, что свидетельствует о глобальной компьютеризации, техногенном развитии общества, влияющего на обновление языка.

В нидерландском языке на основе проанализированного фактического материала мы выявили следующие понятийные сферы с наибольшим сосредоточением неологизмов (Приложение 2б, приложение 3):

1. Социальная политика

Как показал наш фактический материал, если в английском языке наиболее неологичной оказалась категория «общество и человек», в нидерландском языке на первый план по количеству новых слов вышла понятийная сфера социальной политики.

Выявленные ЛСП в рамках данной понятийной сферы представлены в Таблице 5:

Таблица 5

ЛСП с наибольшим количеством неологизмов в понятийной сфере
«социальная политика»

Понятийная сфера	ЛСП
Социальная политика (37% неологизмов)	1) социальная защита (19.8%)
	2) миграционная политика (17.4%)
	3) работа (4.4%)

Это подтверждается тем фактом, что Нидерланды являются государством всеобщего благосостояния, а во внутренней политике королевства большое внимание уделяется социальной сфере. Нидерландская социальная система предоставляет равные права на участие в жизни общества, а также обеспечивает активное присутствие на рынке труда пожилых людей или людей, длительное время не имеющих работы. Большое количество неологизмов выявлено нами в ЛСП «*социальная защита*» (19.8% неологизмов), которая в последнее время в условиях увеличения продолжительности жизни и экономического кризиса подверглась кардинальным изменениям: *werktijdverlenging* ‘увеличение рабочего времени’; *leefloon* ‘прожиточный минимум’; *opleidingspremie* ‘государственный грант на образование/ повышение квалификации’;

salarisgat ‘разница в зарплатах (например, мужчин и женщин)’; *arbeidsrehabilitatie* ‘профессиональная реабилитация, помощь в приобретении профессии людям, имеющим физические ограничения’; *zorgbudget* ‘социальный бюджет’; *salarisplafond* ‘потолок зарплаты, максимальная зарплата’; *vadercentrum* ‘центр для молодых отцов’ и т.д.

В 80-е гг. прошлого столетия в Нидерландах приобрел популярность неологизм *kraken* ‘сквоттинг/заселение в пустующее здание’, который позже охарактеризовал целое общественное движение *kraakbeweging* ‘движение сквоттеров’. Вопрос жилищного обеспечения в королевстве в то время стоял особенно остро, вместе с тем многие дома и даже кварталы пустовали. *Krakers* ‘сквоттеры’ не только занимали нежилые помещения, но также устраивали в них некоммерческие столовые, организовывали своеобразные общественные клубы, в которых проводили лекции, беседы, показы фильмов для всех желающих. Сейчас сквоттинг является в Нидерландах нелегальным, однако, многие *krakerpanden* ‘сквоты’, образованные в 80-90-е гг. XX в. функционируют до сих пор.

В рамках проведенного исследования были выявлены неологизмы, отражающие изменения в **миграционной политике** (17.4% неологизмов) Нидерландов. Королевство иногда называют «гуманитарной гаванью», т.к. как показывает история, границы государства были открыты для тех, кто нуждался в политической защите [Besamusca, 2010]. Несмотря на то, что, начиная с 70-х гг. правительство страны приняло курс на ограничительную миграционную политику, в Нидерландах реализуется ряд мер, направленных на интеграцию этнических меньшинств, способствующих более активному участию этих групп в жизни общества. Подобные тенденции не могли не отразиться в нидерландском языке: *inburgeringscursus* ‘интеграционный курс для иммигрантов (Нидерланды были первой европейской страной, которая внедрила обязательные курсы ассимиляции для иммигрантов в 1996 г.)’; *naturalisatiedienst* ‘служба натурализации’; *nieuwe Nederlanders* ‘новые

нидерландцы, иммигранты, получившие разрешение на проживание»; *culturele diversiteit* ‘культурное многообразие’. В этих неологизмах просматривается цель миграционной политики Нидерландов – интеграция мигрантов при сохранении их культурных особенностей.

Наряду с положительными изменениями в иммиграционной политике государства, в настоящее время просматриваются и очевидные негативные тенденции по отношению к мигрантам: *terugkeerbeleid* ‘служба репатриации, осуществляющая мониторинг за возвращением мигрантов, не получивших разрешение на проживание, на родину»; *allochtoon* ‘приезжий»; *fortuynisten* ‘сторонники Пима Фортёйна, разделяющие жесткие антиисламские взгляды’. Подтверждением данной тенденции является единица *moslimmoeheid* ‘усталость от мусульман’, которая была выбрана в Голландии кандидатом в «слова года» 2005.

Изменения также произошли в ЛСП *«работа»* (4.4% неологизмов) в нидерландском языке. Возникновение на рынке труда новых специальностей и профессий обусловлено развитием общества и изменением потребностей людей: *bezorgtraiteur* ‘доставщик готовых блюд на дом»; *overgangscounselente* ‘консультант для женщин среднего возраста»; *dierenagent* ‘агент по защите животных’ (Нидерланды являются первой страной в мире, в парламенте которой есть политическая партия защиты животных *Partij voor de Dieren* ‘букв., Партия за Животных’); *informatie-architect* ‘информационный архитектор, человек, помогающий клиентам более успешно находить и обрабатывать нужную им информацию’. Неономинии некоторых профессий имеют явную эмоциональную окраску, как, например, единица *boerenkoolpsycholoog* ‘некомпетентный психолог/психолог-любитель’, состоящая из элементов *boerenkool* ‘зеленая капуста’ и *psycholoog* ‘психолог’. *Boerenkool* ‘зеленая капуста’ является обязательным компонентом многих национальных блюд голландской кухни. В последнее десятилетие помимо своего основного значения слово приобрело негативный оттенок в

нидерландском языке: *boerenkoolvoetbal* ‘неинтересный футбольный матч’; *boerenkoolslijpen* (букв. ‘рубить капусту’) ‘беспорядок’.

Неологизмы ЛСП «работа» также свидетельствуют об изменениях в условиях работы, отношении к работе в нидерландском обществе. В последние десятилетия человек при необходимости легче изменяет место работы, профессию, место жительства или образ жизни в целом: *jobmobiliteit* ‘трудова́я мобильность’; *grensarbeider* ‘человек, который живет в одной стране и ездит на работу в другую страну’ (частый прецедент в силу небольшой территории Нидерландов и близости соседних Бельгии и Германии); *flexwerker* ‘человек, работающий по временному контракту’; *uitzendwerker* ‘временный работник’; *carrierepauze nemen* ‘сделать перерыв в карьере’.

2. Компьютерные технологии и Интернет

По очевидным причинам данная понятийная сфера также насыщена неологизмами. Большая часть единиц нидерландского языка, относящихся к данной сфере, являются заимствованиями из английского языка (31%). Это объясняется тем, что исторически практически вся компьютерная лексика связана с англоязычными странами: ученые Пенсильванского университета США в 1946 г. первыми в мире изобрели компьютер, получивший название ЭНИАК. Позже ведущая роль США в разработке информационных технологий позволила укрепить позиции английского языка в качестве коммуникативного стандарта в Интернет-общении, которое объединяет представителей самых различных наций и культур.

И. Зеннер, профессор Левенского католического университета, Бельгия, выявила следующие способы заимствования компьютерной лексики в нидерландский язык:

1) калька (полное заимствование, при котором слово заимствуется целиком со своим написанием и значением): *computer* ‘компьютер’; *weblog* ‘интернет блог’. В ряде случаев калька со временем заменяется в языке

переводным эквивалентом, как например, вместо единицы *monitor* ‘монитор’ в нидерландском языке используется в настоящее время слово *beeldscherm* в том же значении.

2) полукалька (ассимиляция с сохранением экзогенного, заимствованного словообразовательного элемента): *internet* ‘Интернет’ (в нидерландском языке заглавная буква заменена на строчную); *e-mailen* ‘отправлять письмо по электронной почте’ (использован глагольный суффикс *en* нидерландского языка);

3) перевод: *muis* ‘мышка’; *sociaal netwerk* ‘социальная сеть’ [Zenner, 2011].

Однако компьютерная лексика нидерландского языка не лишена национального своеобразия. Так, символ электронной почты @, который в английском языке получил официальное название *at* (букв. ‘у’, в русском языке принят термин ‘собака’), в нидерландском языке вызвал ассоциацию *apenstaartje* ‘обезьяний хвостик’, который в настоящее время используется в Нидерландах повсеместно. Возможно, это связано с тем, что символ *aap* ‘обезьяна’ является довольно популярным образом в нидерландских поговорках: *al draagt een aap een gouden ring, het is en blijft een lelijk ding* ‘если на обезьяну надеть золотое кольцо, она все равно останется уродливой’; *zich een aap lachen* ‘букв. смеяться как обезьяна / смеяться до упаду’ и др.

Символ «#», который позволяет объединить сообщения по темам в Твиттере и других микроблогах, в английском языке называется *hashtag* ‘хэштег’, в отличие от нидерландского языка, где тот же самый символ получил название *wafeltje* ‘вафелька’.

Префикс *e-* английского языка, получивший статус «слова 1998 года», который можно обнаружить в таких словах, как *e-commerce* ‘интернет-коммерция’, *e-business* ‘сетевой бизнес’, часто заменяется в неологизмах нидерландского языка префиксом *i-*, как например, в слове *i-business* ‘сетевой

бизнес’, вследствие того, что данный элемент соотносится с единицей *internet* ‘Интернет’, а также является фонетическим омонимом английского префикса *e-*.

Другая единица компьютерной лексики, специфичная для нидерландского языка – *puntnl* ‘нидерландская интернет-компания’ (*punt* ‘точка’ *nl* ‘акроним от названия страны Нидерланды’) появилась в языке в 1999 г., когда за Нидерландами была закреплена доменная зона в Интернете и нидерландские компании получили возможность предоставлять услуги онлайн.

3. Экономика

Анализ фактического материала показал, что данная понятийная сфера занимает третье место по количеству неологизмов. Выявленные ЛСП в рамках данной понятийной сферы представлены в Таблице 6:

Таблица 6

ЛСП с наибольшим количеством неологизмов в понятийной сфере

«ЭКОНОМИКА»

Понятийная сфера	ЛСП
Экономика (19% неологизмов)	1) финансовый кризис (8.5%)
	2) инновации в сельском хозяйстве (6.3%)
	3) Европейский Союз (4.2%)

Несмотря на то, что голландская экономика является одной из самых устойчивых в Европе, недавний **финансовый кризис** (8.5% неологизмов в ЛСП) нашел свое отражение в нидерландском языке: *roenpakker* ‘человек, работающий только ради наживы/прибыли’; *hypotheekziekte* ‘человек, который не может оплатить ипотеку’; *graaibonus* ‘большой процент на кредит’; *graaicultuur* ‘культура наживы’. Более того, единица нидерландского языка *bankendominio* ‘серия банкротств банков’ была объявлена словом года в 2008. Однако проанализированный фактический материал показал, что в нидерландском языке намного меньше языковых новообразований,

выражающих экономический кризис, чем в английском. Некоторые из них являются заимствованиями из английского языка и описывают сложную экономическую ситуацию в других странах, как например, *grexit* (англ./нидерл. 'потенциальный выход Греции из Европейского Союза').

Часть неологизмов нидерландского языка выражают **инновации в сельском хозяйстве** (6.3%): *agroproductiepark* 'агропромышленный парк, в котором предприятия перерабатывают отходы производства с целью вторичного использования'; *extensiveringszone* 'зона, в которой запрещено строить животноводческие и птицеводческие фермы'; *melkrobot Lely* 'роботизированная доительная система голландской марки Лели, основанная на технологии естественного доения'. Не случайно Голландия довольно длительное время считалась аграрным государством. Вследствие того, что основной отраслью королевства было высокоразвитое сельское хозяйство, и многие европейские страны импортировали продукцию страны, Нидерланды часто называли "огородом Европы" [Schama, 1988]. В настоящее время здесь также получают высокие урожаи сельскохозяйственных культур и занимаются разведением новых пород высокопродуктивного молочного скота. Так, во всем мире известна голландская порода коров *Dutch Friesian*, которая является своеобразным символом Нидерландов, чёрно-белые коровы изображены на многих голландских сувенирах.

Нидерланды, как одни из основателей **Европейского союза / ЕС** (4.2% неологизмов в ЛСП), во многом способствовали европейской интеграции. Голландцы и в настоящее время считаются еврофилами, что подтверждается рядом неологизмов: *europagezind* 'европейские единомышленники'; *europaaniseren* 'европеизироваться'; *eurofiel* 'еврофил'. В данном ЛСП по объективным причинам достаточно продуктивным является формант *-euro* 'евро'. Ввиду недавнего экономического кризиса и протестов в Европе, в нидерландском языке также возникли слова, выражающие скептические взгляды голландцев на ЕС: *euroseptisch* 'евроскептический'; *euromisbruik*

‘злоупотребление евро’. Данная тенденция подтверждается уже тем фактом, что на референдуме, посвященном Европейской Конституции, в 2005 г. больше половины нидерландцев проголосовали против её принятия. Таким образом, Нидерланды стали второй страной, отказавшейся от проекта единой конституции ЕС (после Франции) [European Constitution: Post-referendum survey in France, 2005].

Термин *poldermodel* ‘польдерная модель’ стал популярным неологизмом в общелитературном языке после экономических успехов Нидерландов в 90-х гг. XX в. В сфере экономики и менеджмента данная модель противопоставляется иерархической и предполагает коллективное принятие решений на основе общего согласия между работниками, работодателями и государством. Согласно К. Уайту и Л. Бауке, «польдерная модель имеет глубокие корни в истории Нидерландов, где провинциям страны и общественным группам всегда приходилось договариваться между собой в борьбе с общим врагом – морем» [White, 2010].

4. Окружающая среда и экология

Проанализированный фактический материал показал, что насыщенность неологизмами понятийной сферы «окружающая среда и экология» в нидерландском языке составила 11%, в то время как в английском – 6%, что позволило выделить данную сферу в отдельную тематическую категорию исследования. Выявленные ЛСП в рамках данной понятийной сферы представлены в Таблице 7:

Таблица 7

ЛСП с наибольшим количеством неологизмов в понятийной сфере

«окружающая среда и экология»

Понятийная сфера	ЛСП
Окружающая среда и экология (11% неологизмов)	1) борьба с наводнениями (0.7%)
	2) мероприятия по улучшению состояния окружающей среды (10.3%)

Отношение голландцев к окружающей среде проявляется в таких неологизмах, как *boomarts* (от *boom* ‘дерево’ *arts* ‘врач’) ‘специалист по лечению деревьев / дендролог’; *bomenstichting* ‘организация по защите деревьев’. Действительно, бюджет каждой провинции Нидерландов предусматривает расходы на уход за деревьями. Все деревья страны в городской черте занесены в реестр, пронумерованы и находятся под постоянным контролем, а их состояние регулярно проверяется специальной экологической службой.

Велосипеды, как экологически чистый транспорт, являются самым популярным средством передвижения в Голландии. По подсчетам автора книги «Письма из Нидерландов» в стране 18 млн. велосипедов и построено 10 тыс. км. велосипедных дорожек [Bramson, 2002]. Не случайно, именно с велосипедами связано большое количество неологизмов в нидерландском языке: *fietsnelweg* ‘велосипедная магистраль без светофоров и автомобилей’; *fietspolitie* ‘полиция на велосипедах’; *bakfiets* ‘грузовой велосипед’; *fietsnietje* ‘велопарковка’; *fietsfile* ‘велосипедная пробка’; *elektrische fiets* ‘электрический велосипед’; *fietsersbond* ‘велосипедный союз / организация, защищающая интересы велосипедистов’ и т.д.

Борьба с наводнениями (0.7% неологизмов в ЛСП) на территории королевства началась с момента освоения человеком этих земель. «Около 70 % территории страны при отсутствии береговых укреплений было бы затоплено» [Donaldson, 1983, с. 127]. Учитывая масштаб проблемы, правительство Нидерландов создало специальный департамент по защите от наводнений *Waterschap*. Работы по осушению земель, строительству дамб, польдеров, шлюзов, плотин продолжают до сих пор, что ежегодно порождает неологизмы: *maeslantkering* ‘барьер Маслант, штормовой барьер’; *Deltawerken* ‘проект Дельта, система защиты от наводнений’; *watertoets* ‘оценка воды в целях предотвращения наводнений’.

Проанализированный фактический материал показал, что в нидерландском языке за последние три десятилетия также появились неологизмы, отражающие результаты мер или мероприятий, направленных на улучшение состояния окружающей среды (10.3% неологизмов): *kilometerbelasting* ‘налог за километр пробега автомобиля’; *groene stroom* ‘экологическое электричество’; *hybride auto* ‘гибридный автомобиль’; *aardgasauto* ‘автомобиль на природном газе’; *vergroenen* ‘озеленение’; *afvalenergiebedrijf* ‘предприятие, занимающееся утилизацией отходов’; *bioboerderij* ‘биологическая ферма’; *schonegrondverklaring* ‘документ, удостоверяющий, что земля, продаваемая вами, является экологически чистой и не содержит вредных химикатов’.

При концептуальном анализе неологизмов наряду со способностью новых слов разных языков различным образом категоризировать культурное пространство, был выявлен еще один маркер несовпадения двух исследуемых языков, который также свидетельствует о наличии лингвокультурного компонента в семантике новых слов. Выборка показала, что некоторые новообразования английского и нидерландского языков являются эвфемизмами по своему значению и сфере употребления. Хотя часть эвфемизируемых явлений в данных языках совпадает, наблюдаются отличия в качестве и количестве эвфемизмов, их стилистической окраске.

Как утверждает В. И. Заботкина, «эвфемистические единицы основаны на непрямых, вежливых, смягчающих словах или словосочетаниях и обусловлены рядом прагматических причин (вежливость, деликатность, щепетильность, благопристойность, стремление завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности)» [Заботкина, 1989, с. 112]. В зарубежной лингвистике даются похожие определения эвфемизмов. Согласно оксфордскому словарю английского языка, «*euphemism is a word or phrase used to avoid saying an unpleasant or offensive word*» [ODE, 2010, с. 428] («эвфемизм – это слово или словосочетание, используемое во избежание

употребления неприятного или обидного слова'). В толковом словаре литературного нидерландского языка Van Dale эвфемизм определяется как «*opzettelijk verzachtende of verhullende woorden of uitdrukkingen*» [GWNT, 2005, с. 344] ('намеренное использование слова или фразы с целью сокрыть или смягчить смысл высказывания'). Во всех трех определениях подчеркиваются прагматические принципы вежливости, которые обуславливают употребление данной группы лексических единиц. Появление эвфемизмов связано с явлением языкового табу, которое В.Б. Кашкин определяет, как «запрет на употребление определенных слов, вызванный в основном социально-политическими, культурными и эмоциональными факторами: этикетом, цензурой, степенью тактичности говорящего и т.д.» [Кашкин, 2005]. При этом целью табу является не само понятие, а слова его именующие.

В корпусе неологизмов, отобранных в рамках исследования, было выявлено 22% эвфемизмов в английском языке и 7% эвфемизмов в нидерландском языке соответственно. Возникновение эвфемизмов зачастую вызвано стремлением носителя языка к «политической корректности», поиске новых языковых средств выражения взамен тех, которые могут ущемлять чувства и достоинство человека.

Столь заметная разница в количестве эвфемизмов в двух исследуемых языках обусловлена, на наш взгляд, экстралингвистическими факторами. Само явление «политической корректности» зародилось и получило мощное развитие именно в мире английского языка, когда более 30 лет назад афроамериканцы начали борьбу за свои гражданские права в США и потребовали дерасилизации (*deracilization*) английского языка. Так, единица *negro* 'негр', имеющая расистские коннотации, была заменена на единицу *coloured* 'цветной', затем на *black* 'черный', и, наконец, на *Afro-American* 'афроамериканец'.

Языковым отражением феминистских движений стали замены единиц английского языка, содержащих морфемы, указывающие на половую принадлежность, на слова, определяющие человека безотносительно к полу: *chairman* ‘председатель’ (и другие слова с морфемой *-man*, обозначающей ‘мужчина, человек’) – *chairperson* ‘председатель’ (мужчина или женщина); *stewardess* ‘стюардесса’ – *flight attendant* ‘бортпроводник’.

По мнению ряда голландских лингвистов (Я. Марле [Marle, 2001], В. Мейс [Meys, 1980], Ф. Звартс [Zwarts, 2005] и др.), нидерландский язык менее насыщен эвфемизмами, а явление политической корректности не получило в нем столь широкое развитие, как, скажем, в английском языке. Данная тенденция, а также исторические факты породили культурные стереотипы о прямолинейности и грубости голландцев в представлении представителей других народов [Sijts, 2009].

Например, в нидерландском языке отсутствует эвфемизм ‘афроамериканец’, вместо него используется единица *zwart* ‘черный’ или *neger* ‘негр’, которая является стилистически нейтральной. Интересна семантика глагола *negeren* ‘игнорировать, не признавать’, который имеет общую морфему со словом *neger* ‘негр’. Единица *zwart* ‘черный’ присутствует даже в названии широко известного рождественского героя *Zwarte Piet* ‘Чёрный Пит’, который, согласно легендам Нидерландов и Фландрии, является экзотическим слугой и помощником Санта-Клауса и доставляет подарки хорошим детям. Актёр, изображающий Пита, всегда по традиции красит лицо в чёрный цвет и надевает курчавый парик. Но в последние годы все больше голландцев считают образ черного Пита расистским и предлагают исключить этого традиционного персонажа из рождественского праздника.

Если в английском языке термины, обозначающие гомосексуализм, имеют несколько эвфемистических вариантов, как, например, *gay* ‘гей’; *same gender oriented* ‘букв., ориентированный на свой пол/ гомосексуалист’; *queer*

‘человек, нетрадиционной ориентации’, в общелитературном нидерландском языке используется всего одна единица *homo* ‘букв. гомо / гомосексуалист’ (морфема обозначает ‘одинаковый, однородный’).

В последние десятилетия в английском языке также появились эвфемизмы для обозначения умственно отсталых детей – *retarded children*; *children with learning disabilities* ‘дети с нарушенной способностью к обучению’; *differently-abled children* ‘дети с иными возможностями’. Голландское слово *gekkenhuis* дважды подверглось процессу эвфемизации: *gekkenhuis* ‘сумасшедший дом’ < *psychiatrische inrichting* ‘психиатрическое учреждение’ < *sanatorium voor zenuwlijders* ‘нервно-психиатрический санаторий’. Тем не менее, в данном языке все еще функционируют единицы *idiot* ‘идиот’, *debiel* ‘слабоумный’, которые помимо своего основного значения имеют отрицательный оттенок и зачастую выступают в качестве оскорблений. Однако коннотация данных слов является менее негативной, чем, скажем, в английском языке; они могут быть использованы в обращении родителей к своим детям, если последние ведут себя плохо.

Мы полагаем, что «политическая корректность» английского языка также обусловлена коммерческими мотивами, в рамках которых человек рассматривается как потенциальный клиент. Примером такой «коммерческой корректности» (термин С.Г. Тер-Минасовой) в английском языке является разделение пассажиров разных видов транспорта на *first class* ‘пассажиры первого класса’; *economy class* ‘эконом-класс’; или *standard class* ‘стандартный класс’. Второй класс, как правило, отсутствует, т.к. клиенту может не понравиться быть человеком второго класса, сорта [Тер-Минасова, 2000]. В Нидерландах данное деление намного проще, основной пассажирский железнодорожный перевозчик Нидерландов *Nederlandse Spoorwegen* предлагает услуги для пассажиров *eerste klas* ‘первого класса’ и *tweede klasse* ‘второго класса’.

За последнее десятилетие в английском и нидерландском языках в результате процессов эвфемизации изменились названия некоторых профессий, потенциально принижающих достоинство человека: англ. *dustman* – *refuse collector* / *sanitation engineer* ‘мусорщик /букв. санитарный инженер’; *secretary* ‘секретарь’ – *personal assistant* ‘личный помощник’; нидерл. *dienstmeisje* ‘служанка’ – *hulp in de huishouding* ‘горничная’; *werkster* ‘уборщик’ – *interieurverzorgster* ‘букв. уход за интерьером’ и т.д.

Однако, как показал проанализированный фактический материал, в нидерландской лингвокультуре нет столь выраженного характера усиления «политической корректности». Нидерландский лингвист, специалист в области социолингвистики Т. А. ван Дейк объясняет этот факт тем, что «голландцы ценят прямолинейность и откровенность в то время как американцы руководствуются в первую очередь соображениями вежливости и поэтому прибегают к иносказаниям и уклончивым оборотам [Dijk, 2008, с. 49].

Наличие большего количества эвфемизмов в корпусе новых слов английского и нидерландского языков свидетельствует об интенсивности процесса эвфемизации и формировании новых общественных установок в соответствующих социумах. Как было показано выше, многие современные эвфемизмы возникают в результате распространения новых социально-политических идеологий (как, например, в случае с феноменом «политической корректности»). С другой стороны появление эвфемизмов является определенным результатом развития речевой культуры. Логичной представляется мысль В.П. Москвина о том, что нижние социальные слои общества, говорящие на просторечье и жаргоне, практически не используют средства эвфемизации, поскольку они отвергают лексические и тематические запреты [Москвин, 2010].

На наш взгляд, исследуя эвфемизмы, можно сделать вывод об особенностях национального менталитета и выявить явления,

стигматизированные в данной культуре, в том числе и различия в системе табу, представления о приличном и неприличном, характерные для различных языковых культур.

Проанализированный фактический материал предоставляет возможность установить, что за последние три десятилетия набор основных понятий, с помощью которых человек воспринимает окружающую его реальность, («алфавит человеческой мысли» в терминах Декарта и Паскаля) не изменился кардинально. Однако некоторые из этих понятий расширились или изменились, как, например, понятие времени и пространства. На материале неологизмов, характеризующих образ и стиль жизни члена англоязычного социума, можно проследить тенденцию к «сжатию», компрессии времени параллельно категории пространства.

Анализ фактического материала позволяет нам сделать вывод о том, что знание и понимание социокультурного компонента неологизмов, появившихся в общелитературном языке за последние три десятилетия чрезвычайно важно для изучающих иностранные языки, а также для участников межкультурной коммуникации.

2.4 Лексикография нового слова. Лингвокультурный аспект

Как известно, словари предоставляют необходимый набор слов для общения и понимания, способствуют стандартизации языка, повышают правильность, выразительность речи его пользователей. Немаловажна роль словарей в духовной культуре, т.к. они позволяют человеку кратчайшим образом приобщиться к знаниям, накопленным данным обществом в определённую эпоху.

Параллельно с развитием лингвострановедения, теории межкультурной коммуникации, теории и методики преподавания иностранных языков, когда

особую актуальность приобретает изучение ценностно-смысловых аспектов субъективной и объективной культуры, социокультурных портретов стран, норм поведения, культурной идентичности и ментальности отдельных народов, возникают новые лексикографические жанры, в том числе жанр лингвокультурологического словаря. Данный тип словарей ставит своей целью описание культурологического компонента информации словарной единицы, а также лексикографическое отражение указанных областей знания, которое можно использовать в практике обучения иностранным языкам [Колесникова, 2000; Бурлакова 2010].

Проблема насыщенности лексикографического корпуса культурологической информацией актуальна для многих типов словарей. Как утверждает О. М. Карпова, с одной стороны, словарь должен отражать более или менее формальные языковые модели, предназначенные исключительно для приобретения знаний, а с другой – социальные представления (*images sociales*), всегда неоднозначные, преимущественно интуитивные, порожденные прагматическими целями и базирующиеся на системе социально-культурных ценностей [Карпова, 2001].

При составлении словарей для общих целей описание культурологической информации, передаваемой словом, также необходимо, как стандартизация лексики общелитературного языка, т.к. понимание социокультурных коннотаций слова, наличие общего языкового и культурного кода способствуют эффективной межкультурной коммуникации и правильной интерпретации текста на иностранном языке.

Объект описания в лингвокультурологическом словаре составляют языковые единицы, выражающие национальные, культурно значимые реалии. В данном типе словарей лингвистические сведения об языковых единицах сочетаются с культурной информацией о соответствующих реалиях, регистрируются образы, представления, вербально ассоциативные связи, существующие в сознании носителя языка [Карпова, 2005].

Лингвокультурологический словарь посредством описания культурологической полифонии языка позволяет изучающему иностранный язык преодолеть возможные социокультурные барьеры. По словам А.Д. Райхштейна, отражая культурный компонент лексической единицы, словарь особым образом моделирует межкультурное пространство определенного общества, что способствует развитию поликультурной личности [Райхштейн, 2007].

При составлении любого словаря лексикографы учитывают три основных аспекта: соотношение синхронии и диахронии; языка и речи; лингвистической и внелингвистической информации [Тогоева, 2000 б, с. 12]. Мы считаем, что в этом случае необходимо также учитывать соотношение словарного состава языка и динамики языковых изменений, появление новых смыслов и слов.

Жанр лингвокультурологического словаря является достаточно новым направлением в лексикографии, вследствие чего существует ряд вопросов, относительно которых до сих пор нет единого мнения лингвистов. О.Л. Петрушова выделяет четыре группы проблем, связанных с отражением в словаре лексических единиц с национально-культурным компонентом: «проблема культурных составляющих, подлежащих включению в словарь; параметры описания культурно-маркированных лексических единиц; проблема подбора верных эквивалентов; проблема имен собственных» [Петрушова, 2009, с. 17].

В качестве примеров двуязычных словарей, предоставляющих энциклопедические и культурологические сведения, можно привести лингвострановедческий словарь «Жизнь и культура США» [Леонтович, 2000]; Нидерланды: опыт лингвострановедческого словаря [Братусь, 2009]; англоязычный словарь Longman Dictionary of English Language and Culture [LDELС, 1993] и др.

Живой язык постоянно меняется, новые реалии и слова сменяют старые. Однако словари далеко не всегда фиксируют неологизмы или же не предоставляют экстралингвистическую справку относительно новых языковых единиц, что создает определенные трудности в иноязычной коммуникации. В условиях неологического бума современности, словари литературного языка не могут мобильно отвечать на любые изменения в составе языка и фиксировать все новые лексические единицы. Так, из проанализированного нами корпуса неологизмов нидерландского языка, появившихся за последние 10 лет, всего 0,125% зафиксировано в онлайн версии ведущего толкового литературного словаря нидерландского языка [Van Dale, <http://www.vandale.nl/>]. Однако поисковый запрос в системе Google (Гугл) по некоторым из неологизмов последнего десятилетия выявил, что эти единицы имеют большое количество цитирований в интернете: нидерл. *stayokay* ‘тип молодежного общежития по названию одного из хостелов’ (5530000 результатов поиска); *Jip-en-Janneketaal* ‘язык Йип и Яннеке’ (89600 результатов поиска); *smart smijten* ‘автомобильный вандализм’ (6720 результатов поиска).

В английском языке мы обнаружили, что всего 2% от общего числа неологизмов последнего десятилетия отражено в онлайн версии словаря Oxford English Dictionary [Oxford Dictionaries, <http://www.oxforddictionaries.com/>]. Проведя аналогичный поиск в системе Google (Гугл), мы выявили частоту цитирования в интернете некоторых из этих неологизмов, отсутствующих в словаре: англ. *cinematherapy* ‘кинотерапия’ (272 млн. результатов поиска); *headline risk* ‘риск получить отрицательную огласку’ (45500 результатов поиска); *parallel parenting* ‘форма выполнения родительских обязанностей разведенной пары, когда каждый из родителей получает конкретные обязанности при минимальном контакте друг с другом’ (12900 результатов поиска).

Результаты поиска указывают на то, насколько общеупотребительной является та или иная неологическая единица. Однако факт отсутствия данных единиц в авторитетных толковых словарях оставляет их пока за рамками общелитературного языка.

Введение нового слова в словари общей лексики говорит о важности этой лексической единицы в словарном фонде языка. В.И. Заботкина выделяет следующие критерии регистрации неологизма в общелитературном словаре: «1) большое количество регистраций; 2) разнообразие источников и жанров; 3) независимость номинации (возможность реализации слова без речевых поддержек); 4) способность новой единицы порождать разнообразные словообразовательные дериваты» [Заботкина, 1999, с. 5]. Неологизмы, включенные в словари литературного языка, как правило, не выделяются специальными пометами, а оказываются в составе общего словника вместе с другими лексическими группами, составляющими как активный, так и в пассивный состав языка.

Составители словаря ODE отслеживают новые слова в специальном корпусе английского языка Oxford English Corpus, в котором собраны и постоянно пополняются тексты из всех возможных источников: книг, журналов, газет, блогов, сайтов а также интернет чатов и электронных писем [ODE, 2010]. Если неологизм существует в языке не менее трех лет, а также зарегистрирован в разных типах текстов в данном корпусе, лексикографы ODE решают, можно ли его включить в следующий печатный выпуск словаря или ближайшее обновление его онлайн версии. Столь жесткий критерий относительно «возраста» неологизма – три года, исключает возможность включения в словарь слов-однодневок или различных видов окказионализмов. Однако, по мнению Е.А. Ждановой, подобный критерий неоднозначен, т.к. даже учитывая время появления неологизма, нельзя с определенностью сказать, закрепится ли он в языке или исчезнет [Жданова, 2012, с. 388].

Количество регистраций рассмотренных нами неологических единиц не вызывает сомнения. Очевидна необходимость выработки оптимальных универсальных критериев регистрации неологизмов в лексикографических источниках, что способствовало бы стандартизации словарей национального языка, а значит, сделало бы словари более удобными в пользовании.

Вопросы развития и изменения языка напрямую связаны с проблемой языковой нормы, поэтому фиксация неологических единиц в словарях имеет важную практическую ценность. Неологизмы, не попавшие в словники словарей, ненормированы и вариативны в написании или произношении, что негативно сказывается, например, на издательско-редакционной деятельности, а, в конечном счете, и на культуре речи пользователя языка [Маринова, 2006]. Примерами орфографической вариативности в исследуемых языках являются следующие неологизмы: англ. *micro-volunteerism* или *microvolunteerism* ‘онлайн волонтерство’; *Globish* или *globish* ‘глобальный английский (от *global* и *English*)’; нидерл. *Maxima-effect* и *Maxima effect* ‘явление быстрой ассимиляции в иностранном обществе, названное в честь королевы Нидерландов Максимы, родившейся и выросшей в Аргентине и за короткое время освоившей нидерландский язык’.

История появления словарей неологизмов восходит к началу XIX в. Так, первым лексикографическим собранием неологизмов был французский словарь новой лексики под редакцией Л.С. Мерсье «*Neologie, ou vocabulaire des mots nouveaux*» (Неологизмы или словарь новых слов), изданный в Париже уже в 1801 г. В XX в. был опубликован целый ряд подобных словарей для разных языков, что определило их место среди словарей других типов [Юмшанова, 2004].

Современные неографические издания английского и нидерландского языка представлены тремя типами:

1. Ежегодные словари, как например, словари нидерландского языка *De Taal van het Jaar* (букв. ‘язык года’) отдельных лет [DTVJ, 2001; 2003; 2004].

В подобные словари входят все единицы, отличающиеся своей новизной, появившиеся совсем недавно в речи, и зафиксированные в тексте – в СМИ или записанные в устной речи. Единицы словарей данного типа включают слова, не зарегистрированные ни в каких других лексикографических источниках.

2. Словари-серии: англ. Oxford Dictionary of New Words [ODNW, 1999]; нидерл. словарь Tien Jaar Nieuwe Woorden [TJNW, 2009] (букв. ‘новые слова десятилетия’). Это, так называемые, словари-десятилетники, в которые входят не только что появившиеся слова, а, как заметила Т.В. Попова, единицы, «воспроизводимые в потоке речи» в течение более длительного времени [Попова, 2005, с. 52]. Материал для лексикографического издания данного типа относится к конкретному десятилетнему периоду.

Данные типы словарей неологизмов характеризуют разные этапы узуализации новых лексических единиц: слова, впервые обнаруженные в употреблении и находящиеся на границе окказионального и узуального, фиксируются в словарях-ежегодниках, а слова, проявившие активность в употреблении в течение продолжительного времени – в словарях-сериях.

3. Словари-справочники, представлены диахроническими словарями, охватывающими несколько десятилетий. Так, например, в словаре Р.К. Барнхарта Dictionary of New English собраны лексические единицы, возникшие в английском языке в 60-е – 90-е гг. прошлого столетия [TBDNE, 1990]. В нидерландском языке примером словаря-справочника может служить словарь М. де Костера Woordenboek van neologismen, в котором рассмотрены новообразования языка за 25-летний период [WVN, 1999].

Однако лексикографические источники всегда немного отстают от реального языка, что неудивительно, т.к. язык и, в первую очередь, лексический пласт языка постоянно изменяется. Как утверждает Ю. Н. Караулов, «словарь выступает в роли быстроногого Ахиллеса, который не может догнать черепаху» [Козырев, 2004, с. 47]. Частично данную проблему

решают онлайн версии словарей. Подобные словари являются, на наш взгляд, более эффективными, они быстрее и чаще обновляются, чем словари бумажного типа.

Ряд интернет-сервисов регулярно фиксируют появление каждого нового слова в языке. Онлайн служба словаря ODE раз в полугодие публикует список новых слов английского языка, включенных в словарь. В нидерландском языке аналогичная служба словаря Van Dale фиксирует появление неологизмов нидерландского языка раз в год и предоставляет пользователям онлайн словаря осуществлять поиск по новым словам с пояснением значения, источника и контекстуальными примерами.

Кроме того, в конце каждого года филологи проводят специальный конкурс «слово года», голосуя за главное слово, как правило, неологизм, способное отразить наиболее важную реалию уходящего года. Данный конкурс был впервые учрежден в США Американским Диалектологическим Обществом, а затем приобрел популярность в Германии, Нидерландах, Японии, России и т.д.

Вслед за В.А. Козыревым и В.Д. Черняк, мы считаем, что в словах «отражаются меняющиеся приметы эпохи» [Козырев, 2004, с. 246]. Так, изучая поколения «слов года», можно сделать вывод о тенденциях развития национального общества, элементах картины мира данного языкового коллектива.

В США «словами года» были выбраны: в 1990 г. – *bushlips*, ‘губы Буша (старшего)’, в значении “неискреннее обещание политика”. В 1991 – словосочетание *mother of all* ‘мать всего’, от ‘матерь всех сражений’, изреченное Саддамом Хусейном. В 1998 г. «словом года» стал всего лишь один префикс *e-* ‘э’ (от слова “электронный”, как например, в словах *e-mail* ‘эмейл’ или *e-commerce* ‘интернет-бизнес’). А, например, главным словом 2012 г. в США признано слово *hashtag* ‘хэштег’, которым в твиттер-среде обозначают слово, объединяющее отдельные сообщения по определенной

теме. Популярность данного слова является признаком того, что в последнее время социальные медиа прочно закрепились в жизни американского общества [Lee, 1997; Abrams, 2013].

В Нидерландах конкурс «слово года» проводится языковой лабораторией Куна Губельса. В этом конкурсе, аналогичном американскому, филологи, лексикографы, этимологи и другие специалисты по нидерландскому языку выбирают слово, которое отличается своей временной новизной, популярностью и является значимым для общества. Так, «словом года» нидерландского языка 2003 г. была названа единица *googelen* ‘гуглить’ или ‘осуществлять поиск в системе Гугл’. Победителем в конкурсе 2012 г. стало слово *religiestress*, букв. ‘религиозный стресс’ (‘конфликт, возникающий при столкновении светского общества с традиционными религиозными практиками’) [Oostdijk, 2000; Baalen, 2005; Grezel, 2013].

Как мы видим, проблема лексикографической фиксации новой лексики находится в центре внимания лингвистов. Но, несмотря на достижения в этой области, остаётся открытым вопрос об отражении прагматических особенностей функционирования неологизмов, а также культурно-специфической информации в словарных статьях новых слов.

Необходимость создания лингвокультурологического словаря неологизмов или же словаря новых слов, обязательным компонентом которого будет лингвокультурологический комментарий, обусловлена тем, что большинство новых слов формируется под влиянием экстралингвистических факторов, незнание которых препятствует пониманию контекста, в котором данное новое слово функционирует. Кроме того подобный словарь позволил бы более отчетливо проанализировать активные в тот или иной период времени языковые процессы или тенденции в обществе.

Лингвокультурологический комментарий новых слов в словаре обеспечил бы понимание языковой единицы, а также восполнил недостаток

фоновых знаний у представителя иной культуры. В рамках исследования мы провели опрос ста респондентов, носителей нидерландского языка, и выявили, что только 10% из них смогли правильно интерпретировать значения ряда английских неологизмов и объяснить их культурную составляющую (см. приложение 4).

Так, например, фиксируя неологизм английского языка *oprahization* в словаре, недостаточно предоставить толкование / эквивалент русского языка ‘тенденция публично признаваться в чем-либо, которая стала популярна благодаря телевизионному шоу Опры Уинфри’. Необходимо также добавить экстралингвистический комментарий относительно того, что данное шоу выходило на экраны американского телевидения в течение двадцати пяти лет, и вошло в список «50 величайших шоу в американской истории», а его ведущая Опра Уинфри отличалась своей прямолинейностью и искренностью от ведущих других ток-шоу. Аналогично, включая в словарь семантический неологизм нидерландского языка *kamerbreed* ‘поддержанный большинством голосов нижней палаты парламента’, необходимо также указать, что нижняя палата в королевстве – *tweede kamer* – принимает законопроекты, поэтому выражение ‘поддержанный большинством голосов нижней палаты парламента’, означает, что законопроект был принят и направлен на утверждение в *eerste kamer* ‘верхнюю палату парламента’ / Сенат.

Социокультурная коннотация новых слов имеет изменчивый и подвижный характер. Вследствие развития технологий и усиления процессов глобализации, неологизм может быть заимствован другими языками и потерять статус культурно-маркированной единицы. М.А. Тульнова, различает ингерентную коннотацию слова, которая является частью его семантической структуры, с одной стороны, и адгерентную коннотацию, т.е. социокультурную окраску, которую языковая единица приобретает в определенном социолингвистическом контексте [Тульнова, 1994, с. 126].

Таким образом, лингвокультурологический комментарий в словаре неологизмов может быть двух видов:

1. Лингвострановедческий (т.е. раскрывающий национальные, культурные особенности восприятия экстралингвистического факта): англ. *marmalade dropper* ‘шокирующие газетные новости’ – данный неологизм связан с традицией британцев есть *marmalade* ‘цитрусовый джем’ на завтрак и одновременно читать газеты, новость в газете может быть настолько поразительной, что *drop* ‘капля’ варенья попадает на одежду; нидерл. *zeilmeisje* ‘девушка- мореплательница’ – образование данного неологизма связано с рекордом голландской яхтсменки, Лауры Деккер, которая в возрасте 16 лет совершила одиночное кругосветное путешествие.

2. Контекстуально-ориентированный (т.е. указывающий на социокультурную окраску, которое приобретает слово, попадая в контекст, насыщенный лингвокультурологической информацией): англ. *Roker, an unlikely long-distance runner, put the marathon on his bucket list* ‘Рокер, которому не удавался бег на длинные дистанции, включил победу в марафоне в список того, что нужно обязательно достичь при жизни’, в данном контексте неологизм *bucket list* относится к фразеологизму английского языка *kick the bucket* ‘умереть’ и означает ‘список тех вещей, которые нужно сделать перед тем, как умереть’; нидерл. *gezellige avond met een kopje soep van soepgroenten* ‘уютный вечер с тарелочкой овощного супа’ – в русской культуре, например, мы не ассоциируем *soep van soepgroenten* ‘овощной суп’ со словом *gezellig* ‘уютный’, а также едим суп не из *kopje* ‘чашек’, а из тарелок. Попадая в такой специфический контекст, неологизм *soep van soepgroenten* становится социокультурно окрашенным.

Лингвокультурологический словарь новых слов может быть двуязычным. В таком случае подобный словарь будет ориентирован на представителя иной культуры с целью передать в комментарии к переводному эквиваленту минимум культурной информации, которым

необходимо владеть, чтобы правильно воспринимать и использовать новообразования чужого языка. Неологизмы в качестве заглавных слов двуязычного словаря могут сопровождаться

- переводом: англ. *quarter life crisis* ‘кризис четверти жизни’, нидерл. *helpersyndroom* ‘синдром спасателя’;

- приблизительным эквивалентом: англ. *catch and release* (от *catch* ‘поймать’ и *release* ‘отпустить’) ‘бесплатный шопинг’, нидерл. *standbeeld* (от *stand* ‘стоящий’ и *beeld* ‘изображение’) ‘бесчувственный человек’;

- описанием, если культурный эквивалент в языке перевода отсутствует: *gerrymandering* ‘изменение границ избирательных округов с целью обеспечения результатов выборов, угодных данной политической партии’, нидерл. *repaircafé* ‘социальное кафе, где собираются волонтеры и ремонтируют дефектные устройства’.

Лингвокультурологический словарь неологизмов может также быть толковым, т.е. объяснять значение новых лексических единиц того или иного языка средствами этого же языка. Конфликт культур возможен не только при столкновении с элементами иностранной культуры, но и в рамках одной культуры, когда социальные изменения, отраженные в языке, достигают такой степени, при которой возникают трудности адекватного выбора и употребления у носителей этого языка. Помимо лингвокультурологического комментария подобный словарь может предоставлять дополнительную систему помет к словарным статьям, состоящую из указания на часть речи, происхождение слова, частотность и сферу его употребления, а также контекстуального примера.

Для успешного декодирования информации, содержащейся в новых словах, участники коммуникации должны обладать определенными фоновыми знаниями. Ю.Н. Антюфеева выделила четыре условия, способствующих правильному пониманию новообразований в тексте / речи:

- 1) узнавание и понимание словообразовательных моделей и элементов,

составляющих новообразование; 2) умение носителя языка / изучающего иностранный язык соотнести значение неологизма с своим внутренним представлением на базе собственного тезауруса; 3) наличие общих фоновых знаний у порождающего текст/речь и интерпретатора; 4) наличие соответствующего микро- или макро-контекста [Антюфеева, 2004]. Как показало наше исследование, для успешного понимания неологических единиц необходимо также знание реалий той культуры, которая породила данные новообразования.

На наш взгляд, создание лингвокультурологических словарей неологизмов, предоставляющих пользователю экстралингвистическую справку и контекстуальные примеры из источников разных типов по каждой зарегистрированной в них единице, весьма перспективно и имеет большую практическую ценность. Подобные словари можно использовать в исследовательской деятельности, переводческой и дидактической практике, межкультурной коммуникации, а неологизмы, впервые отраженные в таких словарях и рассмотренные в лингвокультурном освещении, имеют больше шансов попасть в толковые словари общелитературного языка.

ВЫВОДЫ

Во второй главе диссертационной работы мы изучили различные подходы к определению понятия неологизм в отечественной и зарубежной лингвистике; представили общую типологию новой лексики; установили ключевые понятийные сферы, в которых происходит сосредоточение неологизмов, а также рассмотрели возможности лексикографической фиксации нового слова и отражения культурно-специфической информации в словарных статьях новых слов.

В проведенном исследовании мы опираемся на лингвокультурологический подход в неологии и относим к неологизмам

лексические единицы, новые не только по форме или содержанию в некоторый фиксированный момент времени, но и имеющие новую социокультурную референцию и функционирующие в востребованных данным социумом понятийных сферах.

В основу типологии языковых новообразований, представленной в данном исследовании, были положены такие признаки, как способ вхождения форма языковой единицы в язык, принадлежность речи – языку, продолжительность существования, происхождение и сфера употребления.

Проанализированные понятийные сферы, в которых мы выявили большое количество новых слов, выражают категории культуры, характерные для конкретного временного отрезка и языковой общности. Так, мы установили, что в английском и нидерландском языках наиболее неологичными выступают социальная сфера, сфера информационных технологий и экономики. Однако семантическая наполненность неологизмов в этих сферах, а, следовательно, категоризация культурного пространства в сравниваемой паре языков отличается.

Социальное явление «политической корректности и толерантности» также является фактором порождения новых слов. Однако корпус неологизмов нидерландского языка менее насыщен эвфемизмами, по сравнению с английским, что связано с особенностями голландской культуры и менталитета.

Проведенное исследование позволило заключить, что словари общелитературного языка не могут мобильно отвечать на изменения в словарном составе языка и фиксировать неологизмы. Так, фактический материал показал, что в толковых словарях нидерландского языка зафиксировано всего 0,125% новых слов, в толковых словарях английского языка – 2%.

ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НОВОЙ ЛЕКСИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

3.1. Экстралингвистические факторы появления неологизмов в нидерландском и английском языках

Объективные реалии рубежа веков свидетельствуют о наступлении эпохи глобализации. Все области и сферы жизни современного человека пронизаны принципом интегрирования и единения, заложенном в этом термине. Безусловно, глобальному универсальному социуму необходим единый международный язык для независимого функционирования. В настоящий момент английский серьезно укрепил свои позиции в качестве языка межнационального общения. Данная ситуация не могла не повлиять на развитие национальных языков. Многие исследователи выражают озабоченность по поводу исчезновения языков малых народов, засилья англоамериканизмов, размывания литературной нормы, ухудшения качества владения родным языком и целого ряда других явлений. Таким образом, в языковом плане глобализация выполняет не только роль экстралингвистического фактора, но также влияет на существование языков, приводит к повсеместному использованию единого глобального языка и дифференциации языковых функций.

Как утверждает Н.Л. Шамне, на рубеже веков наблюдаются два парадоксально противоположных процесса – глобализация и национальная идентификация. Вследствие глобализации образ жизни в разных странах приходит к некоему единообразию, создается новая элита, оторванная от национальной почвы, космополитичная по взглядам и стилю жизни, свободно владеющая английским языком. Проблема национальной идентичности сопряжена с возрастающей тенденцией сохранить

национальную самобытность, укрепить традиционное национальное самосознание [Шамне, 2013, с. 67]. Обозначенные явления находят отражение в социальной и культурно-языковой ситуации современных Нидерландов. Эта страна является одной из самых многонациональных в Европе. Согласно данным Организации Экономического Сотрудничества и Развития на декабрь 2013 г., в Нидерландах проживают голландцы (80,7%), немцы (2,4%), турки (2,2 %), марокканцы (2 %), индийцы (1,5 %); выходцы из бывших колоний королевства: индонезийцы (2,4 %), суринамцы (2,0 %), антилианцы и арубанцы (0,8 %); а также другие этнические группы (6 %). В плане сохранения национальной идентичности озабоченность властей и части населения вызывает не только масштаб влияния глобализации на голландский язык и культуру, но также и сложившаяся языковая ситуация. Например, в Амстердаме среди детского населения 55% составляют дети из семей иммигрантов, которые в качестве первого языка усваивают не голландский язык, а язык своих родителей. В Роттердаме, втором по количеству жителей городе в Нидерландах после столицы, число детей-иммигрантов также больше 50% [International Migration Outlook, <http://www.oecd.org/els/mig/imo2013.htm>].

Как отмечает ряд отечественных и зарубежных лингвистов (С.И. Карцевский [Карцевский, 2004], Н.Л. Шамне [Шамне, 2013], Х. Шац [Schatz, 1989]), в результате притока иммигрантов формируется особое арго, характеризующееся особенностями произношения, выбором языкового регистра, значительным количеством заимствований из языка той страны, где проживает данная категория эмигрантов. Так, в Голландии выделяют турецкий (ТН), марокканский (МН) варианты нидерландского языка. Представители иной культуры используют слова своего языка с целью сэкономить усилия в процессе коммуникации и не подыскивать эквивалент для выражения чужой для них реалии: нидерл. *gevaarlijk spul* – МН *gataarlijk spul* 'опасные вещи'; нидерл. *een topic* – ТН *bir topic* 'одна тема'; частое

использование поэтического языка в МН и ТН: *je bent nog mooier dan mijn remra* (МН), *gezien vanaf de sta* (МН), *bij het krieken van de sba* (МН) ‘ты красивее, чем мой двор, который виден с высоты крыши в лучах рассветного солнца’. Как известно, восточным народам, а в данном контекстуальном примере марокканцам, свойственна повышенная эмоциональность и языковое ее проявление [Backus, 1993].

В сложившейся языковой ситуации исследователи все чаще говорят об экологии языка. Вслед за Н.Л. Шамне мы определяем эколингвистику как «новое научное направление в исследовании языковой сферы обитания человека и общества, в рамках которого выявляются законы, принципы и правила, общие как для экологии, так и для развития языка» [Шамне, 2011б, с. 143]. Э. Хауген, с именем которого связывают зарождение эколингвистики, определил ее суть в своем докладе «Экология языка» в 1970 г. как «изучение взаимодействия любого данного языка с его окружением» [Haugen, 1972, с. 325]. Согласно Хаугену, основная идея эколингвистики заключается в том, что язык напрямую зависит от взаимодействия людей и окружающей среды, в которой они проживают.

По мнению эколингвистов, язык в его историческом развитии приходит в соответствие с окружающей средой так же, как и виды животных и растений достигают равновесия со своим окружением, занимая соответствующую экологическую нишу. Нидерландский язык, как и другие языки, демонстрирует тесную связь природы, человека и социума. Так, например, Нидерланды известны своей промозглой, дождливой погодой, что не могло не найти отражения в языке. Характерно, что в нидерландском языке можно найти больше терминов, определяющих погоду, а именно дождь и облачность, чем в английском. Например, ряд следующих терминов характеризует явление «дождь» в нидерландском языке: *regen* (англ. *rain*) ‘дождь’, *motregen* (англ. *drizzle*) ‘морось’, *hagelbuien* (англ. *hailstorm*) ‘град’, *onweersbuien* (англ. *thunderstorm*) ‘гроза’, *bui* (англ. *showers*) ‘буря’, *hozen*

(англ. *rain heavily*) ‘сильный дождь’, *miezeren* (англ. *drizzle*) ‘морось’, *plenzen* (англ. *rain heavily*) ‘сильный дождь’, *vochtig* (англ. *damp*) ‘влажный’, *nat* (англ. *wet*) ‘сырой’ etc.

Таким образом, предметом эколлингвистики является социокультурное и коммуникативное пространство языка, а сам язык исследуется системно в качестве неотъемлемого компонента цепочки взаимоотношений между природой, обществом и человеком. В этом проявляется тесная связь эколлингвистики и лингвокультурологии: оба научных направления рассматривают языковые единицы не в изоляции, а в их взаимодействии с естественной и культурной средой.

Соглашаясь с мнением С.В. Ионовой, подчеркнем, что нарастающий экологический кризис обусловил формирование эколлингвистической научной парадигмы: философия природоохраны пришла в противоречие с господствующим антропоцентрическим мировоззрением, экологическая этика, направленная на регулирование многих видов человеческой деятельности с новых позиций, повлияла на изменение общественных ценностей. [Ионова, 2010]. Как мы указывали выше, сфера экологии занимает передовые позиции по количеству неологизмов в английском и нидерландском языках, что свидетельствует об общей экологизации жизни человека в этих социумах и формировании новых общественных приоритетов.

Для того чтобы определить место эколлингвистики в ряду смежных с ней дисциплин, необходимо выделить существующие лингвистические гипотезы, описывающие возможные взаимоотношения языка и окружающей среды:

- 1) язык существует как инструмент познания в «социальном вакууме» (Н. Хомский) [Chomsky, 2006];
- 2) язык формируется средой, в которой он функционирует (когнитивная лингвистика);

3) язык формирует среду (структурализм, постструктурализм);

4) язык взаимодействует со средой, он формирует среду и формируется сам под её влиянием (эколингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика) [Muhlhausler, 2003].

В зарубежной науке в рамках эколингвистики выделяют такие направления, как собственно экологическая лингвистика, в котором термины, идеи и принципы экологии экстраполируются на язык (труды П. Финке [Finke, 2014], П. Мюльхойслера [Muhlhausler, 2003], А. Пенникука [Pennycook, 2004], А. Хаугена [Haugen, 1972]) и экология языка / языков, целью которого является исследование взаимодействия между языками, а также вопрос сохранения языкового многообразия (труды Й. Кр. Банга [Bang, 2007], А. Филла [Fill, 2001], К. Крамш [Kramsch, 2008])

В ряде работ отечественных лингвистов затрагиваются проблемы, связанные с лингвоэкомышлением, практикой человеческого познания, направленной на формирование нравственных качеств человека (В.С. Полянский [Полянский, 1999] и др.); лингвоэкокультурой, практикой совершенствования речевого общения человека в условиях глобализации (Л.И. Скворцов [Скворцов, 2009], Р.Г Яновский [Яновский, 1999] и др.); лингвоэкологическим образованием, практикой внедрения лучших новаторских идей по всем аспектам речетворческого развития в педагогический процесс; эмотивной лингвоэкологии, в рамках которой изучается влияние эмоций на сохранение или разрушение языка и здоровья человека, а также разрабатывается эмотивная коммуникативная компетенция (В.И. Шаховский [Шаховский, 2011]).

К кругу проблем, которыми занимаются эколингвисты, относится вопрос исчезновения языков, а также уменьшение лингвистического разнообразия в мире. Эколингвисты исходят из постулата, что каждый язык выступает хранителем культурного исторического опыта. Сохранение, описание, фиксация особенностей каждого языка для исторической памяти

человечества, вне зависимости от количества его носителей – вот только некоторые аспекты миссии эколоингвистов. Так, С. Вурм, анализируя в своих трудах вопрос о причинах гибели языков, сравнивает экологические катастрофы в природе с исчезновением неконкурентоспособных языков [Ярцева, 1993]. По данным Д. Кристала, автора книги «Смерть языков», на Земле каждые две недели умирает язык, поэтому можно говорить не только о Красной Книге флоры и фауны, но и о Красной Книге языков и связанных с ними культур, находящихся под угрозой исчезновения [Crystal, 2002].

Другая проблема эколоингвистики связана с культурой речи, правильным выбором языкового регистра, риторикой и включает изучение нарушений правильности, выразительности устной и письменной речи, а также приемлемости таких явлений, как языковая норма, политкорректность и т. п. Пристального внимания эколоингвистов требует также процесс заимствования из одного языка в другой, в том числе возможного сопутствующего засорения языка-реципиента и искажения языка-донора в условиях современного глобального информационного общества. Результаты исследований в этой области анализируются в трудах Е.Ю. Ильиновой [Ильинова, 2010], Е.Н. Сердобинцевой [Сердобинцева, 2008], А.П. Сквородникова [Сквородников, 1996]. В данном случае задачей эколоингвистов является ослабление отрицательных тенденций в использовании языка, предотвращение его вульгаризации. В настоящее время изменения норм затрагивает также язык СМИ, который, например, в британской культуре исконно считался лингвистически авторитетным; известно, что этика дикторов службы BBC предписывала им всегда иметь под рукой словарь произношения Д. Джонса. С.Г. Тер-Минасова приводит высказывание британского лингвиста Р. Картера из его лекции «The Changing English Language 2000-2010» («Меняющийся Английский Язык» 2000-2010): «То, что сейчас говорится на британском телевидении, 20 лет назад вызвало бы немедленное увольнение всей редакции, 10 лет назад – поток

возмущенных откликов зрителей, а сейчас не вызывает никакой реакции» [Тер-Минасова, 2008, с. 331]. Однако, если с одной стороны, публицистическая речь, письменная и устная, должна быть строго литературной и регламентированной, особенно в отношении ее информативной функции, с другой – она не может ограничиваться исключительно литературной нормой в силу своей экспрессивной, воздействующей функции.

В настоящее время лингвисты-экологи стремятся сохранить не только здоровье языка, но и здоровье его пользователей, исследуя эмоциональные смыслы, которые человек транслирует с помощью системы языковых средств. В этой связи выделяется коммуникативно-экологическая функция языка, которая условно распадается на собственно экологическую (охрана здоровья языка) и коммуникативную (охрана здоровья коммуникативной личности от разрушительного воздействия языка) [Солодовникова, 2009; 2012].

В рамках эколингвистики произошло нивелирование оппозиции «человек естественный» / «человек культурный», концептуально изменилось понятие антропоцентризм, которое в предыдущие этапы развития науки подчеркивало дистанцирование, отграничение человека от природы, что проявлялось, в том числе, в языковой номинации явлений объективного мира с точки зрения их полезности или неполезности для человека [Белозерова, 2011].

Подобные тенденции во многом обусловили переход к исследованию языка и культуры в качестве живых систем, экосистем. С точки зрения эколингвистики, эти два явления действительности, как и все живые системы, проходят все стадии развития от рождения до смерти, то есть они могут зарождаться, развиваться, изменяться под воздействием определенных факторов, расцветать или исчезать. Не случайно в языкознании используются термины «живой язык», т.е. язык, принадлежащий конкретной этнической

группе, который систематически и постоянно используется данной группой в коммуникации и изменяется в процессе употребления; и «мертвый язык», т.е. язык, вышедший из употребления и не имеющий носителей [Мусорин, 2003]. Вследствие того, что язык непосредственно связан с определенной культурой, одновременно с «мертвым языком» исчезает также и культура, которой он принадлежит.

В то же время эколингвистика не является частью языкового пуризма, возникшего в XIX в. в ответ на массовую экспансию иноязычной лексики и направленного на «очищение» литературного языка от любых чужеродных элементов. В. Нейяри отмечает, что в нидерландском языке прошлого столетия усилия пуристов не увенчались успехом, т.к. слова, которыми они предлагали заменить заимствованные единицы, не были достаточно лаконичными или имели слишком абстрактное значение и поэтому не прижились в языке. В качестве примера лингвист указывает англицизм *bulkcarrier* и его не совсем удачный нидерландский эквивалент *vrachtschip voor shortgoed* ‘транспортное средство для бестарных грузов’ или англицизм *airbag* ‘воздушная подушка безопасности’ и единицу нидерландского языка *botsballon* (от нидерл. *botsen* ‘столкновение’ и *ballon* ‘воздушный шар’) [Nejjari, с. 258].

Исследования в области неологии соответствуют, на наш взгляд, эколингвистической научной парадигме. Прежде всего, они основаны на представлении языка как экосистемы, способной изменяться – порождать новые слова, изменять значение старых слов, саморегулироваться – «отсеивать» языковые единицы, переводить слова, не получившие распространение, в пассивный состав.

Комплексное изучение взаимодействия человека и окружающей среды возможно при обобщении и классификации знания на основе теоретических положений экологии. Как утверждает М.И. Солнышкина, логической и методологической базой построения теории экологии должна выступить

диалектика взаимоотношений двух фундаментальных многоуровневых подсистем – природы и человеческого общества с учетом их качественно-количественного различия и осознания их неразрывной связи друг с другом [Солнышкина, 2013, с. 183]. Эколингвистический подход предполагает исследование взаимосвязи трех многоуровневых подсистем – природы, человеческого общества и человеческого языка.

В отечественной и зарубежной науке неологизмы не становились ранее объектом изучения с позиции эколингвистики. Мы полагаем, что в рамках эколингвистического подхода в неологии необходимо анализировать факторы, влияющие на экосистему языка и под воздействием которых возникают неологизмы, сферы функционирования неологизмов в языке, а также определять тип новых слов и количество заимствований в корпусе неологизмов. Решение данных задач позволит выявить нездоровые явления и тенденции в языке, избежать возможного засорения языка неологизмами-заимствованиями, его вульгаризации.

Методом эколингвистического подхода в неологии может стать эколингвистический мониторинг, под которым мы вслед за Н.Л. Шамне понимаем специально организованную и постоянно или длительное время действующую систему сбора и анализа экстралингвистической и собственно лингвистической информации, проведение дополнительных информационно-аналитических обследований (опросы населения) и оценки (диагностики) состояния и тенденций развития языка [Шамне, 2010, с. 154]. Анализ полученных результатов позволит сформулировать необходимые мероприятия по сохранению / восстановлению эколингвистического баланса языка.

В процессе создания новых слов участвуют, главным образом, когнитивные и прагматические факторы. В.И. Заботкина в своей статье «Когнитивно-прагматический подход к неологии» подчеркивает ведущую роль последних и приводит в пример постулаты классической риторики,

связанные с причинами создания новых тропов, каждая из которых является прагматической по своей природе:

- потребность в номинации новых предметов и явлений,
- стремление носителя языка к экспрессии,
- стремление к красоте.

Таким образом, В.И. Заботкина говорит о необходимости, эмфазе и красоте как об основных прагматических мотивах, лежащих в основе порождения новых слов [Заботкина, 1999].

В процессе анализа новых слов, появившихся в английском и нидерландском языках за последние три десятилетия, мы определили основные экстралингвистические факторы, мотивировавшие их появление в указанных языках:

1. Возникновение новых реалий в жизни человека, нуждающихся в номинации

Рассуждая о новых явлениях, с которыми сталкивается человек, М.А. Кронгауз приводит в качестве примера интервью Шейлы Уотт-Клутье, председателя Эскимосской Полярной Конференции агентству Reuters. Изменение климата, а именно глобальное потепление, привело к миграции представителей флоры и фауны, изначально обитавших в тайге, в соседние полярные области земного шара, где проживают эскимосы и другие северные народы. В местных языках нет аналогов для номинации всех типов животных, характерных для более южных климатических поясов. Например, в саамских языках существует приблизительно 1200 слов для обозначения северного оленя, которых эти народы различают по возрасту, полу, окрасу, форме и размеру рогов, однако, всего одна языковая единица для номинации лося. Местные охотники встречают новых для них животных, однако, затрудняются дать им название и объяснить, что они видят в природе. Как заявляет М.А. Кронгауз, объективная реальность северных и других народов изменяется, а значит должен модифицироваться и сам язык. Если язык не

фиксирует изменения, происходящие во внешнем мире, то он не может быть использован для общения и освоения действительности. «Мы не сможем говорить на нем об этом мире просто потому, что у нас не хватит слов. И не так уж важно, идет ли речь о новых видах животных, технологиях или новых политических и экономических реалиях» [Кронгауз, 2008, с. 4].

В английском и нидерландском языках за последние три десятилетия появилось множество новых слов, отражающих инновации или новые явления общественной жизни. В английском языке подобным примером может служить единица *civic / citizen journalism* 'гражданская журналистика', которая получила признание и широкое распространение с развитием Интернета и новых цифровых технологий. Гражданская журналистика предполагает, что человек, не являющийся по профессии журналистом, может заснять на свое мобильное устройство сенсационную или любопытную новость и выложить видео в сеть Интернет. Зачастую информация, собранная гражданскими журналистами является более объективной и может противоречить официальной версии, предложенной в СМИ. В нидерландском языке в 2013 г. появился неологизм *ik-opat testament* 'наследование внукам' в связи с частым прецедентом, когда голландцы завещают свое состояние внукам, а не детям, для того чтобы избежать налога на наследство [www.vandale.nl/nieuwewoorden/2013].

Анализируя процесс взаимодействия языка как системы знаков и среды его функционирования, можно прийти к выводу, что язык служит не только для обозначения предметов и явлений окружающего мира, именованию вещей и событий. Похожим образом звучит идея В.Б. Кашкина о том, что действие первично по отношению к слову: человек живет в мире и для организации своих действий изобретает слова [Кашкин, 2012].

2. Научно-технический прогресс

Данный экстралингвистический фактор также напрямую связан с возникновением новых реалий в жизни человека. Однако его отличие от

фактора, указанного нами выше, заключается в том, что многие слова, порожденные научно-техническим прогрессом, возникают в языке в качестве терминов и не всегда становятся частью общелитературного языка.

Н.И. Кузнецова отмечает в своих исследованиях тенденцию к терминологизации литературного языка. Многие слова, относящиеся к сфере научных технологий, образованы посредством метонимического или метафорического переноса: *memory* 'память, среда хранения данных в компьютере'; *virus* 'компьютерный вирус'; *the device reads data* 'устройство считывает информацию' [Кузнецова, 2006, с. 97].

С.И. Виноградов выделил в качестве языковых примет научно-технического прогресса возрастание роли языка науки, лавинообразный количественный рост терминологической лексики, широкое освоение терминов литературным языком [Виноградов, 1986]. Своеобразный "терминологический взрыв", произошедший с развитием науки в ряде языков мира, также представляет собой динамичный языковой процесс современности. Достаточно сказать, что технический лексикон английского языка по подсчетам лексикографов словаря ODE на 2012 г. насчитывает 500 тыс. терминов [Mair, 2009]. П. Пейяк в своей книге «A million words and counting» ('Миллион слов и статистика') приводит пять возможных сценариев развития английского языка в будущем. Один из таких сюжетов довольно фантастичен и повествует о компьютерных фанатах, которые захватывают мир и изменяют английский язык до такой степени, что он становится непонятным обывателям, плохо знакомым с компьютерными технологиями. Тенденции к таким изменениям автор книги отмечает уже в современном английском. Многие неологизмы компьютерной сферы образованы не только с помощью 26 имеющихся букв английского алфавита, но также посредством цифр, пунктуации, сокращений: *n00b* 'новичок в компьютерных играх', *101* 'основы, введение'; *Web 2.0* 'Веб 2.0'; *ИМНО* 'ИМХО (по моему скромного мнению)' и т.п. [Payack, 2008, с. 189].

Лингвисты, исследующие национальные языки (С.И. Виноградов [Виноградов, 1986; 1996], М.А. Кронгауз [Кронгауз, 2008], Х. Шмид [Schmid, 2008], П. Штекауер [Štekauer, 2002] и др.), высказывают опасения по поводу активного использования англицизмов для номинации новых технологий. Данную тенденцию можно продемонстрировать и на материале настоящего исследования: в проанализированном корпусе неологизмов нидерландского языка, нами было выявлено 33% новых слов, которые относятся к сфере «компьютерные технологии и интернет», где 31% языковых единиц составили заимствования из английского языка. В качестве иллюстраций неологизмов, возникших в результате научно-технического прогресса можно привести англ. *nanotech industry* ‘наноиндустрия’; нидерл. *e-mailen* ‘отправлять по электронной почте’.

3. Глобализация и расширение круга носителей языка

Глобализация, начавшаяся во второй половине XX века, вызвана резким изменением геополитической и социокультурной ситуации в мире, созданием Евросоюза, возросшей миграцией, выходом США на авансцену мировой политики и экономики, развитием Интернета и других технологий. Функции языка международного общения выполняет в настоящее время английский язык. Межкультурные связи, культурный плюрализм привели к появлению большого количества новых слов, в основном иноязычной, заимствованной лексики в национальных языках. В Нидерландах, где более 80% населения владеет английским языком, англицизмы проникли практически во все сферы жизни: *air-conditioner* ‘кондиционер воздуха’ (техника); *aerobics* ‘аэробика’ (спорт); *all-rounder* ‘разносторонний человек’ (бытовая лексика); *blue jeans* ‘джинсы синего цвета’ (одежда); *bottom-up* ‘коллегиальный’ (политика) и т.д. [Gorlach, 2001]

Последствием глобализации для английского языка стало увеличение числа его «пользователей» (термин Д. Кристала), что повлекло за собой изменение языковой нормы и пополнение словарного состава. По данным

статистики на 2010 г. количество людей, для которых английский является родным языком, составляет более чем 350 млн. чел, а людей, владеющих английским как иностранным – 1,5 млрд. чел (4,5 раз больше, чем урожденных носителей языка) [Crystal, 2002]. Вследствие того, что английским языком пользуются самые разные народы, они часто изменяют его нормы в соответствии со своим менталитетом и создают свои варианты этого языка, отсюда термины *Spanglish* ‘испанский английский’, *Chinglish* ‘китайский английский’, *Frenglish* ‘французский английский’. «С глобализацией и быстрым развитием информационных технологий во всем мире резко возрос спрос на английский язык. Это привело к еще большей диверсификации как в тех контекстах и ситуациях, в которых он изучается и используется, так и в структуре самого языка» [Тер-Минасова, 2008, с. 326].

Dunglish ‘нидерландский английский’, а именно типичные ошибки, которые голландцы допускают в своей речи на английском языке, находятся в центре внимания лингвистов, журналистов и блогеров в Нидерландах. К подобным ошибкам относятся неверное произношение английских слов: *d* [d] вместо звонкого зубного щелевого согласного звука *th* [ð], как например, в слове *this* ‘этот’; оглушение конечной согласной в таких словах, как *bed* ‘кровать’, *food* ‘еда’; использование слов в неправильных значениях: *slim* (от нидерл. *slim* ‘стройный’) вместо англ. *smart* ‘умный’; неверный порядок слов: *what mean you?* (от нидерл. *wat bedoel je?*) вместо англ. *what do you mean?* ‘что ты имеешь в виду?’; неправильное написание слов: *meetingpoint* (от нидерл. *ontmoetingspunt*) вместо англ. *meeting point* ‘место встречи’. Нидерландский английский часто становится предметом шуток: *May I thank your cock for the lovely dinner?* ‘букв. Могу ли я поблагодарить Вашего петуха за прекрасный ужин?’ В данном предложении носитель нидерландского языка неосознанно путает нидерл. *kok* и англ. *cook* ‘повар’, в то время как в английском слово *cock* означает ‘петух’. Другим примером может послужить частая ошибка голландцев *I am an undertaker* ‘букв. я работаю гробовщиком’, в котором они

дословно переводят на английский язык нидерл. *ondernemer* ‘предприниматель’ как *undertaker* ‘гробовщик’ вместо англ. *entrepreneur* [Rijkens, 2010].

Т. Янг и П. Серкомбе отмечают тенденцию к возникновению в английском языке неологизмов-заимствований из арабского языка. Однако зачастую подобные новации закрепляются в языке в значениях противоположных значениям исходных слов, как например, *jihad* в английском языке обозначает ‘священную войну’, а в арабском – ‘борьбу с духовными, социальными пороками’; *fatwa* в английском – ‘смертный приговор’, в то время как в арабском – ‘решение по какому-либо вопросу, выносимое муфтием’ [Young, 2010].

Страной, насчитывающей наибольшее количество изучающих английский язык, а также где английский используется в большинстве случаев на переговорах с иностранцами, является Китай. Как сообщают исследователи, учитывая тот факт, что в настоящее время 300 млн. китайцев изучают английский язык, нельзя отрицать влияние китайского языка на английский [Qiang, 2003]. В английском языке за последнее десятилетие появился ряд неологизмов-заимствований из китайского: *chengguan* ‘муниципальная полиция’; *taikonaut* ‘тайконавт / космонавт, работающий по космической программе Китая’; *dama* ‘богатая женщина средних лет’; *tuhao* ‘бескультурные богачи’ и др.

4. Развитие Интернета и рост диалогичности общения

Интернет является одним из факторов глобализации. Освоение людьми его возможностей сегодня оказывает воздействие на самые разные области жизнедеятельности человека. В Интернете интернациональное преобладает над национальным, в этом глобальном информационном пространстве стираются различия между национальными культурами, менталитетами, идеологиями. Всемирная паутина укрепила позиции английского в качестве единого языка международного общения, что не может не вызывать

озабоченность. Доступность информации в интернете оборачивается угрозой распространения и навязывания мировому сообществу ценностей и культуры, экономических и политических взглядов англоязычных стран: «Интернет является убийцей культур в той же степени, что и английский – убийцей языков» [Crystal, 2006, с. 58].

Интернет характерен интерактивностью, открытостью, демократичностью, выражающейся в том, что каждый индивидуум может свободно выразить свою точку зрения или отношение к происходящему. Доступность подобного самовыражения приводит к увеличению количества участников массовой коммуникации: новые социальные группы имеют возможность выступать в роли ораторов, писать тексты в онлайн журналах, блогах. Другими словами, человек, представляющий собой объект для СМИ, является одновременно и субъектом и объектом в виртуальном пространстве [Ахренова, 2013]. Тенденция к увеличению личностного начала в речи, отсутствие внутренней цензуры проявляется в появлении неологизмов в языке. Они возникают в качестве окказионализмов, авторами которых выступают пользователи Интернета, однако, вследствие массового употребления, они легко узнаваемы и вскоре переходят в разряд повседневной лексики: англ. *fyi (for your information)* ‘для вашего сведения’, *dunno (don't know)* ‘не знаю’, *newbie* ‘новичок’, нидерл. *ieg (in elk geval)* ‘в любом случае’, *moettie (moet hij)* ‘он должен’, *zo'n* ‘такой’ и т.д. Некоторые из таких неологизмов уже включены лексикографами в толковые словари и, следовательно, получили признание в качестве единиц общелитературного языка: англ. *selfie* ‘фотография самого себя, размещенная в социальных сетях’ (слово 2013 года по версии словаря ODE); *to google* ‘гуглить’; *bitcoin* ‘цифровая валюта’. Однако большинство новых слов, возникших в онлайн общении, имеют помету *informal* ‘неофициальное / разговорное’ в словарях: англ. *apols (apologies)* ‘извинения’, *me time* ‘личное время’, *digital detox* ‘медиаскетизм / временный отказ от любых цифровых технологий’. Не все

новые слова, появившиеся в виртуальном пространстве, являются окказионализмами, некоторые из них представляют собой семантические неологизмы. Например, единица английского языка *wireless* в 1950-е гг. обозначала 'радио', но с возникновением новой реалии приобрела другой ЛСВ 'беспроводной Интернет'.

Т.Н. Колокольцева указывает на мощный лингвокреативный потенциал, который получает выражение в Интернет-коммуникации. Это приводит не только к появлению отдельных неологических единиц, но и целых «сетевых языков», как например, «олбанский йазыгг» [Колокольцева, 2011].

С развитием Интернета появился некий новый тип коммуникации, который, по мнению М.А. Кронгауза, занимает промежуточную позицию между письменной (визуальной) и устной коммуникацией. С одной стороны, по способу восприятия и некоторым другим характеристикам – это визуальная речь. Кроме того, участники Интернет-коммуникации могут делать длительные паузы, что недопустимо во время устной беседы. Однако, с другой стороны, по структуре используемого языка данная речь является устной [Кронгауз, <http://www.polit.ru/article/2009/03/19/communication/>]. Повышение диалогичности общения в Интернете приводит к обогащению формальных средств письменной речи. Пользователи виртуальной сети используют эмодзи, зачеркивание текста, разного рода пунктуацию, меняют регистр написания букв для передачи эмоций и выделения основной мысли. Язык подобной коммуникации менее нормализован и характеризуется большим количеством аббревиатур, модных слов, мемов, которые получают мгновенную популярность. Наряду с изменением языка появилась тенденция к вариативности написания: англ. *accommodation* и *acommodation* 'жилье'; *wat* и *what* 'что' и т.д. Это объясняется тем, что до распространения Интернета письменная речь становилась частью массовой коммуникации только после ее проверки корректором и редактором, однако,

теперь любой человек вне зависимости от своего образования и рода деятельности может создать текст онлайн и сделать его доступным каждому.

Из всех указанных выше экстралингвистических факторов, влияющих на формирование новых слов, первый фактор, «возникновение новых реалий в жизни человека, нуждающихся в номинации» является наиболее релевантным с позиций лингвокультурологического подхода в неологии. Именно данный фактор порождает наибольшее количество неологизмов, обладающих национально-культурной маркированностью. Новые реалии, нуждающиеся в номинации, могут быть как общими для всего мирового сообщества, так и для отдельного социума: англ. *cubanization* ‘ситуация, когда люди в течение долгого времени пользуются старыми машинами и не покупают новые’; нидерл. *Murks* (от *Marokkaans* ‘Марокканцы’ и *Turks* ‘Турки’) ‘акцент, с которым выходцы из Марокко и Турции говорят по-нидерландски’ и др. Подобные неологизмы фиксируются в языковой памяти народа, т.к. в них отражаются малейшие изменения в общественной жизни данного коллектива.

Остальные экстралингвистические факторы: «научно-технический прогресс», «глобализация и расширение круга носителей языка», «развитие Интернета и рост диалогичности общения» выступают более релевантными для изучения с позиций эколлингвистики. Данные факторы порождают в основном неологизмы, которые являются в национальных языках англицизмами и словами, универсальными для многих культур, как, например, англ. *social network* – нидерл. *sociaal netwerk* ‘социальная сеть’ или англ./ нидерл. *copyright* ‘авторское право’.

В сложившихся условиях задачей эколлингвиста является осуществление мониторинга языковой ситуации в мире, установление баланса между глобальными и национальными языками. Несмотря на негативные стороны глобализационных процессов, их главным влиянием на индивидуума может стать стимул для изучения новых иностранных языков:

«Возможно, английский определит формирование языкового порядка в будущем, но основное его влияние может проявиться в том, что новые поколения людей во всем мире будут знать два или более языков» [Graddol, 2004, с. 1331].

3.2. Интралингвистические факторы появления новых слов в нидерландском и английском языках

Объектом ряда лингвистических дисциплин являются внутренние законы развития языка, т.е. законы, отражающие процесс эволюции языка как общественного явления и системы, элементы которой связаны между собой внутренними взаимоотношениями. По мнению В.А. Звегинцева, данное понятие нередко встречается в филологической литературе, однако не имеет четкого определения из-за отсутствия в языкознании достаточного разграничения категорий «развитие» и «изменение». Термин «развитие» понимается лингвистами двояко: он описывает либо смену состояния языковой единицы (например, развитие суффикса отдельной лексической единицы или появление нового ЛСВ в семантике слова), либо процесс адаптации языка к переменам в общественной жизни и связанным с ними новым потребностям общения [Звегинцев, 2009].

Как сформулировал О. Есперсен, «существуют универсальные законы мышления, которые отражаются в законах языковых изменений», поэтому ряд внутренних законов развития являются универсальными для всех языков: унификация однозначных форм, исключение лексической и грамматической омонимии, избегание избыточности средств выражения и др. [Jespersen, 1925, с. 128]. Данные тенденции реализуются благодаря системности языка и взаимодействию элементов этой системы.

Универсальными факторами развития языка принято считать и две тенденции, диалектические по своей природе и определяющие его эволюцию: кинематическая и статическая. Первая тенденция является стимулом к языковым преобразованиям, а вторая направлена на сохранение устойчивости языка как система, без которой он не мог бы выполнять свои основные функции [Жирмунский, 2012; Lightfoot, 1998]. Таким образом, с одной стороны, язык, подчиняясь требованиям коммуникации, стремится сохранить определённую стабильность, но с другой, будучи системой открытого типа и взаимодействуя с окружающей средой, с познавательной и практической деятельностью человека, он постоянно обогащается и расширяет свои возможности. Ф. де Соссюр также подчеркивал одновременную изменчивость и неизменность языкового знака: «при всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала. Неверность прошлому лишь относительна. Вот почему принцип изменения опирается на принцип непрерывности» [Соссюр, 2011, с. 107]. Качественное изменение языковой системы происходит в том случае, когда кинематическая тенденция приобретает с помощью определённых факторов большую силу и может преодолеть стремление языка к статичности.

Хотя, как мы указывали выше, внешние факторы играют существенную роль в развитии языка на лексическом уровне, далеко не всегда исключительно экстралингвистические причины порождают изменения в словарном составе. Появление неологизмов происходит под влиянием факторов, имеющих не только внешний, но и внутренний характер. Как отметил Б. А. Серебренников, язык, функционируя как инструмент коммуникации, «способен породить импульсы таких изменений, которые сами по себе не являются зависимыми от народа» [Серебренников, 2010, с. 71].

Неологизмы, появление которых вызвано внутренними стимулами, менее заметны по сравнению с языковыми новациями, образованными под

воздействием экстралингвистических факторов, т.к. они не называют новые предметы, а используются для обозначения уже бытующих в жизни человека реалий. В силу этого экспрессия новизны таких языковых единиц не выражена столь отчетливо. По мнению Е.В. Розовой, внутрисистемные преобразования, как правило, не получают должного внимания исследователей вследствие данного обстоятельства, а также недостаточной разработанности общей проблемы внутренних законов языкового развития [Розова, 2003].

Зачастую новации, образованные на лексическом уровне языка, опосредованы одновременно внешними и внутренними стимулами. Согласно С.И. Алаторцевой, экстралингвистические факторы приводят в действие языковой механизм, в рамках которого то или иное явление получает определенное обозначение средствами языковой системы и в соответствии с современными тенденциями в жизни общества. [Алаторцева, 1998, с. 493] Например, тенденция к экономии речевых средств отчасти вызвана ускорением темпов жизни, а рост эмоционально-экспрессивного типа словообразования стимулирован увеличением эмоциональной напряженности в жизни социума. Таким образом, внеязыковые стимулы являются своеобразным внешним оформлением внутриязыковых факторов.

Ряд лингвистов обращаются в своих исследованиях к вопросу об интралингвистических факторах возникновения неологизмов. Т.В. Попова указывает среди внутриязыковых причин, порождающих новые слова, стремление носителя языка к выразительности, экспрессивности, речевой экономии, образование по аналогии [Попова, 2005, с. 9]. И.А. Тропина относит к внутренним факторам пополнения словарного состава языка трансноминацию уже известных явлений, экономию речевых средств выражения, стремление к обобщению, тенденцию к дифференциации, потребность в новой, эмоционально-экспрессивной лексической форме для обозначения бытующих понятий [Тропина, 2007].

Анализ фактического материала, показал, что внутрисистемные новации отличаются не только по своим основным свойствам, но и характеру выполняемых ими функций. Мы выявили следующие интралингвистические факторы, воздействующие на словообразование и являющиеся общими для исследуемых языков:

1. Тенденция к лингвистической экономии

Фундаментальным процессом, влияющим на эволюцию языка, является принцип экономии языковых средств при сохранении разнообразия мыслительного содержания. Данная тенденция универсальна для всех уровней языковой системы, вследствие чего большинство лингвистов рассматривают принцип лингвистической экономии, связанный с производством и восприятием языковых элементов с наименьшей затратой усилий, в качестве ключевого фактора языковых изменений (А. М. Пешковский [Пешковский, 2001], Е. Д. Поливанов [Поливанов, 1991], Р. Ф. Канчо [Cancho, 2002], Н. Хомский [Chomsky, 2005], А. Мартине [Мартине, 2013], К. Вильдер [Wilder, 1997] и др.). Другие исследователи оспаривают значение этой тенденции как внутренней движущей силы эволюции языка [Будагов, 2000; 2004]. Стремление к лингвистической экономии проявляется, прежде всего, в минимизации плана выражения при сохранении плана содержания. Как справедливо заметил Ёльмслев, «язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков» [Ёльмслев, 2006, с. 205]. Особенно наглядно экономию языковых средств можно проанализировать при построении высказывания. Вступая в различные комбинации в зависимости от контекстуальных условий, слова способны образовать уже миллионы уникальных предложений.

Анализируя неологизмы, к лингвистической экономии можно отнести следующие языковые явления:

а) замена словосочетания однословным наименованием / многосоставной конструкции простым словосочетанием: англ. *they are planning to spend their honeymoon in France* – *they are planning to honeymoon in France* ‘они планируют провести медовый отпуск во Франции’; *John goes to school by bus every day* – *John buses to school every day* ‘Каждый день Джон едет в школу на автобусе’; нидерл. *een wedstrijd op de lange baan* – *een langebaanwedstrijd* ‘гонка на длинную дистанцию’, *vragen die veel worden gesteld* – *veelgestelde vragen* ‘часто задаваемые вопросы’;

б) заимствование из другого языка с целью более рационального наименования уже известных реалий: англ. *earworm* (от нем. *Ohrwurm*) ‘навязчивая мелодия’; нидерл. *babysitter* (от англ. вместо нидерл. *oppas*) ‘няня’;

в) использование аббревиатур и сокращений: англ. *ad* (от *advertisement*) ‘объявление’, *dept* (от *department*) ‘отдел’, *ATM* (от *Automatic Teller Machine*) ‘банкомат’, нидерл. *asje* (от *alsjeblieft*) ‘пожалуйста’, *NT2* (от *Nederlands als tweede taal*) ‘нидерландский язык как второй иностранный’, *ТТВ* (от *train, tram, bus*) ‘общественный транспорт’

г) морфологические трансформации: англ. *going to do* – *gonna do* ‘собираться сделать что-либо’, нидерл. *invoer en uitvoer* – *in- en uitvoer* ‘импорт и экспорт’ и др.

2. Стремление к большей выразительности

Человек, использующий язык в качестве средства общения, наделен определенными чувствами, которые он испытывает к обсуждаемым в разговоре вопросам, к своим собеседникам или окружающим его предметам. Эти эмоции не могут не найти отражения в языке. О.В. Латина определяет экспрессивную функцию языка как результат «оценочной, мотивационной и эмотивной деятельности языкового сознания субъектов речи» [Латина, 1991. с.136]. Благодаря экспрессивности лексическая единица способна подчеркнуть особенности определенного объекта или явления на фоне

одноименных с ним объектов и явлений, а также выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего. Стремление пользователя языка к выразительности, образности своей речи, являющееся одним из факторов порождения неологизмов, реализуется с помощью

а) языковой игры, осознанного манипулирования экспрессивными ресурсами речи в целях достижения комического эффекта [Цикушева, 2009; Raskin, 1985]: англ. *haha land* '(перен.) сумасшедший дом', нидерл. *alcoholdocent* 'лектор, который рассказывает о вреде алкоголя';

б) метафорического или метонимического переноса

С точки зрения структурно-семантических характеристик метафоры-неологизмы в обоих исследуемых языках представляют собой новые ЛСВ уже известных языковых единиц: англ. *umbrella* '1) зонт; 2) политическое прикрытие, защита', нидерл. *achtertuint* 'сад позади дома; 2) задворки' и др.

Как отмечает Н.А. Красавский, изменения в семантике слова, которые определяются как его метафоризация, не всегда могут быть понятны и с точностью интерпретированы без учета реметафоризации или обратной метафоризации. Это может быть связано с тем, что переносное употребление слова, ведущее к закреплению у него нового ЛСВ, иногда возникает вследствие «возвращения» слова к его первоначальному (или близкому) значению. В качестве иллюстрации лингвист приводит в пример русское слово *жажда*, переносное значение которого – *сильное желание* – появилось в результате активации более древнего первичного значения данной лексической единицы [Красавский, 2001, с. 121].

в) использования новых эмоционально-оценочных номинаций для уже проименованных объектов: англ. *laid-back* (вместо *relaxed*) 'букв. откинувшийся назад / неторопливый', *burned-out* (вместо *exhausted*) 'букв. сгоревший / изнуренный'; нидерл. *schreeuwende* (вместо *opvallende*) 'букв. кричащий / яркий'.

Проанализированный фактический материал показал, что за последние три десятилетия в английском языке наблюдается объединение тенденций к лингвистической экономии и выразительности, которое проявляется в появлении ряда аббревиатур, выполняющих экспрессивную функцию, как, например: *CHAOS (Chief Has Arrived On Scene)* ‘пришел начальник’ < *chaos* ‘хаос’ – данный акроним, имеющий в качестве прототипа узуальное слово, иронически описывает ситуацию, когда при появлении начальника в офисе работники начинают работать намного активнее; *GASP (Group Against Smoking and Pollution)* ‘группа, которая борется против курения и загрязнения воздуха’ < *gasp* ‘удушье, тяжелое дыхание’ – в данном случае аббревиатура не только является сокращением, но также говорит о печальных последствиях курения и небрежного отношения к окружающей среде. Подобные омонимические аббревиатуры являются одновременно средством номинации, экономии языковых средств выражения, а также средством экспрессии и языковой игры.

Языковая экспрессия тесно связана с явлением речевой моды, (*fashionable uses of words* ‘модное использование слов’ в терминах зарубежных лингвистов). Как утверждает Г. Хитчингс, общеупотребительные слова часто «обесцвечены» слишком частым использованием, поэтому носители языка применяют неологизмы в своей речи, чтобы подчеркнуть свою оригинальность. Так, в интервью американских кинозвезд наблюдается тенденция к замене единицы *wicked* ‘превосходный’ на более модное слово *pimpalicious* ‘впечатляющий’ [Hitchings, 2011].

Стремление к разнообразию речи всегда связано с расширением синонимических возможностей лексической системы языка. Новые слова, появившиеся в результате стремления языка к выразительности, представляют собой в основном индивидуально-авторские окказионализмы и семантические неологизмы.

3. Тенденция к систематизации и структурированию словарного состава языка

Лексические единицы зачастую формируют определённую иерархию в рамках ЛСП с помощью гиперо-гипонимических отношений. Очевидно, что данное явление имеет место тогда, когда языковые единицы обнаруживают общие семантические признаки, с одной стороны, и дополнительные признаки, отличающие их друг от друга, с другой [Тищенко, 2010; Deumert, 2004]. Данная тенденция, а также тенденция языка обозначать каждое понятие отдельной лексемой является одним из факторов порождения неологизмов: англ. *dealer* 'агент по продаже' – *art dealer* 'агент по продаже картин', *car dealer* 'агент по продаже и обслуживанию автомобилей', *fashion craft dealer* 'агент по продажам в индустрии моды'; нидерл. *restaurant* 'ресторан' – *wokrestaurant* 'ресторан, где подают блюда из мяса и овощей быстрой обжарки', *snelbuffet* 'закусочная', *sterrenrestaurant* 'ресторан, занимающий передовые позиции в ресторанном рейтинге', *wegrestaurant* 'придорожная закусочная'.

Наряду с отношениями «вид-род», которые вызывают к жизни словообразовательный процесс, антонимические отношения, в которые вступают языковые единицы, также являются причиной возникновения неологизмов [см., например, О.А. Габинская, 1978; Соловьева, 2012]. К неологизмам-антонимам, обнаруженным в рамках исследования относятся, например: англ. *brain drain* 'эмиграция научных работников' – *brain-gain* 'иммиграция ученых', *disableist* 'человек, выступающий в поддержку людей с ограниченными возможностями' – *ableist* 'человек, выступающий против людей с ограниченными возможностями'; нидерл. *allochtoon* 'эмигрант' – *autochtoon* 'коренной житель', *thuisblijfmoeder* 'мать-домохозяйка' – *carrièremoeder* 'мать-карьеристка'.

4. Тенденция к унификации знаковых средств выражения

Тенденция к аналогии или уподоблению одной формы языкового выражения другой является еще одним фактором эволюция языка и появления неологизмов. Г. Пауль, идеолог школы младограмматиков, сравнивает образование по аналогии с решением пропорции, где, имея ряд комбинаций, можно легко воссоздать искомые члены пропорции по образцу [Березин, 1984]. В результате действия данной тенденции наименования однотипных понятий и предметов оформляются единообразно, с помощью одних и тех же морфем, аффиксов или служебных слов. В качестве примеров неологизмов, образованных по аналогии, можно привести в английском языке *tweetheart* ‘популярный пользователь Твиттера’ (аналогия со *sweetheart* ‘предмет любви’), *Motorgate* ‘скандал вокруг компании Дженерал моторз’ (аналогия с *Watergate* ‘Уотергейтский скандал’); в нидерландском языке – *zapper* ‘человек, который имеет привычку часто переключать телевизионные каналы’ (аналогия с *kijker* ‘телевизионный зритель’), *literatuurziekte* ‘букв. заболевание литературой / страстное увлечение литературой’ (аналогия с *beroepsziekte* ‘профессиональное заболевание’ или *bloedziekte* ‘заболевание крови’).

5. Конверсия и изменение стилистической закреплённости языковой единицы

Другим интралингвистическим фактором, влияющим на появление неологизмов в литературном языке, является переход языковых единиц из одних сфер и жанров употребления в другие. Исследуя новации литературного языка, следует учитывать, что пополнение его состава связано с изменением регистра употребления слов, вследствие его постоянного взаимодействия с диалектами, подъязыками, профессиональными языками просторечием и т.д. Поэтому слова, являющиеся узואльными для одной сферы и обладающие новизной в литературном языке, по объективным причинам определяют как относительные неологизмы. Среди лингвистов нет единого мнения относительно статуса или определения подобных

неологизмов. Ряд исследователей называют их внутренними заимствованиями, используя в качестве основного критерия источник происхождения [Алаторцева, 1998; Гацалова, 2005; Milroy, 1997]. Е.В. Розен определяет такие новации литературного языка как «стилистические неологизмы» [Розен, 2000].

В английском языке примером относительного неологизма может служить единица *cherry-picking* ‘букв. собирание вишни’. В литературный язык, в котором данное слово является неологизмом и обозначает ‘избирательный подход к чему-либо’, *cherry-picking* пришло из спортивной терминологии со значением ‘ожидание паса возле корзины в целях перехватить мяч и легко забить его самому’. Единица *hyperventilate*, которая ранее имела помету «физиол., мед.» в словарях и обозначала ‘глубоко дышать’, также изменила свою стилистическую принадлежность. В литературном английском данное слово имеет значение ‘задышаться от возмущения’. В нидерландском языке подобное явление можно проиллюстрировать с помощью единицы *achterban* ‘сторонники политической партии’, которая была единицей политического языка, а сейчас вошла в литературный язык в значении ‘сторонники / симпатизирующие люди’.

К относительным неологизмам можно также отнести слова, образованные путем перехода языковой единицы из одной части речи в другую или, другими словами, конверсии [Полухина, 2012]. В большинстве случаев определить лексическое значение подобных неологизмов не представляет сложностей, т.к. они семантически тесно связаны с исходными единицами, как например, англ. *to carpool* (неологизм, глагол) и *carpool* (исходное существительное) ‘по очереди подвозить друг друга на автомобиле’; нидерл. *mobiel(tje)* (неологизм, существительное) и *mobiel* (исходное прилагательное) ‘мобильный телефон’. Фактический материал показал, что некоторые неологизмы, образованные в результате конверсии,

подвергаются процессу метафоризации и приобретают новые коннотации в системе значения: англ. *cool* ‘прохладный’ (исходное прилагательное) – *cool* ‘самообладание’ (неологизм, существительное); нидерл. *stof-zuig* ‘пылесосить’ (исходный глагол) – *stofzuiger* ‘футболист, выполняющий наиболее трудоемкую работу в команде’ (неологизм, существительное).

Появление новых слов связано не только с потребностью в номинации новых явлений или понятий окружающей действительности, но и с постоянным внутренним развитием языка, стремлением к совершенствованию языковых средств выражения. Таким образом, неотъемлемой характеристикой лексического состава любого языка является процесс его непрерывного обновления, который усиливается в эпоху научно-технического прогресса. Проанализированный фактический материал свидетельствует о том, что из указанных выше интралингвистических факторов наибольшее влияние на порождение неологизмов оказывают тенденция к лингвистической экономии и стремление к большей выразительности. Кроме того, исследование данных факторов в двух исследуемых языках показало, что практически не существует абсолютно новых слов. Большинство из них возникают из собственных ресурсов языка, или посредством заимствования из элементов иностранного языка. Вследствие этого необходимо изучать проблему возникновения нового слова, для того чтобы определить основные направления развития языка и обновления языковой традиции.

3.3 Экология нидерландского языка в условиях глобализации

В сложившихся условиях глобализации современное состояние многих национальных языков вызывает озабоченность филологов, государственных деятелей, общественности, т.к. язык не только отражает, но и участвует в формировании мышления, регулирует поведение человека и межличностные

отношения, является инструментом государственного управления, воспитания и т.д. А.И Солженицын, размышляя об экологии русского языка, подчеркнул, что для любого языка естественным является процесс эволюции, в рамках которого язык постепенно изменяется. Однако в эпоху крупных общественных перемен язык приходит в «ненормальное, болезненное» состояние. «Так и русский язык от потрясений XX века – болезненно покорежился, испытал коррозию...А с разложением языка начинается и им сопровождается разложение культуры» [Солженицын, 1999, с. 3].

Р. Робертсон впервые ввел термин «глобализация» и определил данное явление как процесс возрастающего международного влияния экономических, политических, культурных факторов на социальную действительность в отдельных странах [Robertson, 1987]. Воздействие глобализации оценивается по-разному. Наряду с этим понятием в исследованиях можно встретить термины «американизация» [Иноземцев, 2004 и др.], «культурный империализм» [Bishop, 1990; Воронцова, 2007 и др.], «вестернизация» [Шелестюк, 2013 и др.], «интернационализация» [Iriye, 1997 и др.], «евроцентризм» [Shohat, 2013 и др.]. С одной стороны, подобная поляризация взглядов вызвана недостаточной разработанностью этой проблемы в науке и отсутствием единого терминологического стандарта вследствие междисциплинарного характера исследований в данной области. С другой стороны, сам процесс глобализации имеет противоречивый характер, т.к. вместе с оптимизацией общения людей и обмена информацией, унификацией экономических практик, национальные языки и культуры находятся под потенциальной угрозой потери своей самобытности. На уровне национальной культуры социологи и культурологи относят к последствиям глобализации рационализацию ее элементов, коммерциализацию, готовность к потреблению, «виртуализацию культурных образов» [Тер-Минасова, 2008, с. 299]. На уровне языка филологии отмечают появление в национальных языках большого количества англицизмов, что

также является непосредственным результатом глобализации, в рамках которой английский выполняет функцию языка международного общения. Таким образом, по объективным причинам глобализацию связывают с экспансией не только англо-американских экономических, общественно-политических, но также культурных и языковых моделей. Как подчеркнула С.Г. Тер-Минасова, вследствие того, что язык и культура неразрывно связаны, доминирование английского языка приводит к тому, что «всему миру навязываются англо-американские традиции (как например празднование Хеллоуина, Дня святого Валентина или Дня святого Патрика), системы ценностей, образ жизни, менталитет, мировоззрение, т.е. все то, что составляет нравственную основу нации» [Тер-Минасова, 2008, с. 308].

Неудивительно, что в современных работах по лингвистике значительное внимание уделяется изучению распространения англоамериканизмов во всех языках мира. Многие ученые рассматривают данную тенденцию как экспансию английского языка, представляющую угрозу существованию национальных языков.

Одной из задач нашего исследования является анализ аспектов языковой глобализации и воздействие данного явления на экологию нидерландского языка. Под языковой глобализацией мы понимаем процесс возрастающего влияния и проникновения элементов одного превалирующего языка, в частности английского, в системы других языков. «Супергигант, каковым является сейчас английский, может привести к дискриминации других языков» [Смирнова, 2004, с. 243]. Это особенно актуально для «малых» языков, таких как нидерландский, который на сегодняшний день является родным для 23 млн. человек (в сравнении, более 200 млн. человек владеют русским языком и 100 млн. человек – немецким во всем мире) [Statistical yearbook, 2013].

Французский долгое время играл роль глобального языка-посредника. В нидерландском языке можно выделить целый ряд французских

заимствований: *cadeau* ‘подарок’, *courgette* ‘кабачок’, *horloge* ‘часы’, *pantalon* ‘брюки’, *freule* ‘девушка из аристократической семьи’ и др. Во второй половине XX в., когда английский начал укреплять свои позиции в качестве международного, в нидерландский язык стало проникать больше английских слов, многие из которых некоторое время сосуществовали с французскими заимствованиями в сходных лексических значениях. Р.У. Зандворт писал в 1964 г., что есть заметная социальная разница в нидерландском обществе между теми, кто говорит *lunch* ‘обедать’ и называет это же действие *déjeuner*. Хотя слова из английского языка считаются более модными, «обычный голландец отдает предпочтение более знакомым словам из французского» [Zandvoort, 1964, с. 74].

Несмотря на ряд изменений в словарном составе нидерландского языка, французский в настоящее время несопоставим с влиянием английского по количеству заимствований на лексическом уровне. Корпус неологизмов нидерландского языка, проанализированный в рамках исследования, показал, что часть неологизмов, усвоенных данным языком из английского за последние три десятилетия, используются вместо французских заимствований в тех же значениях во избежание лексической избыточности. Данную тенденцию можно проиллюстрировать с помощью таких примеров, как *dejeuneren* (заимствовано из французского в 1784 г.) – заменено на *lunchen* ‘обедать’; *coiffeur* (1802 г.) – *haarstilst* ‘парикмахер’; *potpourri* (1832 г.) – *medley* ‘попурри’; *pardon* (1840 г.) – *sorry* ‘извините’, *hausse* (1847 г.) – *boom* ‘бум, ажиотаж’; *boetiek* (1966 г.) – *shop* ‘магазин’. В отдельных случаях сохраняется форма и значение французского заимствования, но перемещается ударение под влиянием английского языка: *age'nt* – *a'gent* ‘агент’, *compati'bel* – *compa'tibel* ‘совместимый’, *servi'ce* – *se'rvice* ‘сервис’ и др. Целый ряд таких слов вместе с изменением фонетической формы приобретают новый ЛСВ: *abstra'ct* (заимствовано из французского) ‘абстрактный, отвлеченный’ – *a'btract* (заимствовано из

английского) ‘выдержка, выписка’. Некоторые лексические единицы были заимствованы нидерландским языком дважды: первоначально из французского, а позже в том же лексическом значении, но другой графической форме из английского языка: *ballade – ballad* ‘баллада’, *ballon – balloon* ‘воздушный шар’, *dessin – design* ‘дизайн’, *muzikaal – musical* ‘мьюзикл’.

История взаимоотношений Англии и Нидерландов восходит к VIII в., когда голландцы были обращены в христианство англо-саксонскими миссионерами. Известны также и торговые контакты между двумя странами, т.к. внешняя торговля издавна играла важную роль в голландской экономике. Однако, как отмечает Г. Бой, английский язык начал приобретать популярность в Нидерландах именно после Второй мировой войны, вследствие того, что он воспринимался большинством населения как язык освободителей, а также в силу своего укрепившегося статуса в качестве языка международного общения.[Booij, 2001]. Данные Евробарометра от 2007 г. показывают, что 87% населения Нидерландов в возрасте до 60 лет свободно разговаривает на английском языке. Этот показатель всего на несколько процентов уступает Швеции (89%) и Мальте (88%) [Eurobarometer interactive search system].

К основным сферам, в которых используется английский язык в Нидерландах, относятся Интернет, биржа труда, торговля, реклама. М. Герритсен, Х. Корзилиус и Ф. фан Меурс провели исследование корпуса голландских коммерческих объявлений, в рамках которого было установлено, что 15% из них написано только на английском языке, а 85% - частично по-английски [Gerritsen, 2000]. Так, например, рекламный слоган компании Philips *let's make things better* использовался на английском языке в Нидерландах, но был переведен на национальные языки в России ‘изменим жизнь к лучшему’, Франции ‘всегда стремимся к лучшему’ или в Испании

‘вместе мы сделаем твою жизнь лучше’. Само слово *commercial* ‘реклама’, заимствованное из английского, вошло в нидерландский язык.

В голландских объявлениях о приеме на работу можно часто обнаружить слова на английском языке, касающиеся, в первую очередь, названий профессий: *HR manager* вместо нидерл. *hoofd PZ* ‘начальник отдела кадров’; *financial analyst* вместо нидерл. *financieel analist* ‘финансовый аналитик’, *CEO* вместо нидерл. *algemeen directeur* ‘генеральный директор’, *payroll assistant* вместо *medewerker loonadministratie* ‘бухгалтер по расчету заработной платы’, а также названий отраслей экономической деятельности: *sales* вместо нидерл. *verkoop* ‘продажи’, *entrepreneurship* вместо нидерл. *ondernemerschap* ‘предпринимательство’. И. Пиллер в своем исследовании рассматривает в качестве причины употребления английского в объявлениях о найме статус данного языка как глобального, который подразумевает соответствующие компетенции потенциального работника, как, например, космополитичность и прогрессивность [Piller, 2003]. Кроме того, в Нидерландах расположены офисы крупнейших международных компаний, таких как Shell, Unilever, Philips и др., что также влияет на выбор языка.

Другой областью активного применения английского языка является образование. Английский изучается в качестве обязательного предмета уже в начальных классах, а в средних классах все голландские школьники должны освоить как минимум два иностранных языка: английский, а также французский или немецкий. В сфере высшего образования используется преимущественно английский язык. Уже в 1989 г. министр образования и науки Нидерландов публично высказывался в пользу того, чтобы обучение в голландских университетах проводилось на английском языке с целью привлечения иностранных студентов. С 1997 г. в университете г. Тилбурга английский используется не только в учебной практике, но также во внутреннем делопроизводстве. Как отмечает Х. Коен, 80% докторских работ в университетах Нидерландов пишется на английском языке (100% в области

филологии и естественных наук), что отличает их от высших учебных заведений других европейских стран, где диссертационные работы должны быть написаны на национальном языке [Cohen, 1996]. Подобная ситуация является типичной не только в Нидерландах. Большинство школ и университетов в разных странах увеличивают количество часов, предусмотренных учебным планом, на изучение английского языка. Кроме того, более двух третей всех ученых мира пишут на этом языке [Тер-Минасова, 2008, с. 303].

В сложившейся ситуации роль преподавателя английского языка двойственна. С одной стороны, специалисты данной области повышают эффективность коммуникации между представителями разных культур, помогают им интегрироваться в общее социальное глобальное пространство. С другой стороны они способствуют экспансии английского и утверждению его в качестве единственного международного средства общения. Как заявил Р. Филлипсон, как и любой естественный человеческий язык, английский не может быть культурно нейтральным, поэтому преподавание этого языка означает продвижение заложенной в нем культуры [Phillipson, 2009].

К еще одной сфере использования английского языка в Нидерландах относятся СМИ: 60% радио и телевизионных программ транслируются на английском языке [House, 2003]. Однако подобная политика проводится не только в отношении английского, но и других языков. Иностранные фильмы в кинотеатрах и по телевидению не дублируются, их показывают на языке оригинала с голландскими субтитрами.

Англицизмы и «крылатые выражения», заимствованные, прежде всего из американского английского, можно обнаружить в сленге голландской молодежи: *bingo!* 'есть', *cool* 'клевый', *deal* 'нет проблем', *dammit* 'черт возьми', *loser* 'лузер', *fake* 'подделка, липа', *dat kun je wel shaken* (от англ. *forget it*) 'не стоит благодарности, пустяки'. В некоторых случаях английские слова заимствуются в неточном или неверном переводе, как, например, англ.

hear you ‘согласен, понимаю’ используется в нидерландском разговорном языке в форме *hoor je* ‘я тебя слышу’. Тенденция использовать англицизмы в разговорной речи связана с явлением речевой моды, а также созданными голландской молодежью стереотипами. Согласно Й. Кемпену, в Нидерландах существует представление об идеализированном американском обществе с высоким уровнем жизни и темпами технического прогресса. Используя в своей речи английские заимствования, молодые люди определенным образом становятся ближе к этому стереотипу, а также приобщаются к американской культуре и стилю жизни [Kempen, 2000].

Современную языковую ситуацию в Нидерландах невозможно, на наш взгляд, охарактеризовать как диглоссию, т.е. одновременное сосуществование английского и нидерландского языков в голландском обществе при однозначном разграничении областей их использования. Несмотря на наличие тенденций к употреблению английского в конкретных сферах жизни, сложно определить четкие функциональные границы между этими двумя языками. Так, например, доминирующим языком высшего образования в Нидерландах является английский, однако, попытка министра образования и науки официально перейти на англоязычное обучение в университетах вызвало волну протеста среди населения и в парламенте [De Groene Amsterdammer, <http://www.groene.nl/artikel/engels-in-het-hoger-onderwijs>]. Тем не менее, в настоящее время целый ряд голландских университетов предлагает магистерские программы полностью на английском языке.

В настоящем исследовании мы изучили ключевые изменения, которым подвергся нидерландский язык на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях под влиянием английского за последние три десятилетия, опираясь на важнейшие работы лингвистов, выполненных в русле этой проблематики, а также на анализ фактического материала (см. Приложение 5). Выбор данных уровней языка обусловлен

тем, что языковые контакты, а также действие экстралингвистических факторов приводит к переходу некоторых английских фонем, морфем, лексических элементов, слов и моделей синтаксических конструкций в нидерландский язык.

1. Изменения на фонетическом уровне

До второй половины XX в. большинство англицизмов подчинялись законам и орфоэпическим нормам нидерландского языка, поэтому их происхождение было сложно определить по форме написания или произношения неспециалистам в области этимологии: *kroet* (от англ. *crude*) ‘неочищенная нефть’, *weespipje* (от англ. *waste-pipe*) ‘канализационная труба’, *wijer* (от англ. *wire*) ‘провода’ и др. Однако за последние три десятилетия процесс заимствования заметно ускорился, и английские слова стали в меньшей степени подвергаться ассимиляции. Данная тенденция может быть связана с повышением уровня владения английским языком в голландском обществе, а также тем фактом, что заимствование осуществляется в основном письменным путем. Н. ван дер Сейс указывает в качестве причины демократизацию нидерландского языка, произошедшую в 70-е гг. XX в., когда стали широко использоваться просторечные слова, в том числе в литературном языке, увеличилась терпимость к разного рода вариативности в написании и произношении [Sijts, 2009]. Таким образом, в настоящее время английские слова дольше сохраняют свои фонетические особенности в нидерландском языке: *show* (от англ. *show*) ‘шоу’, *joggen* (от англ. *jog*) ‘бегать’, *database* (от англ. *database*) ‘база данных’ и т.д. Р. Безойен и М. Герритсен обращают внимание на факторы, влияющие на степень ассимиляции слова: его происхождение, время заимствования, образовательный уровень говорящих, наличие аналогии в языке-реципиенте и частоту употребления [Bezooijen, 1994]. На наш взгляд, степень адаптации иноязычного слова также зависит от родства языков: чем больше сходных черт у контактирующих языков, тем меньше изменяется единица.

Частью преобразований последних трех десятилетий на фонетическом уровне нидерландского языка является изменение характеристик некоторых его фонем. Так, например, переднеязычный, сонорный, дрожащий голландский согласный [r] под влиянием английского становится заднеязычным и теряет свою вибрацию. В настоящее время звук [r] часто не произносится на конце слогов: [ˈɑmstɛdam] ‘Амстердам’. Кроме того, наблюдается тенденция к оглушению фонем [v], [z], [g]: слово *voetbal* ‘футбол’, заимствованное из английского языка, произносится как [ˈfʊdɔbɑl] вместо [ˈvʊdɔbɑl]. Если подобное развитие сохранится, то данные фонемы потеряют смысловозначительную функцию в таких оппозициях, как *vel* ‘лист’ – *fel* ‘жестокий’, *zet* ‘движение’ – *set* ‘набор’ [Zenner, 2012, с. 755].

Заимствованные слова приносят в нидерландский язык и новые звуки. Например, буква *w* голландского алфавита соотносится со звуком [v]: *weekend* [ˈvɪkɛnt] ‘уикенд, выходной’, однако в англицизмах, заимствованных за последние три десятилетия, сохраняется английское произношение данной буквы: *Windows* [ˈwɪndəʊz] ‘виндоус (компьютерная терминология)’, *website* [ˈweɪbsaɪt] ‘вебсайт’ и др. Другие иностранные фонемы, как правило, подвергаются фонетическому освоению и изменяются в соответствии с законами принимающего языка. Так, фонемы [θ] и [ð], которые отсутствуют в нидерландском языке, заменяются в английских заимствованиях на [d], [t], реже [s]: *thriller* [ˈtrɪlɚ] ‘триллер’ [Posthumus, 1989].

В некоторых случаях наблюдается вариативность в произношении заимствованных слов. Английская фонема [a] может быть реализована в нидерландском языке как [a] или [e]: *jaguar* [ˈdʒɑgjuə] – [ˈdʒɛgjuə] ‘спортивный автомобиль Ягуар’.

Изменениям подвергается также просодический уровень языка. Основываясь на исследованиях выступлений голландских дикторов радио и телевидения, лингвисты отмечают общее ускорение темпа речи, что связано не столько с влиянием английского языка, сколько с процессами

глобализации, в которых участвует голландское общество, а также увеличение потока информации [там же, с. 767].

2. Изменения на морфологическом уровне

Инвентарь некоторых нидерландских грамматических категорий изменился под влиянием английского языка. Существительные нидерландского языка исторически образуют множественное число путем прибавления морфемы *-en*, однако, в результате воздействия английского морфема *-s* также приобрела функции выражения этой граммемы. Окончание *-s* можно обнаружить в первую очередь в английских заимствованиях: *budgets* ‘бюджеты’, *tests* ‘тесты’, *coaches* ‘такси’ и т.д. Ряд англицизмов имеют два варианта множественного числа: *lunchen / lunches* ‘обеда’, *speechnen / speeches* ‘речи’, *tractoren / tractors* ‘тракторы’. Следует отметить тот факт, что существительные, заимствованные в более ранние периоды имеют окончание *-en* во множественном числе, а единицы, пополнившие словарный состав за последние три десятилетия – окончание *-s*: *boxen* ‘почтовые ящики’ – *black boxes* ‘черные ящики’, *doggen* ‘доги (порода собак)’ – *underdogs* ‘неудачники (букв. собаки, побежденные в драке)’, *liften* ‘лифты’ – *face-lifts* ‘реставрации’, *strippenkarten* ‘карты для проезда в общественном транспорте’ – *strips* ‘ленты’, *stewardessen* ‘стюардессы’ – *hostesses* ‘бортпроводницы’.

Некоторые существительные используются исключительно во множественном числе в английском языке, однако, в процессе заимствования в нидерландский развивают форму единственного числа: *knickerbocker* ‘житель Нью-Йорка’, *overall* ‘комбинезон’, *short* ‘шорты’.

Ассимиляция английских инфинитивных конструкций проходит беспрепятственно в нидерландском языке благодаря прибавлению глагольного суффикса *-en*: англ. *to film* ‘производить киносъёмку’, *to relax* ‘расслабляться’, *to flirt* ‘флиртовать’ – нидерл. *filmen*, *relaxen*, *flirten*. В проанализированном корпусе неологизмов был выявлен ряд глаголов,

заимствованных из английского, сохранивших морфологию флексий нидерландского языка: *aerobiccen* ‘заниматься аэробикой’ (от англ. *to do aerobics*), *blind daten* ‘идти на свидание с незнакомым человеком’ (от англ. *to have a blind date*), *browsen* ‘просматривать файлы’ (от англ. *to browse*), *computeren* ‘работать за компьютером’ (от англ. *to use the computer*) и т.д.

Согласно Я. Постхумусу, вследствие того, что английский и нидерландский относятся к западногерманской ветви, некоторые суффиксы данных языков идентичны, как например, *-er* или *-ing*. Это объясняет тот факт, что голландские этимологи иногда затрудняются определить, является ли слово английским заимствованием или результатом процесса деривации. Такие единицы, как нидерл. *manager* ‘менеджер’, *voetballer* ‘футболист’ могут происходить от англ. *manager, footballer*, либо быть образованными от глаголов нидерл. *managen* ‘управлять’, *voetballen* ‘играть в футбол’ [Posthumus, 1986]. Отсутствие аналогичного слова в английском языке является доказательством того, что единица появилась в результате словообразования посредством ресурсов нидерландского языка: *filmer* ‘кинорежиссер’ (в англ. *film-maker*), *hockeyer* ‘хоккеист’ (в англ. *hockey player*), *lifter* ‘путешественник автостопом’ (в англ. *to give a lift* ‘подвозить’, *hitchhiker* ‘автостопщик’) [там же].

Вследствие заимствования ряда английских единиц с суффиксами *-able, -wise* увеличилась продуктивность аналогичных морфем *-baar, -gewijs* в нидерландском языке: *opbelbaar* ‘в рабочем состоянии’, *benaderbaar* ‘досупный’, *computergewijs* ‘по компьютеру’, *prestatiegewijs* ‘с точки зрения производительности’. В рамках нашего исследования было выявлено, что в корпусе неологизмов нидерландского языка слова с данными суффиксами составляют 7% от общего числа единиц.

Как отмечают Г. Бой и Й. ван Марле, в результате контакта с английским языком в последнее время наблюдается изменение формы притяжательного падежа в нидерландском языке. Если ранее данная

граммема образовывалась путем прибавления апострофа *s* (*`s*) к гласным буквам: *Ada`s overwinning* ‘победа Ады’, – и *s* без апострофа к согласным: *moeders verjaardag* ‘день рождения матери’, то в настоящее время по аналогии с английским, данная грамматическая категория выражается в большинстве случаев посредством окончания *`s*: *Amerika`s expansie* ‘американская экспансия’, *Vondel`s werken* ‘произведения Вондела’ [Booij, 2010].

3. Изменения на лексическом уровне

Наибольшее воздействие английского языка можно обнаружить на лексическом уровне. Подобное влияние проявляется прежде всего в появлении разного рода заимствований и иноязычных вкраплений в нидерландском языке. Естественным является тот факт, что из всех элементов языковой системы именно словарный состав наиболее подвижен, непрерывно пополняется и изменяется.

С точки зрения степени освоения в проанализированном корпусе голландских неологизмов мы выделили следующие типы английских лексических заимствований применительно к нидерландскому языку:

а) прямое заимствование – неадаптированное английское слово, сохранившее свое значение, а также фонетическую и графическую форму: *meeting* ‘встреча’, *thriller* ‘триллер’;

б) иноязычная лексика – заимствованные слова, полностью ассимилированные (в фонетическом, морфологическом, семантическом плане) в системе нидерландского языка, которые на современном этапе уже не рассматриваются как чужеродные элементы: *basketbal* ‘баскетбол’, *dimmen* ‘переключить на ближний свет’;

в) калька – буквальный перевод на нидерландский язык заимствованной английской единицы: *belastingvrij* ‘не облагаемый налогом’ (от англ. *tax-free*), *draaitafel* ‘вращающийся стенд’ (от англ. *turntable*);

г) морфологическая передача – поморфемный перевод английского слова с сохранением его основных фонетических особенностей: *diepvries* ‘морозильная камера’ (от англ. *deep-freeze*). Интересно образование единицы *welvaartsstaat* ‘государство всеобщего благосостояния’ в результате морфологической передачи англ. *welfare state*, в которой компонент *welvaart* совпадает по значению с английским словом *wealth* ‘богатство’, а не *welfare* ‘благосостояние’.

д) полужалка / композит – частичное калькирование сложных слов: *praatshow* ‘ток-шоу’ (от англ. *talk show*), *teamgeest* ‘корпоративный дух’ (от англ. *team spirit*);

е) семантическая жалка – новое значение уже известной в языке единицы под влиянием английского слова: *controleren* 1) проверять; 2) контролировать (от англ. *control*);

ж) небуквальный перевод заимствованной английской единицы: *gemeenschapzin* ‘общественное сознание’ (от англ. *public spirit*), *hoorzitting* ‘слушание’ (от англ. *hearing*), *vrouwblad* ‘папка’ (от англ. *folder*);

з) ложная жалка – ложное истолкование морфологической или семантической структуры английского заимствования. Некоторые жалки проявляют морфологические отклонения от исходных языковых единиц в английском языке: *camping* ‘лагерь’ (от англ. *camping site*), *gin-tonic* ‘джин-тоник’ (от англ. *gin and tonic*), *mixdrink* ‘смешанный напиток’ (от англ. *mixed drink*).

Ложная лексическая жалка образована посредством морфем и флексий английского языка, однако, полученное в результате слово, не существует в языке-доноре: нидерл. *speakerbox* ‘динамик’ – англ. *speaker*, нидерл. *city-bag* ‘сумка для инструмента’ – англ. *holdall*, нидерл. *hometrainer* ‘тренажер’ – англ. *exercise machine*. Отсутствуют английские эквиваленты для таких слов нидерландского языка, как *ladyshave* ‘бритвенный станок для женщин’, *showmaster* ‘телеведущий’, которые возникли в языке рекламы.

Отдельную группу составляют заимствования с окончанием *-ing*. Если в английском языке подобные единицы выполняют в основном функцию прилагательного или глагола, то в нидерландском – существительного, соответственно перевод и использование таких слов различен: англ. *dancing* ‘танцевать / танцевальный’ – нидерл. ‘танец’, англ. *doping* ‘принимать допинг / допинговый’ – нидерл. ‘допинг / наркотики’.

Ложные кальки возникают в результате ошибок при переводе заимствованного слова, либо непонимания его внутренней структуры носителем языка-реципиента [Шевченко, 2002; Sijts, 1994].

Проанализированный корпус неологизмов показал, что полукальки или композиты являются довольно распространенным явлением в словообразовании в нидерландском языке. К наиболее продуктивным заимствованным элементам английского языка, выступающим в качестве конечных основ относятся *-burger* (*kaasburger* ‘чизбургер’), *-freak* (*milieufreak* ‘ярый сторонник защиты окружающей среды’), *-minded* (*kunstminded* ‘ценящий искусство’), *-stop* (*loonstop* ‘замораживание зарплаты’); в качестве начальных основ – *all-in-* (*all-in-prijs* ‘все включено’), *baby-* (*baby piano* ‘мини рояль’), *budget-* (*budget hotel* ‘недорогой отель’), *fitness-* (*fitness centrum* ‘фитнес-центр’), *indoor-* (*indoor baan* ‘закрытый велотрек’), *live-* (*live-optreden* ‘данные о сроке службы’), *top-* (*top attractie* ‘лучшая достопримечательность’) и др. Некоторые из таких композитов являются культурно специфичными, как например, полукалька *F-side*, обозначающая ярых фанатов популярного голландского футбольного клуба Аякс, которые всегда занимают блок Ф во время матчей на домашнем стадионе команды.

Ряд продуктивных основ сложных слов являются кальками из английского языка: *bijna-* (от англ. *near*) *bijna-akkoord* ‘предварительное соглашение’, *doe-het-zelf-* (от англ. *do-it-yourself*) *doe-het-zelf-winkel* ‘магазин товаров для рукоделия’, *eersteklas-* (от англ. *first class*) *eersteklassigaren*

‘первоклассные сигары’, *zelfbedienings-* (от англ. *self service*) *zelfbedieningsbedrijf* ‘магазин самообслуживания’.

Приток новых заимствованных слов привел к появлению омографов и омонимов, которые совпадают по своей графической, фонетической или семантической форме с уже известными словами в нидерландском языке. Англицизм *boom* ‘бум, ажиотаж’ является омографом к голландскому слову *boom* ‘дерево’, а *passen* ‘пасовать’ – к лексической единице *passen* ‘подходить по размеру’. Часть единиц, относящихся к данной группе, различаются сферой употребления: *dribbelen* (от англ. *to dribble*) ‘продвигать мяч вперед’ используется исключительно в спорте в отличие от глагола *dribbelen* ‘идти мелкими шажками’, существующем в литературном нидерландском языке с 1667 г. Растущая омонимия также может быть связана с тем, что лексические единицы, заимствованные ранее из романских языков (в первую очередь, из латыни и французского) сосуществуют в языке в схожей графической форме с заимствованиями из английского: *data* ‘даты’ (от лат.) и *data* ‘факты, информация’ (от англ.) [Berteloot, 2004].

Близкие по значению английские слова могут быть заимствованы языком-реципиентом неоднократно. Так, например, англицизм *cake* ‘пирожное’ проникал в нидерландский язык четыре раза в разные временные отрезки и различных формах: *keeks* ‘пирожное’ (XVII в.), *kaakjes* ‘засахаренные орехи с пряностями’ (XVIII в.), *cake* ‘пирожное’ (XX в.), *(honde) kaakjes* ‘сухое печенье, галета’ (XX в.) [Sijs, 1996]. Н. ван дер Сейс отмечает случаи, когда единица исчезает из языка-донора, но остается в языке-реципиенте в форме заимствования: нидерл. *fancy-fair* – современный англ. *bazaar* ‘ярмарка’, нидерл. *butterfly* – англ. *bow-tie* ‘галстук-бабочка’, нидерл. *goalgetter* – англ. *finisher* ‘решающий довод’ и др. В отличие от указанных выше примеров, единица *crack* ‘выдающийся человек’ в английском языке не перешла в разряд историзмов, а начала использоваться

только в качестве первой части составных существительных: *a crack shot* ‘великолепный выстрел’ [там же].

Другим изменением на лексическом уровне, обусловленным влиянием английского, является появление большого количества различного рода акронимов и аббревиатур в нидерландском языке. Некоторые из таких сокращений заимствованы напрямую из английского: *w.c.* ‘уборная’, *VIP* ‘высокопоставленное лицо’, *aids* ‘спид’. 98% аббревиатур современного голландского компьютерного сленга являются англицизмами, как например, *BRB* ‘скоро вернусь’, *BTW* ‘кстати’, *IDK* ‘не знаю’, *LOL* ‘очень смешно’ и т.д. [Gerritsen, 1986]. Наряду с аббревиатурами в английском языке также встречаются случаи словослияния, в результате которых образуются неологизмы, заимствуемые в нидерландский язык: *infotainment* (*information* + *entertainment*) ‘информационно-развлекательный’, *smog* (*smoke* + *fog*) ‘смог’.

Наряду с изменениями в словарном фонде нидерландского языка, под влиянием английского языка также происходит изменение орфографических норм. Н. ван дер Сейс и А. Бертелот отмечают, что появление большого количества англицизмов и наличие в них фонем, отсутствующих в нидерландском языке, повлекло за собой использование новых буквосочетаний, несвойственных данному языку: *wh* (*whiskey* ‘виски’), *sh* (*shampoo* ‘шампунь’), *sc* (*scam* ‘обман’), *oa* (*coach* ‘тренер’). Английская форма множественного числа *-ies* для существительных, заканчивающихся на *-y*, все чаще заменяет традиционное голландское окончание *-y's* в данной позиции: так, например, *baby* ‘малыш, крошка’ во множественном числе образует форму *babies* по аналогии с английским языком и расходится с орфографической нормой нидерландского языка *baby's* [Berteloot, 2004].

Большинство голландских сложных слов традиционно пишется слитно, однако, под воздействием английского языка написание этой категории существительных изменяется. Проанализированный в рамках исследования

корпус неологизмов иллюстрирует данную тенденцию: *Rijks Inkoop Bureau* вместо *Rijksinkoopbureau* ‘центр правительственных закупок’, *beeldscherm emulatie* вместо *beeldschermemulatie* ‘эмуляция экрана’. Как отмечают П. Клаус и Я. Тельдеман, практика отдельного написания сложных слов распространяется и на уже известные слова литературного языка, как, например, *kogel biefstuk* – ранее *kogelbiefstuk* ‘ромштекс’, *braad worst* – ранее *braadworst* ‘колбаса’ и др. [Claus, 1989; McLelland, 2009]. В целом, в английском языке многие единицы, образованные словосложением могут писаться как слитно, так и отдельно или через дефис: *ghost writer*, *ghostwriter*, *ghost-writer* ‘литературный раб’. Наше исследование показало, что подобная орфографическая вариативность наблюдается и в нидерландских неологизмах, имеющих форму сложных существительных и заимствованных из английского языка, как например, *civiel-ingenieur*, *civiel ingenieur* или *civielingenieur* (от англ. *civil engineer*) ‘инженер-строитель’. На наш взгляд, отсутствие единой нормы относительно написания сложных слов-англицизмов может негативно повлиять на лексикографическую и издательскую деятельность в Нидерландах.

4. Изменения на синтаксическом уровне

Опираясь на ранее проведенные исследования, констатируем, что синтаксический уровень нидерландского языка в настоящее время в наименьшей степени подвержен каким-либо преобразованиям. Л. Кунен отмечает усиление фактора лингвистической экономии, который обуславливает изменения в структуре именных групп внутри предложения, как например, трансформация сочетания *het in werking treden* в *de inwerkingtreding* ‘вступление в силу’. Данная тенденция проявляется также в изменении строения условных придаточных предложений нидерландского языка, которые в последнее время все чаще используются без союза *dan* ‘то’: *is er iemand in huis, moet u de politie bellen* вместо *is er iemand in huis, dan moet*

u de politie bellen ‘если в доме есть посторонний, то вы должны позвонить в полицию’ [Koenen, 1992].

Влияние английского языка можно обнаружить при анализе устойчивых конструкций, заимствованных в нидерландский за последние три десятилетия. К таким приобретениям на синтаксическом уровне относятся кальки *ik ben bang dat* (от англ. *I'm afraid...*) ‘боюсь, что’; *de...-ste ooit* (*the...ever*): *de warmest decembermaand ooit* ‘самый теплый декабрь, чем когда-либо’; *als regel* (от англ. *as a rule*) ‘как правило’; *het kost een fortuin* (от англ. *it costs a fortune*) ‘стоит целое состояние’; *gemengde gevoelens* (от англ. *mixed feelings*) ‘смешанные чувства’ и др. Корпус фразеологических неологизмов составляют некоторые прямые английские заимствования, неассимилированные в нидерландском языке: *after all* ‘в конце концов’, *business as usual* ‘дела идут своим чередом’, *do's and don'ts* ‘предписания и запреты’, *grand old man* ‘великий старец / об известном пожилым общественном деятеле’, *in no time* ‘в два счета’, *in the long run* ‘в долгосрочной перспективе’, *last not least* ‘последний по счёту, но не по важности’ и т.п.

Анализ фактического материала показал, что наибольшее влияние английского языка нидерландский испытывает на лексическом уровне. В проанализированном корпусе голландских неологизмов мы выделили 20% прямых заимствований, 20% композитов из английских и нидерландских компонентов, а также 40% нидерландских образований. Количество английских заимствований существенно выросло с XIX в. Как отмечают Н. ван дер Сейс и А. Бертелот, в нидерландском словаре иностранных слов 1895 г. было зарегистрировано всего 47 английских единиц из 81 тыс. заимствований (0,06%). Затем между 1898 и 1924 гг. процент англицизмов в литературном языке увеличился до 0,16%, между 1971 и 1976 гг. – до 0,75%, а между 1977 и 1984 гг. – до 2,95% [Bertelot, 2004, с. 42].

Наряду с изменениями в словарном составе, преобразования происходят и на других уровнях языковой системы. Исследователи также отмечают расширение областей использования английского языка в голландском обществе. Если ранее заимствования появлялись прежде всего в слабо разработанных семантических зонах, объекты которых не были вербализованы, как, например, область технологий или музыки, то за последние три десятилетия английский проник в самые разные сферы жизни: образование, СМИ, рекламу, молодежный сленг и т.д.

В настоящее время среди германистов нет единого мнения относительно характера данного влияния, а также возможных последствий глобализации.

Большинство исследователей (А. Бертелот [Bertelot, 2004], Г. Бой [Booij, 2001], Й. Сеноз [Cenoz, 2000], М. Герритсен [Gerritsen, 2000], Н. ван дер Сейс [Sijts, 2009] и др.) не выражают опасений по поводу потенциальной угрозы нидерландскому языку со стороны английского. Одним из аргументов в пользу данной точки зрения является тот факт, что ни одна культура не развивается в изоляции от других культур, и язык, как один из ее важнейших составляющих, не может оставаться в стороне от этих процессов. Таким образом, изменения являются естественным элементом развития языка.

Г. Бой указывает на то, что потребность в языке международного общения в сложившихся условиях глобализации велика, и английский эффективнее других языков способен выполнять эту роль, т.к. он не принадлежит одной конкретной нации или государству, а сама глобальная культура не может представлять собой некий единый монолит. Так, например, в ЮАР африкаанс, до начала XX в. считавшийся диалектом нидерландского, был отвергнут как национальное средство общения в пользу английского из-за государственной политики апартеида и негативных ассоциаций с «языком угнетателей», с которым он соотносится в представлении большинства местного черного населения. По словам

исследователя, «англицизмы не навязываются носителями английского языка, но сами голландцы решают использовать их в своей речи по определенным объективным причинам (экономия речевых средств, следование языковой моде и др.)» [Booij, 2001].

М. Герритсен разделяет оптимистические взгляды о будущем развитии нидерландского языка. Лингвист изучила отношения различных социальных групп голландцев к рекламе на английском языке, которая столь распространена в королевстве, и выяснила, что большинство респондентов не обладают достаточным знанием данного иностранного языка и не могут корректно перевести названия коммерческих объявлений. Таким образом, М. Герритсен заключила, что голландцы в меньшей степени подвержены англизации, чем принято полагать: «английский язык часто используется в Нидерландах, но не всегда адекватно понимается населением» [Gerritsen, 2000].

То обстоятельство, что в настоящее время английский фактически является языком высшего образования в стране, не вызывает тревогу большинства голландских лингвистов и общественных деятелей. Х. Вольф отмечает, что данная ситуация имеет исторические прецеденты, как например, аналогичные современному английскому функции латинского языка в средневековых университетах [Wolf, 2007].

Другие лингвисты (К. де Бот [Bot, 1997], Я. Постхумус [Posthumus, 1986; 1989], Б. Вельтенс [Weltens, 1993]) придерживаются противоположной точки зрения относительно продвижения английского языка. Согласно К. де Боту, угроза существованию нидерландского языка как системы состоит не в том, что в последнее время в речевом употреблении появилось много англицизмов, а в том, что он может утратить способность ассимилировать эти импортированные элементы. Многие заимствованные слова подчиняются правилам нидерландского языка; можно также выделить случаи, когда подобные единицы со временем заменяются кальками, как, например,

англицизм *football* ‘футбол’ и голландское слово *voetbal*. Однако, исследователь подчеркивает, что, начиная с 70-х гг. XX в., в нидерландском языке появляется все больше прямых неадаптированных заимствований, что не может не вызывать опасения за его будущее развитие [Bot, 1997].

Б. Вельтенс также выражает беспокойство, т.к. по его мнению, нидерландский предстает менее экологичным на лексическом уровне, по сравнению с такими германскими языками, как немецкий или африкаанс. Лингвист иллюстрирует данный факт на основании нескольких примеров. Термины *computer* ‘компьютер’ и *printer* ‘принтер’ были напрямую заимствованы нидерландском языком, в то время как в немецком используются термины *Rechner* и *Drucker*, а в африкаанс – *rekenaar* и *drukker*. Англицизм *weekend* ‘выходные’ также стал частью словарного состава нидерландского языка в отличие от немецкого *Wochenende*. Вместо английского словосочетания *hard disk* ‘жесткий диск’ голландцы употребляют кальку *harde schrijf* (в немецком *Festplatte*), хотя семантические поля нидерландского и английского *hard* не совпадают. В объявлениях о приеме на работу в Нидерландах все чаще можно встретить лексические единицы *sales manager* ‘менеджер по продажам’ и *public relations assistant* ‘помощник руководителя по связям с общественностью’ вместо их голландских эквивалентов *vertegenwoordiger* и *telefoniste* [Weltens, 1993].

Экология любого языка, в том числе нидерландского, напрямую зависит от языковой политики государства. Под данным термином мы вслед за И.Г. Серовой понимаем совокупность идеологических взглядов и практических мер по решению лингвистических (выбор языковой нормы) и языковых (выбор языка) вопросов в обществе, государстве [Серова, 2013]. В настоящее время можно выделить три основные тенденции в отношении языковой политики. Первая заключается в изменении идеологии через изменение языка, иллюстрацией которой может служить явление "политкорректности" или преобразования в русском языке советской эпохи.

Вторую тенденцию можно охарактеризовать как самоустранение государства от контроля языковой среды, которое может привести к ухудшению ее качества и снижению культуры речи. Третья тенденция связана с активной поддержкой государства национального языка и осуществлением мер, направленных на его сохранение, а также гарантию его статуса. Так, например, в 1975 г. французское правительство приняло закон о защите французского языка от вторжения английского или любого другого языка, а, следовательно, и иностранной культуры [Bucholtz, 2003].

Поддержку национального языка можно осуществлять различными способами. Вслед за В.В. Химиком, мы считаем, что одним из таких способов является развитие программы лингвистического консультирования. Данная программа может включать в себя публичные консультации лингвистов для населения по широкому спектру вопросов языковой правильности и речевого функционирования государственного языка в радио- и телепередачах, социальных сетях, специальных рубриках газет и журналов, на Интернет порталах, тем самым, пропагандируя языковые нормы и культуру речи. Однако лингвистическое консультирование должно быть востребовано и в работе государственных органов власти, т.к. таким образом можно было бы избежать языковых нормативных нарушений в текстах постановлений или наружной рекламы [Химик, 2012].

Другим способом может стать разработка коммуникативных норм речи, под которыми мы, вслед за В.И. Карасиком понимаем «стандарт вербального и невербального общения в его жанровом многообразии» [Карасик, 2012, с. 47] или, другими словами, предписание языковых норм для конкретных ситуативно-коммуникативных условий. О.Б. Сиротина предлагает дополнительно разработать специальные профессионально направленные словари, которые бы регламентировали языковые нормы не для всех носителей языка, а для представителей отдельных профессий: учителей, врачей, юристов, экономистов и т.д. [Сиротина, 2013, с. 94].

Кроме того, необходимо проводить исследования неcodифицированных вариантов реализации общенационального языка. Согласно М.И. Солнышкиной, если в зарубежной лингвистической практике уже созданы глоссарии и словари профессиональных жаргонов, то в отечественной филологии информация о неcodифицированной части социолектов и профессиональных подъязыков спорадична и недостаточна для анализа причин и направлений их развития [Солнышкина, 2006, с. 57].

В сферу вопросов государственной языковой политики также входит проблема защиты малых языков. В качестве примера успешной реализации данной задачи можно привести языковую ситуацию в Великобритании. Валлийский язык получил статус официального в Уэльсе в 2011 г., что означает, что с этого момента все государственные и коммерческие структуры, действующие на территории данного региона, обязаны описывать свои услуги не только на английском, но и валлийском языке [National Assembly for Wales, <http://www.assemblywales.org>]. Однако отсутствие государственного контроля языковой среды может привести к ухудшению ее качества и снижению культуры речи.

В Европейском Союзе (ЕС) уделяется особое внимание вопросу изучения языков в контексте глобализации. Изменение структуры Еврокомиссии свидетельствует о возрастании веса языковой политики в ЕС: в 2007 г. была создана новая должность комиссара ЕС по мультилингвизму, в то время как ранее данный вопрос находился в сфере ответственности комиссара ЕС по образованию, тренингам, культуре и мультилингвизму. Вслед за М.А. Коржаковой мультилингвизм мы рассматриваем как «состояние отдельного индивида или языкового сообщества, при котором одновременно используется три разных языка или более» [Коржакова, 2010б с. 72]. ЕС стремится сохранить языковое разнообразие еврообщества и создать благоприятные условия для овладения европейскими гражданами иностранными языками. Каждый документ, издаваемый институтами

Евросоюза, публикуется на 23 языках. Кроме того, паспорта граждан ЕС имеют надписи на нескольких языках, как например, немецкие и итальянские документы, удостоверяющие личность, помимо немецкого и итальянского содержат эквивалентные надписи на английском и французском. Однако, несмотря на продвижение политики мультилингвизма, есть основания полагать, что английский станет в скором будущем основным языком общения между гражданами разных стран ЕС. По мнению В.В. Кабакчи, английский язык может не получить подобного официального статуса, «но он определенно будет все более широко применяться в качестве средства внутриевропейской коммуникации всеми социальными группами» [Кабакчи, 2009].

Правительство Нидерландов не препятствует распространению английского языка на территории страны и его использованию в частности в области образования или торговли. Однако при этом одновременно укрепляются позиции нидерландского языка, – с 2006 г. мигранты (кроме переселенцев из стран-членов ЕС), желающие въехать в Нидерланды для постоянного жительства, обязаны сдать экзамен на знание нидерландского языка и культуры [Groenendijk, 2004]. В королевстве также функционируют такие организации, как «Нидерландский Языковой Союз» (*Nederlandse Taalunie, NTU*), осуществляющий различные проекты, в том числе по написанию 9-томной «Истории нидерландоязычной литературы», и «Союз против Заимствований» (*De Bond tegen Leenwoorden, BTL*), который отслеживает проникновение иностранных заимствований и предлагает варианты их замены схожими по смыслу словами нидерландского языка.

В условиях глобализации и экспансии английского языка перед эолингвистами стоит непростая задача – следить за развитием национальных языков и сохранением культуры речи, которые, как и окружающая среда, в разное время могут подвергаться негативным воздействиям. Распространение англицизмов в нидерландском языке вполне

закономерно и вызвано объективными причинами. Однако так называемый «языковой гуляш» (термин Е.Д. Зиммера), который формируется в результате злоупотребления иноязычными словами и имеет мало общего с литературными вариантами нидерландского и английского, может причинить вред обоим языкам [Zimmer, 1997]. В то же время борьба за «здоровье» языка не должна привести к его изоляции от влияния других языков. Вслед за Н.Л. Шамне мы полагаем, что одним из путей решения данной проблемы является развитие эколингвистического сознания человека, основанного на его понимании собственной активной роли в природной среде, в которую, без сомнения, входит язык как важнейший инструмент познания [Шамне, 2011 б].

ВЫВОДЫ

Третья глава нашего диссертационного исследования посвящена исследованию влияния глобализационных процессов на экологию языка.

В первом параграфе мы сделали теоретический обзор основных проблем и положений эколингвистики в российской и зарубежной науке. Исследования в области неологии тесно взаимосвязаны с эколингвистической научной парадигмой, т.к. в их основе лежит представление о языке как экосистеме, способной изменяться и саморегулироваться.

К экстралингвистическим факторам появления неологизмов в английском и нидерландском языках мы отнесли а) возникновение новых реалий в жизни человека; б) научно-технический прогресс; в) глобализация; г) развитие Интернета и рост диалогичности общения.

Во втором параграфе данной главы мы обратились к изучению внутренних законов развития языка. Этот вопрос характеризуется определенной терминологической неоднозначностью вследствие отсутствия в языкознании достаточного разграничения категорий «развитие» и

«изменение». На основе анализа фактического материала мы определили следующие интралингвистические факторы, влияющие на порождение новых слов: а) тенденция к лингвистической экономии; б) стремление к большей выразительности; в) тенденция к систематизации и структурированию словарного состава языка; г) тенденция к унификации знаковых средств выражения; д) конверсия и изменение стилистической закреплённости языковой единицы.

В последнем параграфе данной главы мы исследовали изменения, которым подвергся нидерландский язык на различных уровнях языковой системы за последние три десятилетия под влиянием продвижения английского языка и глобализационных процессов. Наибольшее воздействие английского языка обнаруживается на лексическом уровне. Наименьшему воздействию английского языка подвергается синтаксический уровень.

В настоящее время среди ученых нет единого мнения относительно характера глобализации и возможных последствий экспансии английского языка. С одной стороны, ни один язык не может развиваться в изоляции от других языков, однако, с другой – наблюдаются тенденции к тому, что нидерландский может со временем утратить способность ассимилировать заимствованные экзогенные элементы.

Экология современного языка напрямую зависит от языковой политики государства и требует усиленного внимания эколингвистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление в языке новых слов является характерным признаком эволюции общества, его материальной и духовной культуры. Неологизмы в своей совокупности отражают дух времени, единство смыслов, установок, ценностей, стереотипов, присущих данному социуму в конкретный культурно-исторический период его существования. Самыми значимыми процессами в развитии современной культуры по праву считаются глобализация и научно-технический прогресс, которые служат главными причинами «неологического взрыва» или, другими словами, массового увеличения неологизмов в ряде национальных языков.

В настоящей диссертационной работе исследуются неологизмы литературного английского и нидерландского языков как средство отражения взаимосвязи языка и культуры, а также изменения, которым подвергся нидерландский язык под влиянием глобального английского.

Охарактеризовав основные теории в отечественной и зарубежной лингвистике, раскрывающие языковую сущность неологизма: «стилистическая», «психолингвистическая», «лексикографическая», «денотативная», «структурная» и «историческая», мы определили, что в качестве основополагающих в данных теориях используются критерии новизны происхождения, обозначаемого денотата, структурной новизны или новизны употребления единицы. Однако каждая из них имеет недостатки в силу своей относительности применительно к отдельному индивиду / языковой общности или слишком узкой направленности. Подобное разнообразие подходов связано с тем, что до сих пор в науке отсутствует единое мнение касательно лингвистического статуса неологизма, а также разграничения понятий «развитие» и «изменение» языка.

В данной диссертационной работе мы уточнили основные положения нового развивающегося направления в неологии –

лингвокультурологического подхода, в рамках которого неологизмы рассматриваются в качестве единиц с культурно-значимой информацией. С опорой на данный подход мы предлагаем считать неологизмами лексические единицы, новые не только по форме или содержанию в некоторый фиксированный момент времени, но и имеющие новую социокультурную референцию и функционирующие в востребованных данным социумом понятийных сферах.

В качестве лингвокультурологических характеристик, уточняющих лингвокультурологический подход в неологии, мы устанавливаем следующие:

- а) хронология (период возникновения слова);
- б) наличие новой культурной референции денотативного и коннотативного значения единицы (проявление культурного компонента в семантике неологизма);
- в) сфера употребления единицы (закрепленность единицы в определенном языковом регистре).

Предложенная и испробованная комплексная методика, сочетающая методы диахронического, контрастивного, дефиниционного и концептуального анализа, обладает значительным эвристическим потенциалом в рамках лингвокультурологического подхода к изучению неологизмов, в частности, для описания национально-культурной специфики неологизмов.

По результатам обзора существующих типологий неологизмов, разработанных в отечественной и зарубежной лингвистике, обработки фактического материала предложена собственная классификация новых слов, учитывающая особенности исследуемых языков. Данная классификация позволила установить, что к категориям неологизмов, имеющих наиболее ярко выраженную национально-культурную маркированность, относятся семантические неологизмы (новые слова,

получившие в процессе своего развития дополнительные ЛСВ и обладающие социокультурными коннотациями), лексические неологизмы, обозначающие новые реалии, которые могут быть как универсальными, так и специфичными для одной культуры, а также фразеологические неологизмы, вследствие идиоматичного характера их значения.

Проанализированный фактический материал показал, что неонимация отражает национально-специфическую манеру категоризации и вербализации мира определенным социумом. Взаимодействие языка и культуры проявляется в том, как распределяются новые лексические единицы по различным понятийным сферам в двух исследуемых языках. Доминирование той или иной сферы является показателем ее жизнестойкости и аксиологической ценности для данного социума. В английском языке к выявленным понятийным сферам с наибольшим количеством неологизмов относятся: сфера «общество и человек» (41% неологизмов), «человек и культура» (29%), «техника и сфера науки» (21%), «экономика и бизнес» (9%); – в нидерландском языке: «социальная политика» (37%), «компьютерные технологии и Интернет» (33%), «экономика» (19%), «экология и окружающая среда» (11%).

В обоих исследуемых языках приоритетными позициями обладает социальная сфера, что свидетельствует о многочисленных изменениях в общественной жизни социумов, которые используют данные языки в качестве средства общения.

На материале английского языка заметнее проявляется усиление антропоцентрического мировоззрения, неологизмы характеризуют человека с точки зрения его социальной и этнической принадлежности, профессиональной деятельности, свойств характера, большое количество неологизмов обнаружено в сфере психологии и спорта. В нидерландском языке данная тенденция менее заметна, подобные неологизмы концентрируются в основном в сфере «работа», что вызвано объективными

причинами, т.к. с развитием общества на рынке труда появляются новые специальности и профессии.

В сфере экономики мы установили, что неологизмы номинируют прежде всего инновационные идеи и достижения. Если в английском языке в данном аспекте новые слова относятся больше к описанию корпоративной культуры и экономического курса отдельного политика, то в нидерландском языке – к сфере сельского хозяйства, что связано с историческим развитием страны. В обоих исследуемых языках в последнее время детализируется понятие «экономический кризис», однако, в нидерландском языке количество неологизмов, описывающих данную категорию, меньше, чем в английском.

Насыщенность неологизмами понятийной сферы «окружающая среда и экология» в нидерландском языке выше, чем в английском, что говорит о высоком уровне экосознания, популярности и важности экологической категории для голландского социума.

Сфера науки и технологий также является одной из наиболее неологичных в исследуемых языках. Однако как показывает проанализированный фактический материал, в нидерландском языке 31% новых слов из 33%, относящихся к данной сфере, представляют собой в основном интернационализмы и заимствования, что не может не вызывать тревогу за будущее его развитие.

В английском языке активно детализируется понятие «массовая культура», и, таким образом, подтверждается тот факт, что в современном англоязычном социуме массовая культура доминирует над элитарной.

Анализ фактического материала показал, что социальное явление «политической корректности и толерантности» также стало фактором порождения новых слов. Однако корпус неологизмов нидерландского языка менее насыщен эвфемизмами (7%), по сравнению с английским (22%), что может быть вызвано экстралингвистическими факторами.

Проанализированный фактический материал предоставляет возможность заключить, что за последние три десятилетия набор основных понятий, с помощью которых человек воспринимает окружающую его реальность, не изменился кардинально. Однако некоторые из этих понятий расширились или изменились, как, например, понятие времени и пространства. На материале неологизмов, характеризующих образ и стиль жизни, а также взаимоотношения членов англоязычного социума, можно проследить тенденцию к «сжатию», компрессии времени параллельно категории пространства, разрушению границ между отдыхом и работой, публичным и частным в жизни человека при использовании передовых технологий. Вместе с тем следует отметить, что неологизмы, детализирующие категорию информационных технологий, обнаружены в каждой понятийной сфере в обоих анализируемых языках, что свидетельствует о глобальном влиянии информатизации на жизнедеятельность социума.

Результаты исследования новой лексики, проведенного с учетом основных положений лингвокультурологического подхода можно использовать в первую очередь в лексикографической практике. Анализ словарей, в том числе их онлайн версий, английского и нидерландского языков показал, что проблема регистрации неологизмов в лексикографическом корпусе, а также его насыщенность культурологической информацией является в настоящее время весьма актуальной.

Язык постоянно изменяется, однако, как показало наше исследование, словари далеко не всегда фиксируют неологизмы или же не предоставляют экстралингвистическую справку относительно новых языковых единиц, что создает определенные трудности в иноязычной коммуникации. Таким образом, очевидна необходимость выработки оптимальных универсальных критериев регистрации неологизмов в лексикографических источниках, что

способствовало бы стандартизации словарей национального языка, а значит, сделало бы их более удобными в пользовании.

В нашем диссертационном исследовании мы обосновываем концепцию двуязычного лингвокультурологического словаря новой лексики. Данный тип словаря предоставляет комментарии относительно национально-культурного компонента каждого входящего в него языкового новообразования, что помогло бы восполнить недостаток фоновых знаний у представителя иной культуры. Опрос ста респондентов, носителей нидерландского языка, показал, что только 10% из них смогли правильно интерпретировать значения ряда английских неологизмов, а также контекста, в котором они функционируют.

На наш взгляд, предпочтительнее создавать данный словарь в электронной или онлайн форме, т.к. подобные лексикографические источники обновляются быстрее и чаще, чем их бумажные аналоги. Отбор единиц в данный словарь может проводиться на основе критериев и методов лингвокультурологического подхода.

Лингвокультурологический комментарий в словаре неологизмов может быть двух видов:

1. лингвострановедческий (т.е. раскрывающий национальные, культурные особенности восприятия экстралингвистического факта);
2. контекстуально-ориентированный (т.е. указывающий на социокультурную окраску, которое приобретает слово, попадая в контекст, насыщенный лингвокультурологической информацией).

Неологизмы в качестве заглавных слов двуязычного словаря должны сопровождаться иллюстративным материалом, и описываться посредством: 1) перевода или приблизительного эквивалента; 2) описания, если культурный эквивалент в языке перевода отсутствует.

В отечественной и зарубежной науке неологизмы не становились ранее объектом изучения с позиции эколингвистики. Эколингвистический подход в

неологии, базирующийся на методе эколингвистического мониторинга, в рамках которого анализируются типы неологизмов, условия их возникновения, сферы функционирования в языке, а также определяется количество среди них заимствований, позволит выявить нездоровые явления и тенденции в языке, избежать возможного засорения языка неологизмами-заимствованиями, его вульгаризации.

В нидерландском языке, как показал проанализированный фактический материал, происходит активное вытеснение французских заимствований английскими неологизмами, которое сопровождается изменением их фонетической формы и расширением лексико-семантических вариантов под влиянием английского языка.

Выявив экстра- и интралингвистические факторы, мотивировавшие появления неологизмов в исследуемый промежуток времени, мы установили, что внешние причины играют главенствующую роль в процессе обновления словарного состава языка. Именно они приводят в действие языковой механизм, в рамках которого то или иное явление получает определенное обозначение средствами языковой системы и в соответствии с современными тенденциями в жизни общества.

На основе проанализированного фактического материала мы определили следующие экстралингвистические факторы порождения неологизмов: 1) возникновение новых реалий в жизни человека, нуждающихся в номинации; 2) научно-технический прогресс; 3) глобализация и расширение круга носителей языка; 4) развитие Интернета и рост диалогичности общения.

С позиций лингвокультурологического подхода в неологии наибольший интерес представляет первый фактор, т.к. новые реалии, нуждающиеся в номинации, могут быть как общими для всего мирового сообщества, так и для отдельного социума. Изучение остальных факторов более релевантно с позиции эколингвистики.

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что внутрисистемные новации отличаются не только по своим основным свойствам, но и характеру выполняемых ими функций. Мы выявили следующие интралингвистические факторы, влияющие на словообразование и являющиеся общими для исследуемых языков: 1) тенденция к лингвистической экономии; 2) стремление к большей выразительности; 3) тенденция к систематизации и структурированию словарного состава языка; 4) тенденция к унификации знаковых средств выражения; 5) конверсия и изменение стилистической закреплённости языковой единицы.

Наше исследование показало, что за последние три десятилетия в английском языке наблюдается объединение первых двух интралингвистических факторов, которое проявляется в возникновении ряда аббревиатур, выполняющих экспрессивную функцию.

Изучив труды отечественных и зарубежных лингвистов мы пришли к выводу, что внутрисистемные преобразования, как правило, не получают должного внимания исследователей, вследствие недостаточной разработанности общей проблемы внутренних законов языкового развития, а также того факта, что экспрессия новизны таких единиц не выражена столь отчетливо. Кроме того, до сих пор нет единого мнения лингвистов относительно статуса тех внутрисистемных неологизмов, которые образуются путем смены регистра употребления или конверсии.

В настоящее время глобализация и продвижение английского языка оказывают сильное воздействие на национальные языки. В рамках исследования на основе фактического и теоретического материала мы определили основные изменения, которым подвергся нидерландский язык за последние три десятилетия под влиянием глобального английского. Среди собственно лингвистических фактов мы отметили следующее:

- увеличение количества неассимилированных англицизмов (в проанализированном корпусе голландских неологизмов мы выделили 20% прямых заимствований и 20% полужаковок);

- изменение характеристик некоторых фонем нидерландского языка (оглушение фонем [v], [z], [g], потеря вибрации фонемы [r]);

- изменение инвентаря некоторых грамматических категорий (появление морфемы -s для образования множественного числа в англицизмах, -`s – притяжательного падежа); увеличение словообразовательной продуктивности суффиксов -*baar*, -*gewijs* по аналогии с английскими морфемами -*able*, -*wise*;

- увеличение количества различного рода акронимов и аббревиатур, некоторые из которых заимствованы напрямую из английского языка;

- изменение орфографических норм (использование несвойственных нидерландскому языку новых буквосочетаний, а также отдельное написание сложных слов).

К экстралингвистическим фактам мы отнесли активный процесс проникновения в национальный язык англо-американских культурных реалий (как например, празднование Хэллоуина или Дня Святого Патрика), а также изменение сфер использования нидерландского и английского языков в голландском социуме. В последнем случае английский вытесняет нидерландский в сфере торговли, рекламы, Интернет коммуникации, высшего образования. В силу языковой моды в молодежном нидерландском сленге используется большое количество английских слов.

Следует учитывать то обстоятельство, что ни одна культура не развивается в изоляции от других культур, и язык, как один из ее важнейших составляющих, не может оставаться в стороне от этих процессов. Однако указанные выше факты, и в первую очередь, увеличение количества неассимилированных импортированных элементов в нидерландском языке не могут не вызывать тревогу за экологию данного языка.

Защитить национальный язык от негативного влияния в условиях глобализации возможно с помощью реализации специальных мер государственной языковой политики, как например, развития программы лингвистического консультирования, включающей в себя публичные консультации лингвистов для населения по широкому спектру вопросов языковой правильности. Другим способом может стать разработка коммуникативных норм речи или, другими словами, предписание языковых норм для конкретных ситуативно-коммуникативных условий. Практическую ценность имеет разработка специальных профессионально направленных словарей, которые бы регламентировали языковые нормы не для всех носителей языка, а для представителей отдельных профессий: учителей, врачей, юристов и т.д. Немаловажным является поддержка и развитие эколлингвистики как науки и применение результатов эколлингвистических исследований на практике, т.к. именно данное научное направление имеет потенциал к тому, чтобы установить баланс между глобальным и национальным языком.

Перспективы исследования связаны с дальнейшей разработкой лингвокультурологического и эколлингвистического подходов в неологии; сравнением понятийных сфер, характеризующихся активными процессами неологизации, на материале неблизкородственных языков; выявлением масштаба и последствий глобализации на другие национальные языки мира, а также с разработкой двуязычного лингвокультурологического словаря **НОВЫХ СЛОВ.**

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абросимова, Л.С. Словообразовательное поле отсубстантивных глаголов в современном английском языке [Текст]: глава коллективной монографии / Л.С. Абросимова // Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике. Научное издание. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 84-101.
2. Алаторцева, С.И. Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии [Текст] / С.И. Алаторцева, Ф.П. Сорокалетов // История русской лексикографии. – СПб, 1998. – С. 485-503.
3. Алиаскарова, Г.Ф. Сравнительный анализ неологизмов в русском и немецком языках [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук / Г.Ф. Алиаскарова. – Чебоксары, 2006. – 23 с.
4. Антипов, Г.А. Текст как явление культуры [Текст] / Г.А. Антипов, О.А. Донских. – Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1989. – 197 с.
5. Антюфеева, Ю.Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук / Ю.Н. Антюфеева. – Тула, 2004. – 26 с.
6. Артемова, И.Ю. Американские общественно-политические неологизмы и способы их перевода [Текст]: монография / И.Ю. Артемова. – LAP, 2012. – 72 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Ахренова, Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики [Текст] / Н.А. Ахренова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28) – С. 22-26.

9. Базарова, Л.В. К вопросу о соотношении языка и культуры [Текст] / Л.В. Базарова // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск, 2007. – С. 72-76.
10. Белозерова, Н. Н. Экология языка: концептуальные преобразования [Текст] / Н. Н. Белозерова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 109-115.
11. Березин, Ф.М. История лингвистических учений [Текст]: Учеб. пособие. 2-е изд. / Ф.М. Березин. – М.: Высш. школа, 1984. – 319 с.
12. Брагина, А.А. Неологизмы в русском языке [Текст] / А.А. Брагина. – М.: Просвещение, 1973. – 224 с.
13. Будагов, Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? [Текст]: 2-е изд., доп. / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет, 2000. – 304 с.
14. Будагов Р.А. История слов в истории общества [Текст]: 2-е изд. доп. / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет, 2004. – 256 с.
15. Бурлакова, М.В. Формирование и развитие культурологического аспекта словаря в английской национальной лексикографии [Текст]: монография / М.В. Бурлакова. – Шуя: изд-во ШГПУ, 2010. – 139 с.
16. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
17. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание [Текст]: Пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские Словари, 1997. – 416 с.
18. Верещагин, Е.М. Язык и культура [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
19. Виноградов, С.И. Русский язык эпохи НТР: споры, мнения, оценки [Текст] / С.И. Виноградов // Русская речь. – № 1. – 1986. – С. 11-20.
20. Виноградов, С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи [Текст] / С.И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 121–152.

21. Волошин, Ю.К. Новообразования и собственно неологизмы современного английского языка (опыт дифференциации новых слов) [Текст]: автореф. дисс... канд. фил. наук / Ю.К. Волошин. – М.: 1971. – 15 С.
22. Воробьев, В.В. Лингвокультурология [Текст] / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2008. – 340 с.
23. Воронцова, Е.А. Проблема языкового и культурного общения в цивилизации XXI в. [Текст] / Е.А. Воронцова // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск, 2007. – С. 61-64.
24. Габинская О. А. Антонимия как одна из причин возникновения лексических новообразований [Текст] / О.А. Габинская // Инновации на разных языковых уровнях: Сб. науч. трудов. – Рига, 1978. – С.135-145.
25. Гак, В.Г. Язык как форма самовыражения народа [Текст] / В.Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры: монография / под ред. М.Б. Ешич. – М.: Наука, 2000. – С. 54-68.
26. Гацалова, Л.Б. Принципы лексикографической репрезентации и языковой адаптации неологизмов [Текст]: монография / Л. Б. Гацалова. – Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2005. – 80 с.
27. Головин, Б.Н. Общее языкознание [Текст]: учеб. пособ. / Б.Н. Головин, Ф.М. Березин. – М.: Альянс, 2014. – 416 с.
28. Грицанов, А.А. Новейший философский словарь [Текст] / А.А. Грицанов. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
29. Гронская Н.Э. Глобализация с лингвистической точки зрения [Текст] / Н.Э. Гронская // Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3 (9). С.171-180.
30. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию [Текст]: Пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

31. Гуральник Т.А. «Американский образ жизни» в зеркале неологизмов: опыт концептуального анализа [Текст] / Т.А.Гуральник // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – №5/1 (45), Самара, 2006. – С.166-171.
32. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.
33. Жданова, Е. А. Лексикографическая фиксация неологизмов в словарях разных типов [Текст] / Е.А. Жданова // Вестн. Нижегородского ун-та. Сер. Филология. – 2012. – № 3 (1). – С. 388-392.
34. Жирмунский, В.М. Общее и германское языкознание [Текст] / В.М. Жирмунский. – М: Оникс, 2012. – 694 с.
35. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка [Текст] / В.И. Заботкина. М.: «Высшая школа», 1989. – 126 с.
36. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии [Текст] / В.И. Заботкина // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Калининградского ун-та. – Калининград, 1999. – С. 3-9.
37. Звегинцев, В.А. Очерки по общему языкознанию [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Либроком, 2009. – 327с.
38. Ильинова, Е.Ю. Эколингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса [Текст] / Е.Ю. Ильинова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2010. – № 2 (12). – С. 168-176.
39. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация [Текст] / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58-69.
40. Ионова, С.В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт [Текст] / С.В. Ионова

- // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 86-93.
41. Кабакчи В.В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация [Текст] / В.В. Кабакчи // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век: сб. статей – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – С. 91-114.
  42. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла [Текст]: монография / Карасик В.И. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 421 с.
  43. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры [Текст]: монография / Карасик В.И. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 448 с.
  44. Карпова, О.М. Словари нового столетия: поиски и решения [Текст] / О.М. Карпова // Лексика и лексикография: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. – Вып.12. – С. 23-27.
  45. Карпова, О.М. О создании учебного культуроведческого словаря британского варианта английского языка [Текст] / О.М. Карпова, М.В. Бурлакова // Вестн. МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2005. – №2. – С. 84-90.
  46. Карцевский С.И. Язык, война и революция [Текст] / С.И. Карцевский // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. Т. II. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
  47. Каплина, М.М. Обусловленность процесса авторских новообразований [Текст] / М.М Каплина // Методы изучения системы эволюции языка. Свердловск, 1988. – С. 27-32.
  48. Катлинская, Л.П. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке [Текст]: учеб. пособие для вузов / Л. П. Катлинская. – М.: Высшая школа, 2009. – 173 с.
  49. Кашкин, В.Б. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации [Текст] / В.Б. Кашкин // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 246-252.

50. Кашкин, В.Б. Информировать или организовывать в чём основная функция языка? [Текст] / В.Б. Кашкин // Лингвистика речи. Медиа стилистика: колл. монография, посв. 80-летию проф. Г.Я.Солганика. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 165-174.
51. Козырев, В.А. Русская лексикография [Текст]: пособие для вузов / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
52. Колесникова, М.С. Семантические категории в лингвокультурологическом словаре [Текст] / М.С. Колесникова // Актуальные проблемы германистики. – Вып.3. – Смоленск: СПГУ, 2000. – С.47-52.
53. Колокольцева, Т.Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка [Электронный ресурс] / Т.Н. Колокольцева // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2011. № 4 (14). Декабрь. URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 01.04.2014)
54. Комаров, В.Г. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка [Текст]: автореф. дис... канд. филолог, наук / В.Г. Комаров. – Краснодар, 2007. – 22 с.
55. Коржакова, М.А. Мультилингвизм в образовательной политике Евросоюза [Текст] / М.А. Коржова // Образование и воспитание. – 2010. – № 9. – С. 72-75.
56. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст]: 3-е изд., испр. и доп. / В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 319 с.
57. Котелова, Н.З. Первый опыт описания русских неологизмов [Текст] / Н.З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – М., 1982. – С. 5-25.

58. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст]: монография / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
59. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва [Текст] / М.А. Кронгауз. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 232 с.
60. Кронгауз, М.А. Язык и коммуникация: новые тенденции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/03/19/communication/> (дата обращения: 12.02.2014).
61. Кубрякова, Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4-10.
62. Кузнецова, Н.И. Терминологизация общенародной лексики (на материале глагольной лексики в научно-технических текстах по радиоэлектронике) [Текст] / Н.И. Кузнецова // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 96–99.
63. Куликова, И.С. Представление в содержании слова [Текст] / И.С. Куликова // Языковые значения. Л., 1976. – 121 с.
64. Латина О.В. Экспрессивная функция языка [Текст] / О.В. Латина // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности: сб. научн. трудов. – М.: Наука, 1991. – С. 37-58.
65. Леонтович, О.А. Практикум по лексикологии английского языка [Текст]: учебное пособие / О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2005. – 40 с.
66. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований [Текст]: монография / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
67. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения [Текст] / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 392 с.

68. Лыков, А.Г. Окказиональное слово и языковая норма [Текст] / А.Г. Лыков // Русский язык в школе. – 1972. – № 6. – С. 17-20.
69. Маринова Е.В. Теоретические основы неологии и их освещение в современной научной литературе [Текст] / Е.В. Маринова // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посв. 90-летию проф. Б.Н. Головина. – Н.Новгород, 2006. – С. 249-251.
70. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях [Текст] / А. Мартине. - М.: Книга по Требованию, 2013. – 263 с.
71. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2004. – 204 с.
72. Милованова, М.В. Эколингвистический мониторинг состояния русского языка в полиэтническом регионе как эффективное средство языковой политики [Текст] / М.В. Милованова, Е.В. Терентьева // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона. – Москва-Саранск: Изд-во Про 100 Медиа, 2013. – С. 93-103.
73. Милованова, М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении [Текст]: монография / М.В. Милованова; науч. ред. В. И. Карасик. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2007. – 406 с.
74. Москвин, В.П. Краткий идеографический словарь сочетаемости [Текст] / В.П. Москвин. – Киев: КГПИЯ, Центр славистики, 1993. – 256 с.
75. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка [Текст]: Изд. 4-е / В.П. Москвин. – М.: УРСС, 2010. – 264 с.
76. Мусорин, А. Ю. О содержании понятия "мёртвые языки" [Текст] / А.Ю. Мусорин // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 3-6.

77. Немищенко, Г.П. Язык и культура в истории этноса [Текст] / Г.П. Немищенко // Язык – культура – Этнос. – М., 2004. – С. 12-19.
78. Несветайло, Ю.Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка [Текст]: автореф. дис... канд. филол. наук / Ю.Н. Несветайло. – Ставрополь, 2010. – 19 с.
79. Огородникова, Е.С. Лингвокультурологические аспекты разносистемных неологических единиц второй половины XX века начала XXI века [Текст]: автореф. дисс... канд. филол. наук / Е.С. Огородникова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – 19 с.
80. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса [Текст]: монография / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
81. Османова, И.В. English Through a Magnifying Glass [Текст]: учеб.-метод. пособие по формированию лексической компетенции на материале лексики с национально-культурной семантикой в обучении чтению (английский язык) для студентов начального этапа лингвистического образования / И.В. Османова. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. – 93 с.
82. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский // Изд. 8-е. Серия «Лингвистическое наследие XX века». М.: Либроком, 2001. – 432 с.
83. Петрушова, О.Л. Учебные словари в межкультурной коммуникации [Текст]: автореф. дисс... канд. филол. наук / О.Л. Петрушова. – Ярославль, 2009. – 20 с.
84. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию [Текст] / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1991. – 624 с.
85. Полухина, П. А. Основные модели образования неологизмов в современном английском языке [Текст] / П. А. Полухина // Известия СПбГЭТУ "ЛЭТИ". – 2012. – № 8. – С.136-141.

86. Полянский, В.С. Историческая память в этническом сознании народов [Текст] / В.С. Полянский // Социол. исслед. 1999. – №3. – С. 11-20.
87. Попова, Т.В. Русская неология и неография [Текст]: учеб. текстовое издание / Т.В. Попова. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2005. – 96 с.
88. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 270 с.
89. Радченко, М. Словообразовательные неологизмы в современном русском и хорватском языках [Текст] / М. Радченко // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 140-144.
90. Райхштейн, А. Д. Национально культурный аспект интеркоммуникации [Текст] / А.Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. 2007. – № 5. – С. 3-8.
91. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык [Текст] / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 528 с.
92. Розенталь, Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов [Текст] / под ред. Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой. – Минск: Оникс, 2008. – 624 с.
93. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке [Текст] / Е.В. Розен. М.: Менеджер, 2000. – 192 с.
94. Розова, Е.В. Причины и условия появления инноваций в украинском языке конца XX – начала XXI веков (на материале отыменных существительных – названий лиц) [Текст] / Е.В. Розова // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: мат. междунар. науч. конф, МГУ, 2003. – С. 214 – 220.
95. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый [Текст] / И.С. Брылева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
96. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики [Текст] / В. М. Савицкий. – М.: Гнозис, 2006. – 206 с.

97. Сенько, Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект [Текст]: монография / Е.В. Сенько. – СПб: Наука, 2007. – 355 с.
98. Сердобинцева, Е. Н. Законы общей экологии и язык [Текст] /Е.Н. Сердобинцева // Экология русского языка: материалы 1-й Всерос. науч. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2008. – С. 4-5.
99. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление [Текст] / Б. А. Серебренников. – М.: Либроком, 2010. – 284 с.
100. Серова И. Г. Языковая политика в эпоху глобализации [Текст] / И.Г. Серова // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник материалов Международной научной конференции. СПбГЭУ, 2013. – С. 157-161.
101. Сиротинина, О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски [Текст]: монография / О.Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. – 116 с.
102. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст]: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
103. Смирнова, О.А. Французский язык в современном мире [Текст] / О.А. Смирнова // Вестн. Нижегородского ун-та. Сер. Филология. – 2004. – № 4 (2). – С. 242-249.
104. Солженицын, А.И. Слово при получении Большой Ломоносовской Медали Российской Академии Наук [Текст] / А.И. Солженицын // Вестник истории естествознания и техники. – 1999. – №3. – С. 1-11.
105. Солнышкина, М.И. Тезаурус профессионального подязыка и его пополнение [Текст] / М.И. Солнышкина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 57-61.

106. Солнышкина, М.И. Аспекты иерархии и некоторые проблемы теоретизации экологического знания [Текст] / М.И. Солнышкина [и др.] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 1. – С. 178-188.
107. Соловьева, Н.В. Особенности лексической антонимии (на материале английского языка) [Текст]: монография / Н. В. Соловьева. – М.: МГОУ, 2012. – 115 с.
108. Солодовникова, Н.Г. Терапевтическая функция языка как проблема эколлингвистики [Электронный ресурс] / Н.Г. Солодовникова, В.И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2009. – Т.2. – №15. – С. 26-34. URL: http://tverlingua.ru/archive/015/3_15.pdf (дата обращения: 12.03.2014).
109. Солодовникова, Н.Г. Экологичность стилистики публичного общения [Электронный ресурс] / Н.Г. Солодовникова, В.И. Шаховский // Медиаскоп. – Выпуск № 2. – 2012. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1117> (дата обращения: 23.04.2014).
110. Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Либроком, 2011. – 256 с.
111. Скворцов, Л. И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи [Текст] / Л.И. Скворцов. – М.: Просвещение, 2009. – 158 с.
112. Сковородников, А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления [Текст] / А. П. Сковородников // НДВШ. Филологические науки. –1996. – № 2. – С. 64-69.
113. Степанов, Ю.С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике [Текст] / Ю.С. Степанов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М. – Калуга: Эйдос, 2007. – С 19-26.
114. Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – М.: АСТ, 2010. – 314 с.

115. Тарасов, Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы [Текст] / Е.Ф. Тарасов // Язык – культура – Этнос. – М., 2004. – С. 43-50.
116. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]: Учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
117. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур [Текст]: Учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 344 с.
118. Тогоева, С.И. Психолингвистические проблемы неологии [Текст]: монография / С.И. Тогоева. – Тверь: ТГУ, 2000 а. – 155 с.
119. Тогоева, С.И. Современная лексикография и новые единицы номинации [Текст]: монография / С.И. Тогоева. – Тверь: ТГУ, 2000 б. - 147 с.
120. Тишина, Н.В. Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / Н.В. Тишина. – М., 2006. – 22 с.
121. Тищенко, С.В. Концептуальная модель современного англоязычного общества в зеркале неонимации [Текст] / С.В. Тищенко // Университетские чтения – 2010. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть XI. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – С. 23-28.
122. Торопцев, И.С. Словопроизводственная модель [Текст] / И.С. Торопцев. – Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1980. – 148 с.
123. Тропина, И.А. Наречия-инновации: лингвопрагматический аспект [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / И.А. Тропина. – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.
124. Тульнова, М.А. Социолингвистическая коннотация слова и иллюстративная фразеология [Текст] / М.А. Тульнова // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 125-131.

125. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография [Текст] / Н. И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64-73.
126. Фомина, М.Д. Современный русский язык. Лексикология [Текст] / М.Д. Фомина. – М.: Высш. шк, 2001. – 415 с.
127. Хахам Л.А. Основные типы новообразования в современном английском языке и способы их перевода на русский язык [Текст]: дис... канд. филол. наук / Л.А. Хахам. – М., 1967. – 252 с.
128. Химик В. В. Государственный язык российской федерации: языковая норма и ценностные ориентиры русской речи [Текст] / В.В. Химик // Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» [Под ред. С.И. Богданова]. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. – С. 5-15.
129. Хохлачева, В. Н. Проблема словообразовательного значения (к понятию нормы в словообразовании) [Текст] / В. Н. Хохлачева // Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – С. 5-41.
130. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2009. – № 12 (90). – С. 169-171.
131. Шамне, Н. Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении [Текст] / Н. Л. Шамне. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 392 с.
132. Шамне, Н.Л. Теоретические основы построения алгоритма эколлингвистического мониторинга [Текст] / Н.Л. Шамне, А.Н. Шовгенин // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2010. – № 2 (12). – С. 153–161.
133. Шамне, Н.Л. Эколлингвистическое исследование языкового пространства полиэтнического региона [Текст] / Н.Л. Шамне //

- Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета, 2011 а. – № 8. – С.143-146.
134. Шамне, Н.Л. Эколингвистика [Текст]: учеб. пособие / Н.Л. Шамне, А.Н. Шовгенин. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2011 б. – 92 с.
135. Шамне, Н.Л. Социоллингвистическое пространство региона и проблемы глобализации [Текст] / Н.Л. Шамне // Сб. мат. междунауд. науч.-теоретич. Конф. "Язык и глобализация", Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2013 г. – С. 66-69.
136. Шамне, Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации [Текст]: учеб. пособие. 3-е издание, пересм. / Н.Л. Шамне. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. – 200 с.
137. Шанский, М.Н. Лексикология современного русского языка [Текст] / М.Н. Шанский. – М.: ЛКИ, 2007. – 304 с.
138. Шаховский, В.И. Методика лингвистических исследований [Текст]: учеб.-метод. пособие для соискателей, аспирантов, магистрантов / В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2010. – 123 с.
139. Шаховский В.И. Речь вокруг нас: эмотивная лингвоэкология [Текст] // В.И. Шаховский // Стратегия России. 2011. – № 2 (86). – С. 65-72.
140. Шведова, Н.Ю. Русский язык. Избранные работы [Текст] / Н.Ю. Шведова – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 64 с.
141. Шевченко, Г.И. О неточном калькировании и полукальках [Текст] / Г.И. Шевченко // *Studia philologica*. – 2002. – Вып. 5. – С. 14-23.
142. Шелестюк Е.В. Английский язык как инструмент вестернизации [Текст] / Е.В. Шелестюк // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сб. мат. II Международной научной конференции. Челябинск, 2013. – С. 143-151.

143. Шляхов, В.И. Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве [Текст] / В.И. Шляхов, А.Л. Никонов // Пространство И Время. – 2011. – № 4. С. 138-144.
144. Юмшанова Е.В. Принципы отбора и лексикографической обработки неологизмов в словарях новых слов английского языка [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / Е.В. Юмшанова. – Иваново, 2004. – 20 с.
145. Яновский, Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность [Текст] / Р.Г. Яновский. – М.: Академия, 1999. – 357 с.
146. Ярцева, В. Н. О судьбах языков в современном мире / В.Н. Ярцева // Изв. АНСЛЯ. – Т.52. – 1993. – С. 4-9.
147. Abrams, K.D. The people within the dictionary // American speech: a quarterly of linguistic usage. – Durham: Duke University Press. – Vol. 88, 2013. – 126 p.
148. Ayto, J. Movers and Shakers: A Chronology of Words that Shaped our Age / Jh. Ayto. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 251 p.
149. Baalen, C.C. van. Koningin Beatrix aan het woord. 25 jaar troonredes, officiële redevoeringen en kersttoespraken / C.C. van Baalen, A.S. Bos, A.S., J.W.L Brouwer. – Den Haag : Sdu Uitgevers, 2005. – 529 p.
150. Backus, A. Turkish-Dutch code-switching and the frame process model // Immigrant Languages in Europe / ed. by L. Verhoeven. – Bristol: Multilingual Matters, 1993. P. 223-300.
151. Bang, J.Cr., Language, ecology, and society: a dialectical approach. – London: Continuum, 2007. – 232 p.
152. Barnhart, K. R. Some thoughts about neologisms before starting BDNE IV /K.R.Barnhart// Dictionaries. Neology Forum, 1995. – V.16. P. 50-63.

153. Besamusca E. *Discovering the Dutch: On Culture and Society of the Netherlands*. Amsterdam / E. Besamusca, J. Verheul. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – 304 p.
154. Berteloot, A. *Dutch* / A. Berteloot, N. van der Sijs // *English in Europe*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 37-57.
155. Bezooijen, R. van. *De uitspraak van uitheemse woorden in het Standaard-Nederlands: Een verkennende studie* / R. van Bezooijen, M. Gerritsen // *De Nieuwe Taalgids*. – 1994. – No 87. P. 145-60.
156. Bishop, A.J. *Western mathematics: the secret weapon of cultural imperialism* // *Race Class*. – 1990. – 32 (51). P. 51-67.
157. Booij, G. *English as the lingua franca of Europe. A Dutch perspective* // *Lingua e Stile*. – 2001. – No 36. P. 351-361.
158. Booij, G. *Yearbook of Morphology 2003* / G. Booij, J. van Marle. – New York: Springer, 2010. – 279 p.
159. Bot, K. de. *Nederlands en Engels kunnen goed naast elkaar bestaan* // *Taalschrift*. – 1997. I (28). P. 28-29.
160. Bramson B.A. *Dear Henry. Letters from the Lowlands*. – Lafayette: White Boucke Publishing, 2002. – 158 p.
161. Bucholtz, M. *Language and Identity* / M. Bucholtz, K. Hall // *A Companion to Linguistic Anthropology*. – Oxford: Blackwell, 2003. P. 369-394.
162. Cancho, R.F. *Least effort and the origins of scaling in human language* // *PNAS*. – 2003. – Vol. 100. – No. 3. P. 788–791.
163. Cenoz, J. *English in Europe: The Acquisition of a Third Language* / J. Cenoz, U. Jessner. – Bristol: Multilingual matters, 2000. – 264 p.
164. Citigroup. *2012 annual report* / ed. by Pandit V.S. San Antonio, 2012. – 320 p.
165. Chomsky, N. *Three Factors in Language Design* // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36, No. 1. – 2005. P. 1-22.

166. Chomsky, N. *Language and Mind*. – Cambridge University Press, 2006. – 190 p.
167. Claus, P. *De infiltratie van Engelse (leen) woorden in het Nederlands en in Nederlandse woordenboeken* / P. Claus, J. Taeldeman // *Album Moors*, 1989. P. 11-30.
168. Cohen H. *Coca versus Cola: Verschillen tussen Nederland en België in het gebruik van Engelse leenwoorden*. – Dordrecht: De Nieuwe Taalgids, 1996. P. 145-160.
169. Cook, C. P. *Exploiting linguistic knowledge to infer properties of neologisms* / C. P. Cook. – Toronto: University of Toronto, 2010. – 154 p.
170. Cooper, R.L. *Language Planning and Social Change*. – Cambridge University Press, 1996. – 312 p.
171. Coupland, D. *Generation X: Tales for an Accelerated Culture*. – London: Abacus, 2000. – 192 p.
172. Croft, W. *Social evolution and language change*. – Manchester: University of Manchester, 2007. – 39 p.
173. Crystal, D. *Language Death*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 198 p.
174. Crystal, D. *Language and the Internet*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 304 p.
175. Deumert, A. *Language standardization and language change: the dynamics of Cape Dutch*. – Amsterdam: John Benjamins B.V., 2004. – 361 p.
176. Dijk T.A. van. *Discourse and power*. – Houndsmills: Palgrave, 2008. – 308 p.
177. Donaldson B. *Dutch. A linguistic history of Holland and Belgium*. – Leiden: Martinus Nijhoff, 1983. – 261 p.

178. European Constitution: Post-referendum survey in France / ed. by Directorate-General Press and Communication of the European Commission. – Brussels, 2005. – 89 p.
179. Eurobarometer interactive search system [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/index_en.cfm (дата обращения: 01.03.2014).
180. Fill, A. Language and ecology: ecolinguistics perspectives for 2000 and beyond // *Applied linguistics for the 21st century*. – London: Catchline, 2001. P. 60-76.
181. Finke, P. The ecology of science and its consequences for the ecology of language // *Language Sciences, Volume 41, Part A*, 2014. P. 71-82.
182. Flavell, L. The chronology of words and phrases. A thousand years in the history of English / L. Flavell, R. Flavell. – London: Kyle Books, 2001. – 316 p.
183. Forgue, G. Neologisms in American English since 1945: Indicators of Cultural Change. In: R.R.K.Hartmann, *Dictionaries and their users. Papers from the 1978 B.A.A.L. Seminar on Lexicography*, 1979. P. 127-134.
184. Gerritsen, J. Dutch in contact with English // *English in contact with other languages*. – Budapest: Akademiai Kiado, 1986. P. 51-64.
185. Gerritsen, M. English in Dutch commercials: Not understood and not appreciated / M. Gerritsen, H. Korzilius, F. Meurs // *Journal of Advertising Research*. 2000. № 40(4). P. 17-31.
186. Goldman Sachs. Annual Report 2000 / ed. by Paulson H. M. – New York, 2000. – 88 p.
187. Gorlach, M. A dictionary of European anglicisms. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 352 p.
188. Gozzi R., Jr. *New Words and a Changing American Culture* / Raymond Gozzi, Jr. // University of South Carolina Press. 1990. – 124 p.

189. Green, J. Neologisms. New words since 1960. – London: Bloomsbury Publishing Plc, 1994. – 339 p.
190. Grezel J. E. Ouwe bokken zijn heel heimelijk // Onze Taal. – Vol. 12, 2013. P. 12-45.
191. Gries, S. Th. Behavioral Profiles: a fine-grained and quantitative approach in corpus-based lexical semantics. The Mental Lexicon 5(3). John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 323-346.
192. Groenendijk, K. Legal concepts of integration in EU migration law // European Journal of Migration and Law. – 2004. – Vol. 6, No. 2. P. 111-126.
193. Graddol, D. The Future of Language // Science Magazine, Vol. 303. – 2004. P. 1329-1331.
194. Gumperz, J.J. Discourse strategies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 131 p.
195. Haugen E. I. The Ecology of Language. – Redwood City: Stanford University Press, 1972. – 366 p.
196. Haugen, E. The Ecology of Language / E. Haugen // The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P.Mühlhäusler. – New York: Continuum, 2001. P. 57-66.
197. Hilgers, L. Lol :). – Veghel: ImageBooks Factory B.V., 2008. – 52 p.
198. Hitchings, H. The Language Wars: A History of Proper English. – New York: FSG, 2011. – 391 p.
199. House, J. English as a lingua franca: A threat to multilingualism? // Journal of Sociolinguistics. – 2003. Vol. 7, Issue 4. P. 556-578.
200. International Migration Outlook // OECD Publishing, 2013. URL: <http://www.oecd.org/els/mig/imo2013.htm> (дата обращения 1.03.2014).
201. Iriye, A. Cultural internationalism and world order. – Johns Hopkins University Press, 1997. – 212 p.
202. Jespersen, O. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. – Oslo: H.Aschehoug & Co, 1925. – 221 p.

203. Kempen, Y. van. Taal mixen is dope, is basis, is spang. Straattaal van Amsterdamse jongeren // *Ons Erfdeel*. – 2000. No 43(3). P. 331-338.
204. Koenen, L. Peptalk: De Engelse woordenschat van het Nederlands / L. Koenen, S. Rik. – 2nd edn. – Amsterdam: Nijhoff en Van Dijk, 1992. – 188 p.
205. Kramsch, C. Language Ecology in Multilingual Settings. Towards a Theory of Symbolic Competence // *Applied Linguistics*. – 2008. – No 29 (4). P. 645-671.
206. Lee, B. Talking Heads: Language, Metalanguage, and the Semiotics of Subjectivity. – Duke University Press Books, 1997. – 392 p.
207. Liberman, A. Word origins ...and how we know them. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 325 p.
208. Lightfoot, D. The development of language: Acquisition, change, and evolution. – Malden: Blackwell Publishers, 1998. – 257 p.
209. Linfoot-Ham, K. The linguistics of euphemism: a diachronic study of euphemism formation // *Journal of Language and Linguistics*. Vol. 4 No. 2. – Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 227-263.
210. Mair, C. Twentieth-Century English: History, Variation and Standardization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 264 p.
211. Marle, J. American 'Leeg Duits' ('Low Dutch') – a Neglected Language // *Global Eurolinguistics: European Languages in North America: conference papers*. – Utrecht: igitur, 2001. P. 79-101.
212. McLelland, N. Linguistic Purism, Protectionism, and Nationalism in the Germanic Languages Today // *Journal of Germanic Linguistics*. – 2009. – Vol. 21, Issue 02. P. 93-112.
213. Metcalf, A. Predicting New Words / A. Metcalf. – Boston: Houghton Mifflin Company, 2002. – 187 p.
214. Meys, W. Morphemic make-up and lexical dynamics // *Linguistic studies offered to B. Siertsema*. – Amsterdam: Rodopi, 1980. P. 195-204.

215. Milroy, J. Internal vs external motivations for linguistic change // *Multilingua*, Vol.16, Issue 4. – 1997. P. 212-228.
216. Muhlhausler P. *Language of Environment, Environment of Language. A course in Ecolinguistics.* – London: Battlebridge, 2003. – 228p.
217. Nejari, W. Responses to Dutch-accented English / W. Nejari, M. Gerritsen, M. van der Haagen // *World Englishes.* – 2012. – Vol. 31(2). P. 248-268.
218. Oostdijk, N. *The Spoken Dutch Corpus. Overview and first Evaluation.* – Nijmegen: niversity of Nijmegen, 2000. – 114 p.
219. Payack, JJ. P. *A million words and counting. How global English is rewriting the world.* – New York: Citadel, 2008. – 224 p.
220. Pennycook, A. *Language policy and the ecological turn // Language policy* 3(3), 2004. P. 213-239.
221. Phillipson R. *Linguistic imperialism continued.* – New York: Routledge, 2009. – 288 p.
222. Piller, I. Advertising as a site of language contact // *Annual Review of Applied Linguistics.* – 2003. No 23. P. 170-183.
223. Posthumus, J. *A description of a corpus of anclicisms.* – Groningen: Anglistisch Instituut, 1986. 378 p.
224. Posthumus, J. *De uitspraak van Engelse leenwoorden // Onze Taal.* – 1989. – No 57. P. 112-113.
225. Qiang, N. *China and Chinese, or Chingland and Chinglish? / N. Qiang, M. Wolff // English Today*, Vol. 19, Issue 02. – 2003. P. 9-11.
226. Raskin, V. *Semantic Mechanisms of Humor.* – Dordrecht: Reidel, 1985. – 284 p.
227. Rijkens, M. *We always get our sin too. Tips om bizar Engels te vermijden.* – Amsterda: Prometheus, 2010. – 155 p.
228. Robertson R. *Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civilizations Review.* – 1987. – Vol.17. P. 20-30.

229. Rot, S. Telescoping in Present-Day English // *Etudes Finno-Ougriennes*. – Vol.15. – 1978. P. 301-309.
230. Sanders, E. *Nooit meer uitslapen. Kleine kroniek van het moderne gezinsleven*. – Amsterdam: Veen, 2010, 10de herziene editie. – 144 p.
231. Schama S. *The Embarrassment of riches: an interpretation of Dutch culture in the Golden Age*. London: University of California Press, 1988. – 698 p.
232. Schatz H.F. Code-switching or borrowing? English elements in the Dutch of Dutch-American immigrants // *ITL International Journal of Applied Linguistics*. – No. 83 (84). – 1989. P. 125-162.
233. Schmid, H. *New Words in the Mind: Concept-formation and Entrenchment of Neologisms* // *Anglia - Zeitschrift für englische Philologie*. Vol. 126, Issue 1. – 2008. P. 1–36.
234. Shohat, E. *Unthinking Eurocentrism: Multiculturalism and the Media* / E. Shohat, R. Stam. – New York: Routledge, 2013. – 354 p.
235. Sijs, N. van. *Pseudiontleningen* // *Onze Taal*. – 1994. – No 63(5). P. 99-101.
236. Sijs, N. van. *Leenwoordenboek: de invloed van andere talen op het Nederlands*. – Hague: Sdu Uitgeven, 1996. – 167 p.
237. Sijs, N. van. *Loanwords in the World's Languages* // *A Comparative Handbook*. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2009. P. 338-360.
238. *Statistical yearbook 2013* / ed. by G. van der Veen // *Statistics Netherlands*. – Hague, 2013. – 246 p.
239. Štekauer, P. *On the Theory of Neologisms and Nonce-formations* // *Australian Journal of Linguistics*. Vol. 22, Issue 1. – 2002. P. 48-62.
240. Tolkien, J.R.R. *The Hobbit*. – London: HarperCollins Publishers Ltd, 2013. – 384 p.
241. Toonder, M. *De zonnige kijk*. – Amsterdam: Bezige Bij, 2013. – 92 p.

242. Ungerer, F. *An Introduction to Cognitive Linguistics* / F. Ungerer, H. Schmid. – 2 ed. – New York: Routledge, 2006. – 348 p.
243. White, C. *The UnDutchables. An observation of the Netherlands: its culture and its inhabitants* / C. White, L. Boucke. – Lafayette: White Boucke Publishing, 2010. – 308 p.
244. Wilder, C. *The Role of Economy Principles in Linguistic Theory* / C. Wilder, H. Gärtner, M. Bierwisch. – Berlin, Akademie Verlag, 1997. – 298 p.
245. Wolf, H. *Methoden om een vreemde taal te leren // Algemene en toegepaste taalkunde.* – Leeuwarden: Instituut Educatie en Communicatie NHL, 2007. P. 66-77.
246. Weltens, B. *The Bilingual Lexicon* / B. Weltens, R. Schreuder. – Amsterdam: John Benjamins, 1993. – 327 p.
247. Young, T. *Communication, discourses and interculturality* / T. Young, P. Sercombe // *Language and Intercultural Communication.* Vol. 10, Issue 3. – 2010. P. 115-132.
248. Zandvoort, R.W. *English in the Netherlands: a study in linguistic infiltration.* – Groningen: J.B. Wolters, 1964. – 88 p.
249. Zenner, E. *The borrowability of English. An onomasiological approach to the use of anglicisms in Dutch* / E. Zenner, D. Speelman, D. Geeraerts. – Boston: Lirias, 2011. – 61 p.
250. Zenner, E. *Cognitive Sociolinguistics meets loanword research: Measuring variation in the success of anglicisms in Dutch* / E. Zenner, D. Speelman, D. Geeraerts // *Cognitive Linguistics.* – 2012. – Vol. 23. Issue 4. P. 749-792.
251. Zima, P. *Jazyk a kultura// Slovo a slovesnost.* – 1978. – №5. P. 84-88.
252. Zimmer Dieter E. *Deutsch und anders. Die Sprache im Modernisierungsfieber.* – Hamburg: Rowohlt Verlag, 1997. – 382 p.

253. Zwarts, F. Rethinking the neurological basis of language / F. Zwarts, L.A. Stowe, M. Haverkort // *Lingua* 115. – Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 997-1042.

Лексикографические и справочные источники и принятые сокращения

Жизнь и культура США. Лингвострановедческий словарь [Текст]: 2-е изд. / О.А. Леонтович, Е. И. Шейгал. – Волгоград: Станица-2, 2000. – 416 с.

Нидерланды: опыт лингвострановедческого словаря [Текст] / И.Б. Братусь. – СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 251 с.

ODE – Oxford Dictionary of English / ed. by A. Stevenson. – OUP Oxford, 2010. – 2112 p.

ODNW – Oxford Dictionary of New Words / ed. by S. Tulloch, E. Knowles, J. Elliott. – Oxford: Oxford University Press; new ed. of 2 revised ed., 1999. 366 p.

DTVJ – De taal van het jaar / ed. by E. Sanders. – Amsterdam-Antwerpen: Uitgeverij L.J. Veen, 2001. 145 p.

DTVJ – De taal van het jaar / ed. by E. Sanders. – Amsterdam-Rotterdam: Uitgeverij Prometheus, 2003. 97 p.

DTVJ – De taal van het jaar / ed. by E. Sanders. - Amsterdam -Rotterdam: Uitgeverij Prometheus, 2004. 129 p.

EWN – Etymologisch Woordenboek van het Nederlands / ed. by M. Philippa, F. Debrabandere, A. Quak. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. 2824 p.

GWNT – Groot woordenboek der Nederlandse taal / ed. by C. A. den Boon, D. Geeraerts. – Utrecht-Antwerpen: Van Dale lexicografie, 2005. - 4464 p.

LDEL – Longman Dictionary of English Language and Culture / ed. by A.L. Bishop. – London: Longman; Far East Ed edition, 1993. 1600 p.

TBDNE – Third Barnhart dictionary of new English / ed. by K.R. Barnhart, S. Steinmetz, C.L. Barnhart. - New York: Hw Wilson Co, 1990. 592 p.

TCW – Twentieth Century Words / ed. by J. Ayto. - Oxford University Press, 1999. – 640 p.

TJNW – Tien Jaar Nieuwe Woorden / ed. by E. Sanders. – Amsterdam: NRC Boeken, 2009. – 239 p.

WVN – Woordenboek van neologismen / ed. by M. de Coster. - Amsterdam-Antwerpen: Uitgeverij Contact, 1999. 728 p.

Websites

<http://www.wordspy.com/>

<http://www.nlterm.org/neoterm/index.htm>

<http://www.oxforddictionaries.com/>

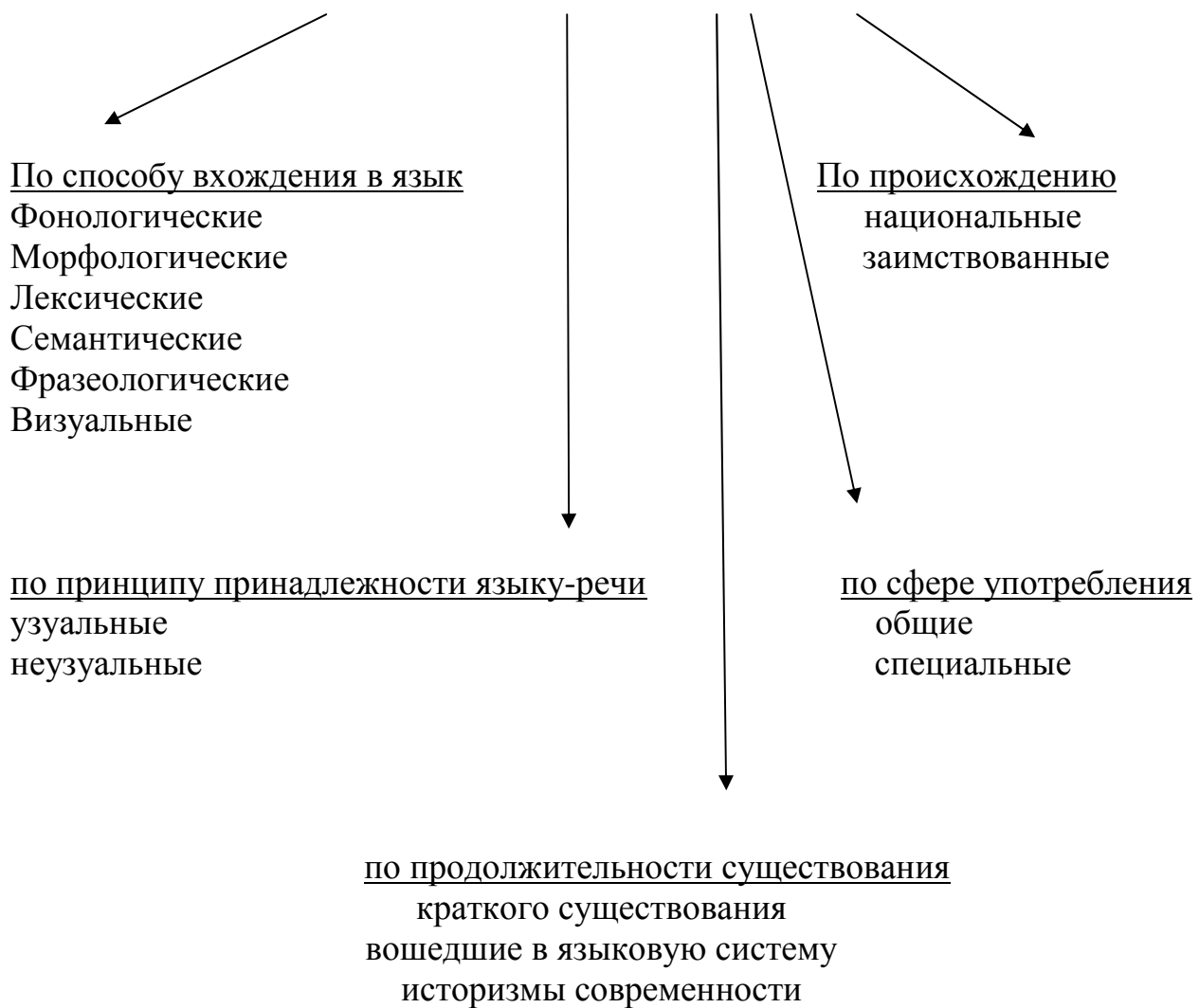
<http://www.groene.nl/home>

<http://www.vandale.nl/>

www.vandale.nl/nieuwewoorden/2013

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1. Типология неологизмов на материале нидерландского и английского языков

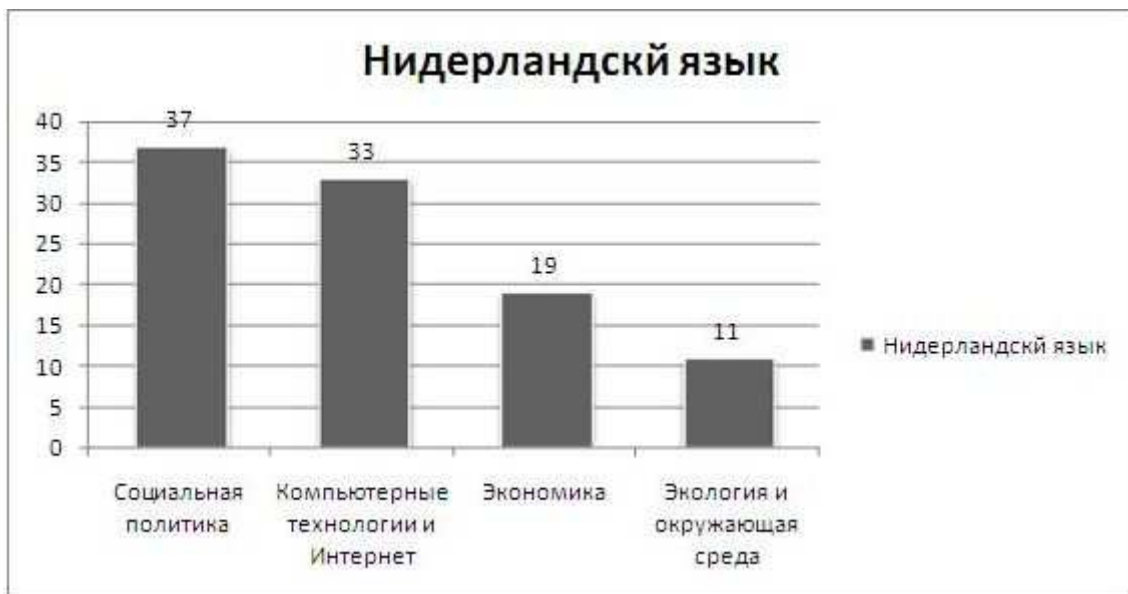

Приложение 2. Понятийные сферы английского и нидерландского языков с наибольшим количеством неологизмов

а) английский язык

б) нидерландский язык

Приложение 3. Содержание понятийных сфер английского и нидерландского языков с наибольшим количеством неологизмов

Английский	Нидерландский
<p>1. Общество и человек (41%)</p> <ul style="list-style-type: none"> - наименования человека (12.4%) - жизненные стадии человека (11.8%) <ul style="list-style-type: none"> - образ и стиль жизни (9.9%) - взаимоотношения (4.6%) - процессы и результаты урбанизации (1.5%) <ul style="list-style-type: none"> - образование (0.8%) 	<p>1. Социальная политика (37%)</p> <ul style="list-style-type: none"> - социальная защита (19.8%) - миграционная политика (17.4%) <ul style="list-style-type: none"> - работа (4.4%)
<p>2. Человек и культура (29%)</p> <ul style="list-style-type: none"> - массовая культура (13.7%) - СМК и общественная лексика (13%) <ul style="list-style-type: none"> - спорт (2%) - искусство (0.3%) 	<p>2. Компьютерные технологии и Интернет (33%)</p> <p>31% заимствованной лексики из английского языка</p>
<p>3. Техника и сфера науки (21%)</p> <ul style="list-style-type: none"> - информационные технологии (14%) <ul style="list-style-type: none"> - экология (5%) - психология (2%) 	<p>3. Экономика (19%)</p> <ul style="list-style-type: none"> - финансовый кризис (8.5%) - инновации в сельском хозяйстве (6.3%) <ul style="list-style-type: none"> - Европейский Союз (4.2%)
<p>4. Экономика (9%)</p> <ul style="list-style-type: none"> - Экономический кризис (4.4%) - Курс отдельного политика (3.7%) - информационные технологии в экономике (0.9%) 	<p>4. Окружающая среда и экология (11%)</p> <ul style="list-style-type: none"> - борьба с наводнениями (0.7%) - мероприятия по улучшению состояния окружающей среды (10.3%)

Приложение 4. Анкета. Значение неологизмов

Questionnaire

Meanings of neologisms

Explain what you understand by the following neologisms:

Neologisms	Meaning
1) oprahization	
2) brandalism	
3) selfie	
4) sightjogging	
5) lifestreaming	
6) cinematherapy	
7) spin doctor	
8) one-handed food	
9) ecotourism	
10) umbrella	

Приложение 5. Изменение нидерландского языка под влиянием продвижения английского языка и глобализационных процессов

Уровень языка	Основные изменения
Фонетический уровень	1) сохранение фонетических особенностей англицизмов
	2) изменение характеристик некоторых фонем: <ul style="list-style-type: none"> ○ [r] теряет вибрацию, приобретает признаки заднеязычного звука; ○ [v], [z], [g] оглушаются
	3) заимствование новых звуков: <ul style="list-style-type: none"> ○ [w]
	4) ускорение темпа речи
Морфологический уровень	1) изменение инвентаря некоторых морфем: <ul style="list-style-type: none"> ○ -s для выражения множественного числа; ○ `s для выражения притяжательного падежа
	2) увеличение словообразовательной продуктивности суффиксов (7% единиц в проанализированном корпусе неологизмов) <ul style="list-style-type: none"> ○ -baar ○ -gewijs
Лексический уровень	1) рост прямых неассимилированных заимствований (40% англицизмов в проанализированном корпусе неологизмов)
	2) рост омонимии
	3) увеличение количества аббревиатур и акронимов
	4) изменение орфографических норм: <ul style="list-style-type: none"> ○ использование новых буквосочетаний <i>wh, sh, sc, oa</i> ○ раздельное написание сложных слов
Синтаксический уровень	1) усиление фактора лингвистической экономии
	2) увеличение количества заимствованных неассимилированных фразеологических конструкций